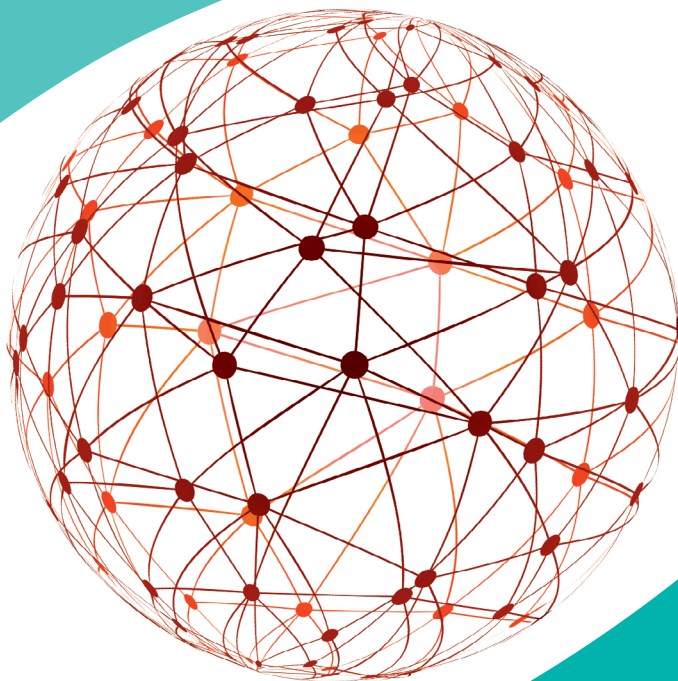

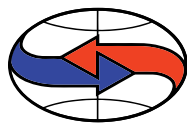
№ 3 (31) / 2025

ISSN: 2687-0703

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Институт стран СНГ

Научно-аналитический журнал

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

№ 3 (31)

Москва

2025

СОВЕТ УЧРЕДИТЕЛЕЙ

Затулин К. Ф., специальный представитель Государственной думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов;

Никифоров К. В., доктор исторических наук, историк-славист, директор Института славяноведения РАН;

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, историк, этнолог, социальный антрополог, действительный член РАН;

Торкунов А. В., действительный член РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, председатель совета директоров АО «Первый канал».

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев С. Ю., академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации в Национальном банковском совете;

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Кожокин Е. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России;

Кузнецов А. В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;

Ли Юнцзянь, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук;

Симонов К. В., кандидат политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, основатель и генеральный директор ФНЭБ;

Суварян Ю. М., академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор экономических наук, профессор, академик-секретарь Отделения арменоведения и общественных наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белогорьев А. М., заместитель главного директора по энергетическому направлению, директор Центра стратегического анализа и прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса;

Вардомский Л. Б., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН;

Волошин В. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором энергетической политики Института экономики РАН;

Дзарасов Р. С., доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Жильцов С. С., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;

Конотопов М. В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ИЭ РАН;

Кришталь И. С., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»;

Кузнецова О. Д., доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономических наук Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Лавренов С. Я., доктор политических наук, профессор Военного университета Министерства обороны России;

Медведев Д. А., кандидат политических наук, доцент кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина;

Олимов М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета;

Панова Г. С., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России;

Рахимов М. А., доктор исторических наук, профессор, Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана;

Тавадян А. А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра экономических исследований Армении;

Устюжанина Е. В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Хейфец Б. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ;

Чуфрин Г. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центр постсоветских исследований ИМЭМО РАН;

Штоль В. В., доктор политических наук, профессор, член научного совета при Совете безопасности России, член центрального правления Российской ассоциации содействия ООН, член Экспертного совета по проведению государственной религиозно-ведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор – А. А. Мигранян, доктор экономических наук, профессор

Редактор – О. А. Борисова, научный сотрудник Института стран СНГ

Корректор – Е. И. Белецкая

Вёрстка – А. А. Горбунов

**Учредитель и издатель –
Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)**

**Журнал «Геоэкономика энергетики»
рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК)
в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Энергетические рынки в третьем квартале сохраняли относительную стабильность на фоне роста геополитической напряженности и избыточного предложения, рост цен в июле был обусловлен фактором спроса (летней активностью в туристическом секторе и в сельском хозяйстве), незначительным снижением добычи и запасов в США.

Применение мер санкционных ограничений становится распространенной практикой во всех секторах мирового рынка и охватывает все больше стран, а в сочетании с растущими ставками тарифных ограничений (тарифные и торговые войны) формирует устойчивую систему неконкурентных мер в новой реальности пренебрежения системы регулирования международной торговли. Комплексное дискриминационных исследование мер ограничения торговли и сдерживания экономического развития отдельных стран (Венесуэлы, Ирана, России и т.п.) позволяют выработать новые подходы стратегического планирования внешнего сектора для стран, находящихся под санкциями.

Влияние геополитических факторов распространяется на энергетический сектор в целом, в частности на рынок атомной генерации. В странах с дефицитом генерации электроэнергии наблюдается жесткая конкуренция между основными игроками рынка (Россия, ЕС, США, Китай), владеющими технологиями строительства АЭС, что в большей степени обусловлено риском санкций. На этом фоне развитие ВИЭ несколько потеряли свою приоритетность в краткосрочной перспективе, но сохраняется давление требований энергоперехода и декарбонизации экономики. В большинстве своем правительства следуют стратегии зеленых технологий, сохраняя динамику внедрения возобновляемой генерации. В текущем номере приведены исследования стратегий зеленого перехода в Турции, Азербайджане, странах Персидского залива.

В условиях турбулентности мировых рынков особый интерес вызывает успешно продвигаемая политика экспансии Китая, особенно в энергетическом секторе. Стратегия CNPC на внешних рынках сохраняет эффективность и основана на синтезе политических интересов своей страны и экономической прагматичности, что формирует новые подходы к фрагментации мирового рынка.

*С уважением,
главный редактор Мигранян А. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	4
ГЕОПОЛИТИКА И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
МАРКАРОВ А., ДАВТЯН В. <i>Стратегическое значение АЭС в энергетике Армении: внутренние приоритеты и внешнее давление</i>	6
ЛИТВИНОВ А. <i>Стратегии СССР, Ирана, Венесуэлы и Северной Кореи по преодолению санкционного режима</i>	21
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	
ГУЗАЕРОВ Р. <i>Стратегия Турции в области возобновляемых источников энергии</i>	39
КУЛИКОВ А., НИКИТИН Е. <i>Международная деятельность CNPC: институциональные особенности и последствия для стран-партнеров</i>	51
ЭКОЛОГИЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	
ЛЮБОМИРОВА П. <i>Оценка потенциала развития шельфовой ветроэнергетики в Каспийском море на примере Азербайджана</i>	64
ЖИЛЬЦОВ С., ХЕЗЗЕКОВА К. <i>Энергопереход стран Персидского залива</i>	85
ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	
ПЯСТОЛОВ О., РАШИДЯН Д. <i>Международный опыт применения кооперации в интеграционных проектах</i>	104
МИРОВЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ	
НОВИКОВ В. <i>Проект глубоководного порта Анаклия: его транспортно-логистическое и политическое значение</i>	124
СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ТЕКСТЕ	144

Александр МАРКАРОВ

Ваге ДАВТЯН

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АЭС В ЭНЕРГЕТИКЕ АРМЕНИИ: ВНУТРЕННИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ВНЕШНЕЕ ДАВЛЕНИЕ

Дата поступления в редакцию: 14.08.2025.

Для цитирования: *Маркаров А. А., Давтян В. С., 2025. Стратегическое значение АЭС в энергетике Армении: внутренние приоритеты и внешнее давление. – Геоэкономика энергетики. № 3 (31). С. 6–20. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_6*

Представлены экономические и геополитические аспекты функционирования Армянской АЭС. Вопросы развития «мирного атома» в Армении представлены в свете долгосрочных стратегических интересов Армении. В частности, большое внимание уделено перспективам наращивания экспорта электроэнергии в рамках электроэнергетического коридора «Север – Юг». Дана характеристика Армянской АЭС как гаранта энергетической безопасности Армении. Установлено, что развитие энергетического комплекса республики с акцентом на солнечную генерацию на фоне постепенного сокращения доли АЭС в энергобалансе содержит в себе риски и угрозы энергетической безопасности и устойчивости. Дана оценка используемому Турцией и Азербайджаном экологическому дискурсу в целях проведения информационной и политической кампаний против Армянской АЭС. Изучены особенности

МАРКАРОВ Александр Александрович, доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета, директор Ереванского филиала Института стран СНГ. **E-mail:** amarkarov@ysu.am. **Адрес:** Республика Армения, г. Ереван, 0025, ул. Алека Манукяна, д. 1. **SPIN-код:** 9302-0149

ДАВТЯН Ваге Самвелович, доктор политических наук, старший научный сотрудник сектора кавказских исследований ИККА РАН, профессор Российско-Армянского университета. **E-mail:** vahedavtyan@yandex.ru. **Адрес:** Республика Армения, г. Ереван, 0051, ул. Овсепя Эмина, д. 123. **SPIN-код:** 7094-6199

Ключевые слова: Армения, атомная энергетика, АЭС, безопасность, экология, Турция, Азербайджан, Россия, ЕС, США, малый модульный реактор, ВВЭР-1200.

российско-армянских отношений в сфере атомной энергетики. Показано, что в условиях нарастания геополитической конкуренции на Южном Кавказе ряд внерегиональных акторов стремятся обеспечить свое присутствие в атомной энергетике Армении. Отдельно рассмотрены предложения России и США по строительству в республике нового атомного энергоблока. Посредством проведения сравнительного анализа установлено, что наиболее целесообразным для Армении представляется предлагаемый Россией проект.

Введение

Вопрос о будущем армянской атомной энергетики выходит далеко за рамки технологической дискуссии или отраслевого планирования. Он затрагивает фундаментальные аспекты национальной безопасности, внешнеполитического курса республики и ее экономического суверенитета. Сегодня, обладая единственной АЭС на Южном Кавказе, Армения оказалась на перекрестке стратегических интересов ряда внерегиональных акторов — от сохранения и развития «мирного атома» в связке с российской платформой до внедрения экспериментальных по своей сути проектов в интересах западных центров силы, прежде всего США, с сопутствующей трансформацией внешнеполитического курса.

Для Армении атомная энергетика — не только гарант энергетической безопасности и стабильности, но также инструмент формирования экспортной стратегии и позиционирования республики как устойчивого и ответственного производителя электроэнергии. Наличие АЭС для Армении — это возможность участия в трансрегиональных энергетических схемах, прежде всего — в электроэнергетическом коридоре «Север — Юг» с последующим укреплением ее геоэкономических позиций. В условиях усиливающейся геополитической конкуренции внерегиональных акторов за доминирование в энергетической архитектуре Южного Кавказа, выбор сценария дальнейшего развития «мирного атома» становится своего рода маркером стратегической ориентации Еревана.

Такие акторы, как США, не первый год стремятся обеспечить свое доминирование в сфере армянского «мирного атома», продвигая в Армении проект строительства малого модульного реактора (ММР) — экспериментального по сути объекта, не вписывающегося в геоэкономические и стратегические интересы республики. Благодаря проведенным госкорпорацией «Росатом» масштабным ремонтным и модернизационным работам, срок эксплуатации Армянской АЭС может быть продлен до 2036 г., однако уже сегодня Еревану необходимо принять стратегическое решение на предмет строительства нового атомного энергоблока.

Введенная в эксплуатацию в конце 1970-х гг. Армянская (Мецаморская) АЭС сегодня — не только объект, обеспечивающий до 30% генера-

ции электроэнергии в республике, но также отражение стратегического выбора, отличающего Армению от ее соседей по региону. Тем не менее отсутствие системного планирования и стратегического сценарного анализа со стороны действующего правительства Армении приводит к рискам долгосрочного развития «мирного атома». При этом публичные заявления о приоритетности возобновляемых источников энергии (ВИЭ), в частности солнечной энергетики, создают дополнительные стратегические риски для развития отрасли.

АЭС как стратегический фактор

В течение последних 20 лет, т. е. после повторного запуска 2-го энергоблока Армянской АЭС в 1995 г., ее доля в электроэнергетическом балансе республики стабильно превышала 35–40%, обеспечивая не только энергоснабжение в условиях отсутствия ископаемого топлива, но и относительную предсказуемость и социальную ориентированность тарифной политики. Однако в последние годы этот показатель снизился до 30%, что связано как с увеличением доли солнечной генерации, так и с проведением плановых ремонтных и модернизационных работ. В результате проведенной «Росатомом» модернизации установленная мощность энергоблока возросла с 407 МВт до 448,2 МВт с возможностью продления срока его эксплуатации до 2036 г.¹

Обратимся к этим показателям электроэнергетической отрасли Армении. В 2023 г. производство электроэнергии в Армении достигло 8,845 млн кВт·ч, что на 3,5% меньше показателя предыдущего года (9,165 млн кВт·ч). В то же время наблюдается спад на всех типах генерации, кроме солнечной: производство на АЭС сократилось на 4,8%, на тепловых электростанциях (ТЭС) – на 4,2%, на гидроэлектростанциях (ГЭС) – на 15,2%. Наряду с этим прирост производства электроэнергии на солнечных электростанциях (СЭС) составил рекордные 55%, доведя их долю в общей генерации до 8,7%². Это обстоятельство трактуется правительством как серьезное достижение на пути диверсификации энергосистемы, хотя известно, что в условиях нестабильной генерации и отсутствия систем накопления энергии значимость солнечной генерации для обеспечения энергетической безопасности ограничена. Несмотря на впечатляющие темпы роста, количественное расширение солнечной генерации само по себе не является гарантией повышения качества и устойчивости энергосистемы. Напротив, стремительное увеличение солнечных мощностей при отсутствии должной син-

¹ Отжигательные перспективы: все о модернизации Армянской АЭС // <https://rosatom-service.ru/news/otzhigatelnye-perspektivy-vse-o-modernizatsii-armya/>, дата обращения 19.07.2025.

² В 2023 г. в Армении было выработано 8845.1 млн кВт·ч. электроэнергии // https://finport.am/full_news.php?id=49781, дата обращения 19.07.2025.

хронизации с остальными — конвенциональными — секторами энергетики может порождать системные риски, нарушая стабильность энергоснабжения. Показательным в этой связи является крупномасштабный блэкаут в Испании в апреле 2025 г., вызванный резким выпадением из сети порядка 13 ГВт мощности. Анализ причин аварии указывает на отсутствие сбалансированного подхода к интеграции СЭС в энергетическую систему³.

Снижение объемов выработки электроэнергии в Армении следует рассматривать не как следствие кризиса генерации, а последовательной децентрализации энергосистемы. Существенный рост числа автономных солнечных станций — около 39 тыс. с совокупной установленной мощностью 510 МВт, увеличивающейся в среднем на 15 МВт в месяц, — приводит к снижению потребления электроэнергии из централизованной сети. При этом общая мощность всех СЭС уже превышает мощность действующего блока АЭС и составляет около 770 МВт. Однако эта распределенная генерация в основном выпадает из официальной статистики и системы планирования⁴.

Кроме внутреннего потребления, Армянская АЭС — ключевая компонента экспортной стратегии. В рамках бартерной формулы «3 кВт·ч за 1 куб. м газа» Армения поставляет электроэнергию в Иран, импортируя при этом природный газ, часть которого используется на ТЭС. Потенциал этих поставок существенно вырастет после завершения строительства третьей ЛЭП между Арменией и Ираном, которая позволит утроить объемы экспорта. С учетом недостаточного использования существующей пропускной способности газопровода «Иран — Армения» (400–450 млн куб. м в год при мощности 2,3 млрд куб. м), наращивание бартерного обмена становится очевидной задачей. Именно поэтому развитие «мирного атома» в Армении, в частности, строительство нового энергоблока представляется сегодня стратегической необходимостью — в целях обеспечения устойчивого и стабильного экспорта — не только в иранском, но также в грузинском направлениях. Впрочем, текущее регулирование рынка создает существенные препятствия реализации этой стратегии. С февраля 2022 г. в Армении реализуется программа либерализации электроэнергетического рынка, предусматривающая дерегуляцию цен и допуск независимых трейдеров к экспортно-импортным операциям. Однако вместо стимулирования экспорта, как это предполагалось, либерализация рынка привела к наращиванию импорта электроэнергии, в первую очередь из Грузии. Сегодня Армения при наличии избыточных генерирующих мощностей фиксирует отрицательное сальдо в торговле

³ Причиной блэкаута на Пиренеях могла стать сверхвыработка ВИЭ при дефиците магнезитовой генерации // <https://peretok.ru/news/trading/28868/>, дата обращения 19.07.2025.

⁴ «Мы получили мощности в две АЭС. Теперь вопрос в том, как этим управлять»: Пашиян // https://finport.am/full_news.php?id=53472&lang=2, дата обращения 19.07.2025.

электроэнергией с Грузией. Так, в 2024 г. Армения экспортировала в Грузию 72,7 млн кВт·ч электроэнергии, тогда как импорт из Грузии в Армению составил 137,4 млн кВт·ч⁵.

Объем ежегодных поставок электроэнергии из Армении в Иран достигает 1 млрд кВт·ч, при этом наблюдается устойчивая тенденция к росту иранского спроса, что особенно заметно на фоне возрастающего дефицита электроэнергии в северных провинциях Ирана. В декабре 2024 г., в условиях резкого похолодания и ограниченных возможностей энергоснабжения, иранские власти были вынуждены ввести режим экономии, а президент Масуд Пезешкиан обратился к населению с просьбой понизить температуру котлов на два градуса, а в ряде провинций временно приостановили деятельность образовательных и государственных учреждений⁶.

Таким образом, учитывая имеющиеся возможности Армении интегрироваться в электроэнергетический коридор «Север — Юг» с последующим увеличением поставок как в южном, так и в северном направлении, строительство нового атомного энергоблока становится для Еревана стратегической необходимостью.

Однако АЭС играет для Армении не только геоэкономическую, но и стратегическую роль. *Во-первых*, станция обеспечивает базовую энергетическую автономию страны и служит гарантом ее энергетической безопасности и устойчивости; *во-вторых*, она позволяет укреплять научно-технический потенциал страны, позволяя сохранять компетенции в такой высокотехнологичной сфере, как ядерные технологии; *в-третьих*, наличие в Армении АЭС обеспечивает стране определенную международную субъектность, подчеркивая ее стратегический потенциал в региональном срезе. Вот почему далеко не случайны как осуществляемое Анкарой и Баку активное антиатомное лобби, направленное на консервацию Армянской АЭС, так и возрастающий интерес западных силовых центров в отношении армянского «мирного атома». Этот интерес в особенности детерминирован традиционным присутствием России в атомной энергетике Армении. Оба этих аспекта требуют отдельного рассмотрения.

«Экологический дискурс» как механизм давления

С момента возобновления эксплуатации 2-го энергоблока Армянской АЭС Турция и Азербайджан проводят международную информационную

⁵ Сколько электроэнергии потреблено в Грузии в 2024 г. // <https://sputnik-georgia.ru/20250207/skolko-elektroenergii-potrebleno-v-gruzii-v-2024-godu-292039877.html>, дата обращения 19.07.2025.

⁶ Иран переживает тяжелый энергетический кризис // <https://www.aa.com.tr/ru/мир/иран-переживает-тяжелый-энергетический-кризис/3432379>, дата обращения 19.07.2025.

кампанию, выстроенную на тезисах о несоответствии станции экологическим стандартам. Неоднократно выдвигались требования о закрытии объекта. В частности, одним из центральных аргументов Анкары выступает его географическая близость к армяно-турецкой границе — к городу Игдир, расположенному в 16 км от станции. Турецкие СМИ неоднократно публиковали и продолжают публиковать материалы⁷, в которых рост числа онкологических заболеваний, а также увеличение рождаемости детей с врожденными патологиями среди населения приграничных территорий объясняется эксплуатацией Армянской АЭС. Эти нарративы активно подхватываются и транслируются как на уровне правозащитных организаций, так и в официальной риторике турецких властей.

В октябре 2023 г. Анкара обратилась в Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) с требованием приостановить эксплуатацию Армянской АЭС⁸. Аналогичные обращения с турецкой стороны предпринимались и ранее, однако не приводили к каким-либо действиям со стороны наднациональных структур. На фоне турецких требований генеральный директор МАГАТЭ Рафаэль Мариано Гросси заявил, что планы по закрытию Армянской АЭС отсутствуют. По его словам, станция в полном объеме следует регламенту, рекомендациям и инструктивной базе, вырабатываемой МАГАТЭ, включая положения по оценке безопасности, инспекционной проверке и управлению остаточным сроком эксплуатации⁹. МАГАТЭ подтвердило, что на станции реализованы необходимые работы по капитальному ремонту и модернизации, а продление срока службы осуществляется в соответствии с международными стандартами. В том же 2023 г. Армения была избрана членом Совета управляющих МАГАТЭ¹⁰.

1 июня 2025 г. в турецком городе Игдыре в ходе митинга, организованного 33 экологическими и правозащитными организациями, вновь прозвучали призывы к прекращению эксплуатации Армянской АЭС. Как заявила председатель Ассоциации природы и окружающей среды города Мерсин (Турция) Сабахат Аслан, Армянская АЭС оказывает крайне нега-

⁷ Armenian Nuclear Power Plant should be shut down, says Turkish minister // <http://www.hurriyetdailynews.com/armenian-nuclear-plant-should-be-shut-down-says-turkish-minister.aspx?pageID=238&nID=104311&NewsCatID=348>, дата обращения 20.07.2025.

⁸ Турция требует от МАГАТЭ приостановить работу Армянской АЭС // <https://vesti.energy-journals.ru/turciya-trebuuet-ot-magatye-priostanovi/>, дата обращения 20.07.2025.

⁹ Планов по закрытию Армянской АЭС нет — гендиректор МАГАТЭ // <https://am.sputniknews.ru/20231205/planov-po-zakrytiyu-armyanskoj-aes-net--gendirektor-magatye-69613971.html>, дата обращения 20.07.2025.

¹⁰ Республика Армения избрана членом совета управляющих МАГАТЭ // <https://armenianpp.am/ru/info/noroutyouinner/hayastani-hanrapetoutyounn-yntnrvl-e-aemg-i-karavarichneri-xorhrdi-andam.html>, дата обращения 20.07.2025.

тивное воздействие на окружающую среду и здоровье населения, особенно в провинции Игдыр: «Мецаморская АЭС является одной из самых опасных атомных станций в мире. Она оказывает крайне негативное влияние на экологию и здоровье людей, особенно в районе провинции Игдыр. Мы обращаемся ко всем международным организациям, занимающимся вопросами атомной энергетики, а также к правительству Республики Армения с призывом закрыть Мецаморскую АЭС, пока Армения не превратилась во второй Чернобыль или Фукусиму. Уполномоченные органы нашей страны должны немедленно принять меры. Наша борьба будет продолжаться до тех пор, пока станция не будет закрыта»¹¹. Примерно таких же тезисов придерживается официальный Баку, многократно выступающий за консервацию станции. Так, в январе 2023 г. уполномоченный по правам человека Азербайджана Сабин Алиев призвала международные правозащитные организации оказать давление на Ереван с целью закрытия АЭС — «во избежание очередной катастрофы, подобной в Чернобыле и Фукусиме»¹².

Такая риторика систематически игнорирует как реальное техническое состояние Армянской АЭС, так и сам факт ее постоянного международного контроля. Станция функционирует под наблюдением МАГАТЭ, регулярно проходя как плановые инспекции, так и стресс-тесты. В настоящее время модернизация станции продолжается. В рамках второго этапа модернизационных работ, реализация которых продлится до 2026 г., компания «Росатом Сервис» осуществила поставку 1500 тонн нового оборудования. В рамках этих мероприятий при участии профильных российских институтов и организаций проделан значительный объем работ: в машинный зал станции доставлено и смонтировано новое оборудование; модернизированы системы безопасности и автоматизированного управления; выполнена уникальная технологическая операция — отжиг корпуса реактора и пр.¹³.

Таким образом, под прикрытием экологической риторики прослеживается политически мотивированная кампания, направленная против армянской ядерной энергетики как стратегического объекта. Именно поэтому систематическое давление, оказываемое на Армению Анкарой и Баку с псевдоэкологических позиций, требует анализа не только в рамках экологического дискурса, но также с позиций энергетического суверенитета и национальной безопасности.

¹¹ Турция требует закрыть Мецаморскую АЭС // <https://alphanews.am/tourqian-pahanjoume-pakel-mecamori-a/>, дата обращения 20.07.2025.

¹² Деятельность Армянской АЭС должна быть срочно прекращена, заявили в Баку // <https://ria.ru/20230125/aes-1847324625.html>, дата обращения 20.07.2025.

¹³ «Росатом сервис» поставил на Армянскую АЭС 1 500 т нового оборудования // <https://am.sputniknews.ru/20250619/rosatom-servis-postavil-na-armyanskuyu-aes-1-500-t-novogo-oborudovaniya-90368190.html>, дата обращения 20.07.2025.

Геополитика армянского «мирного атома»

Россия традиционно выступает ключевым партнером Армении в вопросах эксплуатации, а после 2015 г. — в модернизации Армянской АЭС, чем во многом и обусловлен неприкрытый интерес ряда западных субъектов в обеспечении своего стратегического присутствия в сфере атомной энергетики республики.

Российско-армянское сотрудничество в сфере развития «мирного атома» началось уже в ходе подготовки к повторному запуску 2-го энергоблока АЭС. В 2003 г. Ереван и Москва заключили соглашение о передаче Армянской АЭС в доверительное (финансовое) управление сроком на пять лет российской компании ЗАО «Интер РАО ЕЭС». В рамках соглашения компания взяла на себя обязательства по обеспечению безопасной работы станции, а также по бесперебойным поставкам ядерного топлива [*Решение правительства РА* № 1211-А, 2003]. По соглашению 75% прибыли от эксплуатации станции поступало Армении, 25% — управляющей компании. Также «Интер РАО ЕЭС» погасила накопленную задолженность Армянской АЭС в размере 40 млн долл. В 2008 г. договор был продлен, однако в 2011 г. «Интер РАО ЕЭС» инициировала его досрочное расторжение, аргументируя это выполнением всех взятых на себя обязательств¹⁴.

В 2020 г. в российско-армянском «атомном диалоге» наметились признаки напряженности. Поводом послужил отказ армянского правительства от части межгосударственного кредита в размере около 107 млн долл. из 270 млн, предоставленных Россией в 2015 г. в целях продления срока эксплуатации Армянской АЭС [*Соглашение РФ и РА*, 2015]. При этом российская компания «Росатом Сервис» осталась генеральным подрядчиком по модернизации станции. В результате акценты в двустороннем ядерном взаимодействии сместились: стратегический характер сотрудничества уступил место преимущественно техническому взаимодействию [Давтян, Хачикян, 2023].

В последние годы, на фоне некоторых трудностей в российско-армянских отношениях, вызванных кризисом членства Армении в ОДКБ и нацеленностью Еревана интегрироваться в ЕС, наблюдается возрастающая активность ряда западных акторов в атомной энергетике Армении. Одним из ключевых положений подписанного в ноябре 2017 г. «Соглашения о расширенном и всестороннем партнерстве между Арменией и Европейским союзом», стало предложение о консервации Армянской АЭС. Одной из сторон соглашения выступило Европейское сообщество по атомной энергии — «Евроатом» — международная организация членов ЕС. Вторая глава

¹⁴ Армения подтвердила отказ «Интер РАО» от управления Армянской АЭС // <https://ria.ru/20111126/498791107.html>, дата обращения 20.07.2025.

документа — «Энергетическое сотрудничество, включая ядерную безопасность», предусматривает, что взаимодействие между сторонами должно охватывать «заккрытие и безопасный вывод из эксплуатации Армянской АЭС и скорейшее принятие дорожной карты или плана действий с учетом необходимости заменить ее новыми мощностями для обеспечения энергетической безопасности и устойчивого развития Республики Армения» [СЕРА, 2017]. При этом документ не содержит предложений относительно типа этих «новых мощностей». В условиях продвижения стратегии «зеленой сделки», вероятно, речь идет о «зеленых» источниках энергии. Впрочем, под последними с 2022 г. в ЕС понимают также атомную энергетику — после принятия закона о таксономии¹⁵.

Тем не менее возникает вопрос: возможна ли замена Армянской АЭС на новый атомный объект в рамках предложений ЕС? Для ответа на этот вопрос обратимся к опыту ЕС и его политики в отношении атомных объектов некоторых стран Восточной Европы. В частности, Литва, вынужденная в 2009 г. законсервировать по требованию ЕС крупнейший на своей территории энергетический объект — Ингалинскую АЭС, заручилась обещаниями Брюсселя по строительству новой станции [Кретинин, 2013]. Однако на сегодняшний день эти планы так и не реализованы, а страна превратилась в нетто-импортера электроэнергии, что особенно усугубилось после распада электроэнергетического кольца БРЭЛЛ (Беларусь — Россия — Эстония — Латвия — Литва). Аналогия с литовским кейсом представляется весьма показательной для Армении, указывая на возможные риски и последствия при попытках заменить действующую АЭС. Отсутствие четких технических и экономических параметров замены Армянской АЭС в Соглашении с ЕС создает неопределенность для энергетической безопасности Армении. Вместе с тем, юрисдикция «Евроатома» распространяется исключительно на членов ЕС. Следовательно, изложенные в Соглашении тезисы о замене Армянской АЭС на новые мощности носят преимущественно характер рекомендаций.

Сегодня обсуждаются два предложения по строительству атомного энергоблока в Армении: российской госкорпорации «Росатом» и США. Российская сторона предлагает возведение энергоблока на базе реактора ВВЭР-1200 [Головной блок нового поколения..., 2013]. Речь идет о проверенной технологии, успешно используемой на ряде АЭС, в том числе Ленинградской. Проект обладает высокой степенью технической зрелости, подтвержденной длительным периодом эксплуатации аналогичных установок, а также уже существующей системой подготовки кадров, поставок топлива и сервисного обслуживания [Мурина, Жиряева, 2024].

¹⁵ ЕК включила в «зеленую» таксономию ЕС газ до 2030 г., атом — до 2045 г. // <https://peretok.ru/news/trading/24530/>, дата обращения 20.07.2025.

Предложение США, в свою очередь, предполагает строительство ММР. При этом важно подчеркнуть, что на сегодняшний день в самих США реактор подобного типа находится на стадии проектирования, и его ввод в эксплуатацию ожидается не раньше 2030 г. При этом аналитические оценки указывают на высокую себестоимость производимой на ММР электроэнергии¹⁶ и сложности его подключения к сети, что может поставить под сомнение экономическую целесообразность проекта.

В целом предлагаемый Вашингтоном проект сопряжен с высокой степенью неопределенности и технологических рисков. В условиях ограниченной устойчивости армянской энергетической системы подобный проект может создать дополнительные риски и угрозы энергетической безопасности, особенно в контексте уже рассмотренных выше экспортных перспектив республики. Более того, отсутствие практического опыта эксплуатации ММР в самих США сводит апробацию этой технологии в Армении к своего рода атомному эксперименту, что никак не может вписываться в стратегические интересы республики.

Подписание 14 января 2025 г. армяно-американской Хартии о стратегическом партнерстве затрагивает некоторые фундаментальные аспекты армянской энергетики, в том числе атомной. В частности, предполагается применение «Соглашения 123»¹⁷ (по названию статьи закона США об энергетике) — правового механизма, регулирующего внешнюю атомную политику США.

Впрочем, важно понимать, что Хартия была подписана в последние дни президентского срока Дж. Байдена, и ее дальнейшее применение во многом зависит от определения южно-кавказских приоритетов администрации Д. Трампа.

Для полноты картины проведем сравнительный анализ традиционной АЭС и ММР (табл.).

Сравнительный анализ, проведенный с учетом специфики экономического развития, энергетической системы и геополитических рисков Армении, показывает, что российское предложение представляется наиболее целесообразным с точки зрения технологической надежности и перспектив стабильной выработки электроэнергии в целях экспорта по электроэнергетическому коридору «Север — Юг». При выборе партнера в строительстве нового атомного энергоблока Ереван должен прежде всего исходить из рациональных критериев, среди которых следует особенно выделить наличие

¹⁶ Строительство первого малого модульного реактора в США отменено — его электричество слишком дорогое // <https://3dnews.ru/1095713/stroitelstvo-v-ssha-pervogo-malogo-modulnogo-reaktora-otmeneno-on-okazalsya-doroge-zayavlenno-go>, дата обращения 20.07.2025.

¹⁷ Армения и США подписали хартию о стратегическом партнерстве // <https://www.interfax.ru/world/1002909>, дата обращения 20.07.2025.

технологической базы и научной школы, инфраструктурной совместимости, а также минимизацию стратегических рисков.

Таблица

Сравнительный анализ традиционной АЭС (ВВЭР-1200) и ММП

Критерий	Традиционная АЭС (ВВЭР-1200)	Малый модульный реактор (ММП)
Установленная мощность	1200 МВт	50–300 МВт
Технологическая готовность	Высокая (серийное производство и эксплуатация)	Низкая (в стадии проектирования или пилотных запусков)
Экономика проекта (CAPEX/OPEX)	Высокие капитальные затраты, низкая себестоимость производимой электроэнергии	Ниже CAPEX, высокая себестоимость производимой электроэнергии
Сроки реализации	7–10 лет	3–5 лет
Уровень безопасности	Высокий (системы пассивной и активной защиты)	Потенциально высокий (не проверен в длительной эксплуатации)
Лицензирование и международная сертификация	Пройдены процедуры во многих странах, стандартизированы	В основном отсутствуют, процесс в начальной фазе
Срок службы	До 60 лет	20–40 лет
Стратегическая применимость	Подходит для базовой нагрузки и крупных энергосистем	Актуально для изолированных, автономных или мобильных систем

Источник: Составлено авторами.

Заключение

АЭС для Армении – не только основа национальной энергетической безопасности, но также ключевой геоэкономический объект, способствующий сохранению стратегического веса республики в регионе. Развитие «мирного атома» может позволить Армении – единственной на Южном Кавказе стране, располагающей АЭС, интегрироваться в международный электроэнергетический коридор «Север – Юг» на правах экспортера и ответственного производителя электроэнергии.

Несмотря на последовательное увеличение удельного веса ВИЭ (в особенности СЭС) в энергетическом балансе Армении, важно понимать, что для полноценного обеспечения энергетической безопасности необходимо синхронное и гармонизированное развитие традиционной и «альтернативной» генерации. Более того, как было показано, безудержный рост мощностей СЭС на фоне сокращения доли традиционной (в том числе атомной) генерации приводит к системным проблемам и рискам энергетической безопасности.

Экологическая риторика, используемая Анкарой и Баку, политически детерминирована и выступает в качестве инструмента давления, направленного на подрыв энергетического суверенитета Армении. Несмотря на соблюдение Армянской АЭС всех международных стандартов безопасности и проведенных масштабных модернизационных работ, проводимая против Армении антиатомная кампания нацелена на дискредитацию стратегически значимого объекта республики.

Вместе с тем атомная энергетика Армении продолжает оставаться в центре геополитической конкуренции ряда внерегиональных акторов, нацеленных на укрепление своих стратегических позиций на Южном Кавказе. Выбор конкретного сценария долгосрочного развития «мирного атома» во многом можно рассматривать в качестве внешнеполитического ориентира республики. Как показал проведенный сравнительный анализ, российское предложение (ВВЭР-1200) обладает большей технологической зрелостью и экономической целесообразностью по сравнению с проектом ММР, предлагаемом США. Последний пока носит экспериментальный характер и выделяется высокой степенью неопределенности.

Список литературы

Решение Правительства Республики Армения от 17 сентября 2003 г. № 1211-А «О передаче в доверительное управление прав, удостоверенных акциями закрытого акционерного общества „Армянская атомная электростанция“» // <https://www.arlis.am/hy/acts/11359> (на арм.).

Соглашение между Правительством РФ и Правительством РА о предоставлении Правительству РА государственного экспортного кредита для финансирования работ по продлению срока эксплуатации атомной электростанции на территории РА // <https://base.garant.ru/70916576/>, дата обращения: 20.07.2025.

Асмолов В. Г., Гусев И. Н., Казанский В. Р., Поваров В. П., Стацуря Д. Б., 2017. Головной блок нового поколения — особенности проекта ВВЭР-1200 // Известия вузов: Ядерная энергетика. № 3. С. 5—21. <https://doi.org/10.26583/npe.2017.3.01>.

Давтян В., Хачикян С., 2023. Армянская АЭС в фокусе геополитических интересов на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. № 8 (67). С. 121—128. DOI:10.20542/0131-2227-2023-67-8-121-128.

Мурина В. И., Жиряева Е. В., 2024. Международное сотрудничество государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» в условиях санкций // Вестник РУДН. Серия: экономика. № 3 (32). С. 470–488. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-3-470-488.

Кретинин Г. В., 2013. Атомная энергетика Прибалтики: история возникновения и политико-экономические особенности развития // Балтийский регион. № 2 (16). С. 41–50. DOI: 10.5922/2074-9848-2013-2-4.

CEPA – Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the One Part, and the Republic of Armenia, of the Other Part, 2017 // https://www.mfa.am/filemanager/eu/CEPA_ENG_1.pdf, дата обращения 20.07.2025.

MARKAROV Alexander A., D. Sc. (Politics), Professor at YSU, Director of the Armenian branch of the Institute of CIS Countries

Address: 1, Alek Manukyan str., Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: amarkarov@ysu.am

SPIN-code: 9302-0149

DAVTYAN Vahe S., D. Sc. (Politics), Senior Researcher at the Caucasus Studies Branch of the ICSA RAS, Professor at the Russian-Armenian University

Address: 123, Hovsep Emin str., Yerevan, 0051, Republic of Armenia

E-mail: vahedavtyan@yandex.ru

SPIN-code: 7094-6199

THE STRATEGIC IMPORTANCE OF THE NUCLEAR POWER PLANT IN ARMENIA'S ENERGY SECTOR: DOMESTIC PRIORITIES AND EXTERNAL PRESSURE

DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_6

Received: 14.08.2025.

For citation: *Markarov A. A., Davtyan V. S.*, 2025. The Strategic Importance of The Nuclear Power Plant in Armenia's Energy Sector: Domestic Priorities and External Pressure. – *Goeconomics of Energetics*. № 3 (31). P. 6–20. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_6

Keywords: Armenia, nuclear energy, nuclear power plant, security, ecology, Türkiye, Azerbaijan, Russia, EU, USA, small modular reactor, VVER-1200.

Abstract

The paper explores the economic and geopolitical dimensions of the Armenian Nuclear Power Plant (ANPP) operation. The development of nuclear energy in Armenia is examined in the context of the country's long-term strategic interests. Special attention is paid to the prospects for increasing electricity exports within the framework of the North–South electricity corridor. The ANPP is characterized as a cornerstone of Armenia's energy security. It is established that the ongoing transformation of the country's energy sector, with a focus on solar power and a gradual reduction in the share of nuclear generation in the energy mix, entails significant risks and threats to energy security and sustainability. The article evaluates how Türkiye and Azerbaijan instrumentalize environmental discourse as part of their political and informational campaigns against the ANPP. This study examines the specifics of Russian–Armenian relations in the nuclear energy sector. It demonstrates that amid growing geopolitical

competition in the South Caucasus, a number of extra-regional actors are seeking to establish their presence in Armenia's nuclear energy industry. The proposals from Russia and the United States concerning the construction of a new nuclear power unit in the republic are considered separately. A comparative analysis has established that the project proposed by Russia appears to be the most feasible for Armenia.

References

Decision of the Government of the Republic of Armenia dated September 17, 2003 No. 1211-A “On transfer to Trust Management of the rights certified by Shares of the Armenian Nuclear Power Plant Closed Joint Stock Company” // <https://www.arlis.am/hy/acts/11359> (In Arm.).

Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia on granting the Government of the Republic of Armenia a state export loan to finance the extension of the service life of a nuclear power plant in the Territory of the Republic of Armenia // <https://base.garant.ru/70916576/>, accessed 07/20/2025 (In Russ.).

Asmolv V. G., Gusev I. N., Kazansky V. R., Povarov V. P., Statsura D. B., 2017. New generation head unit – features of the VVER-1200 project // *Izvestiya vuzov: Nuclear power engineering*. No. 3. pp. 5–21. <https://doi.org/10.26583/npe.2017.3.01> (In Russ.)

Davtyan V., Khachikyan S., 2023. The Armenian nuclear power plant in the focus of geopolitical interests in the South Caucasus // *World Economy and International Relations*. No. 8 (67). pp. 121–128. DOI:10.20542/0131-2227-2023-67-8-121-128 (In Russ.)

Murina V. I., Zhiryaeva E. V., 2024. International cooperation of the State Atomic Energy Corporation Rosatom in the context of sanctions // *Bulletin of the RUDN University. Series: economics*. No. 3 (32). pp. 470–488. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-3-470-488 (In Russ.)

Cretinin G. V., 2013. Nuclear power industry in the Baltic States: the history of its origin and the political and economic features of its development // *Baltic Region*. No. 2 (16). pp. 41–50. Identification number: 10.5922/2074-9848-2013-2-4 (In Russ.)

CEPA – Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their member States, on the one hand, and the Republic of Armenia, on the other hand, 2017 // https://www.mfa.am/filemanager/eu/CEPA_ENG_1.pdf, accessed 20.07.2025 (In Eng.).

Андрей ЛИТВИНОВ

СТРАТЕГИИ СССР, ИРАНА, ВЕНЕСУЭЛЫ И СЕВЕРНОЙ КОРЕИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА

Дата поступления в редакцию: 14.08.2025.

Для цитирования: Литвинов А. И., 2025. Стратегии СССР, Ирана, Венесуэлы и Северной Кореи по преодолению санкционного режима. – Геоэкономика энергетики. № 3 (31). С. 21–38. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_21

В условиях усиления геополитической напряженности экономические санкции стали ключевым инструментом принуждения в международных отношениях. Однако их долгосрочные последствия и механизмы адаптации национальных экономик к санкционному давлению остаются областью, требующей системного изучения, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования — выявить закономерности и ключевые механизмы адаптации национальных экономик к санкционному давлению на основе сравнительного анализа исторического опыта СССР, Ирана, Венесуэлы и Северной Кореи.

В статье представлен сравнительный анализ исторического опыта адаптации к санкциям на примере четырех стран: СССР, Ирана, Венесуэлы и Северной Кореи. Исследование основано на историко-экономическом методе и сравнительном подходе, позволяющих выявить как универсальные закономерности, так и специфические особенности адаптационных стратегий в различных политико-экономических системах.

В статье определены ключевые факторы, обуславливающие экономическую устойчивость. Установлено, что эффективными механизмами адаптации являются диверсификация внешнеторговых связей и логистических коридоров.

ЛИТВИНОВ Андрей Игоревич, аспирант, кафедры международных экономических отношений РУДН им. П. Лумумбы. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. **E-mail:** landronik@yandex.ru. **SPIN-код:** 6050-6431. **ORCID:** 0000-0003-2633-3850

Ключевые слова: Санкции, экономическая адаптация, импортозамещение, диверсификация торговли, альтернативные финансовые системы, СССР, Иран, Венесуэла, Северная Корея.

доров, создание альтернативных финансовых институтов и инструментов (национальные платежные системы, криптоактивы), а также ускоренное технологическое импортозамещение в стратегических отраслях. Доказано, что результативность этих мер детерминирована типом экономической системы, степенью ее диверсификации и, что критически важно, своевременностью и комплексностью их реализации.

Проведенный сравнительный анализ позволяет выделить комплекс мер для современных государств, находящихся под санкционным давлением. Эмпирически доказано, что, несмотря на отсутствие универсальной модели, успешная адаптация возможна на основе синтеза государственного стратегического планирования, стимулирования внутренних рынков и активного поиска альтернативных экономических партнёров. Выявленные закономерности представляют ценность для разработки эффективной политики в области экономической безопасности.

Введение

Экономические санкции представляют собой целенаправленные ограничительные меры, применяемые государствами или международными организациями для достижения политических или экономических целей. По определению Гэри Клайда Хафбауэра, ведущего эксперта по санкциям из *Peterson Institute for International Economics*, санкции — это ограничительные меры экономического характера, вводимые для изменения поведения объекта санкций без применения военной силы [Hufbauer, Schott, Elliott, 2007:248]. В современной международной практике они стали важным инструментом внешней политики, особенно после окончания Холодной войны.

Современные санкции можно классифицировать по нескольким ключевым параметрам. По субъекту введения они делятся на унилатеральные (вводимые отдельными странами) и многосторонние (применяемые коалициями государств или международными организациями). По охвату воздействия выделяют точечные, секторальные и всеобъемлющие санкции. По объекту воздействия различают финансовые, торговые, технологические и транспортные ограничения [Cortright, Lopez, 2000:279]. Особое значение в последние десятилетия приобрели санкции, направленные на конкретные лица или организации, а не на экономику в целом.

Механизмы воздействия санкций на экономику страны-мишени многогранны [Тимофеев, Рождественская, Соколова, Чуприянова, 2024:96]. Как отмечает Дэниел Дрезнер в своей работе, основными каналами влияния являются: экономический (сокращение ВВП, дестабилизация финансовой системы), политический (давление на правящие элиты) и социальный (снижение уровня жизни населения) [Drezner, 1999:342]. При этом эффек-

тивность санкций зависит от множества факторов, включая степень экономической интеграции страны-мишени в мировую экономику и ее способность находить альтернативные рынки сбыта.

В научной литературе сформировалось несколько теоретических подходов к анализу адаптации стран к санкционному давлению. Модель стратегической автономии, разработанная Хафбауэром и Шоттом, делает акцент на создании замкнутых производственных циклов. Иранская концепция «экономики сопротивления» сочетает государственные меры для поддержания национальной экономики с постоянным поиском альтернативных путей для стабильного развития национальной экономики и формирования условий для экономического роста путем стимулирования научно-технологического прогресса [*Рахим Тарги*, 2024:143–147]. Более современная парадигма «санкционной устойчивости» Дрезнера связывает эффективность адаптации с уровнем диверсификации экономики [*Drezner*, 1999:342].

Оценка эффективности санкций остается предметом научных дискуссий. По данным исследований *Peterson Institute*, лишь около 30% санкционных режимов достигают своих политических целей [*Hufbauer, Schott, Elliott*, 2007:248]. Это подтверждается в исследовании российских ученых Заернюка В. М. и Алавифара С., но при этом они отмечают, что введение санкций ухудшает инвестиционный климат, ограничивает международную торговлю и инвестиционную активность бизнеса в большинстве стран [*Заернюк, Алавифар*, 2015:276].

Важными критериями оценки санкций являются не только достижение целей инициаторов, но и способность страны-мишени минимизировать ущерб, а также масштаб побочных эффектов, таких как гуманитарные последствия.

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в выявлении ключевых закономерностей и механизмов адаптации национальных экономик к санкционному давлению на основе сравнительного анализа исторического опыта СССР, Ирана, Венесуэлы и Северной Кореи.

Опыт адаптации стран к санкциям

СССР

Исторический опыт Советского Союза в преодолении санкционных ограничений представляет особую ценность для понимания механизмов адаптации крупной экономики к внешнему давлению. В отличие от современных точечных санкций, меры против СССР носили комплексный характер и развивались волнообразно, отражая изменение геополитической ситуации. Уже с первых лет существования советского государства, с 1917 г.,

западные страны применяли против него разнообразные ограничительные меры. В начальный период (1917–1933) санкции выражались прежде всего в отказе от дипломатического признания и экономической блокаде, что было попыткой изолировать большевистский режим. В 1930-е гг., по мере индустриализации СССР, ограничения сместились в сторону контроля за экспортом стратегических товаров и технологий, включая введение США «золотого эмбарго» и моральных запретов на торговлю. Особую роль играло блокирование кредитов и инвестиций, что вынуждало СССР искать альтернативные пути финансирования промышленности, включая внутренние ресурсы и вынужденную экономию.

Масштабная волна ограничений последовала сразу после Второй мировой войны, когда в 1949 г. западными странами был создан Координационный комитет по экспортному контролю (КоКом), установивший жесткие ограничения на передачу технологий. Этот этап ознаменовал переход к системной конфронтации времен холодной войны, когда санкции стали инструментом сдерживания научно-технического и военного развития СССР. Если до 1949 г. ограничения касались преимущественно торговли и финансов, то после создания НАТО и начала ядерной гонки они приобрели качественно новый характер, включив запреты на целые отрасли сотрудничества — от высоких технологий до культурных обменов. Таким образом, советский опыт демонстрирует как способность экономики адаптироваться к длительному давлению через импортозамещение и мобилизационную модель, так и объективные пределы такой адаптации в условиях технологической изоляции.

Особый интерес представляет анализ санкционной динамики в период холодной войны, когда экономические ограничения стали инструментом политического давления. Пиковыми моментами стали 1974 г. с принятием печально известной поправки Джексона — Вэника и 1979–1980 гг., когда введение советских войск в Афганистан спровоцировало беспрецедентный пакет ограничений, включая зерновое эмбарго. Эти меры оказали существенное влияние на советскую экономику, но одновременно стимулировали развитие альтернативных механизмов хозяйствования.

Советский опыт особенно ценен тем, что демонстрирует как стратегические успехи, так и системные просчеты в адаптации к санкциям. С одной стороны, СССР удалось создать мощную систему технологической автономии, с другой — сохранялась хроническая зависимость от импорта продовольствия и высокотехнологичного оборудования. Этот исторический прецедент позволяет выявить ключевые закономерности санкционного противодействия, актуальные и в современных условиях.

Таблица 1

**Хронология санкционных ограничений против Советской России* и СССР
и их влияние на трансформацию торгово-логистических связей
(1917–1983 гг.)**

Дата	Инициатор	Название/повод	Смысл и воздействие
1917–1920	Страны Антанты (Великобритания, Франция, США)	Экономическая блокада Советской России	Изоляция СССР, запрет на торговлю, попытка ослабить большевиков
1925	США	Золотое эмбарго	Отказ принимать советское золото
1930–1933	США	Непризнание СССР	Отказ в дипотношениях и кредитах до 1933 г.
1933–1934	США	Ограничение импорта советских товаров	Бойкот леса, угля, нефти из-за «рабского труда» в ГУЛАГе
1939–1941	США	«Моральное эмбарго» после войны с Финляндией	Запрет на продажу авиатехники и стратегических материалов СССР
1947	США	Отказ от включения СССР в план Маршалла	Лишение СССР доступа к послевоенным кредитам и экономической помощи
1948	США, Западные страны	Создание КоКом (<i>CoCom</i>)	Контроль за экспортом стратегических товаров в СССР и соцстраны
1948–1949	США	Ограничения на технологии	Запрет на передачу станков, электроники, военных и атомных технологий
1949	США и союзники	Создание КоКом	Запрет на передачу высоких технологий, особенно в оборонной сфере
1974	США	Поправка Джексона – Вэника	Отказ в режиме наибольшего благоприятствования, ограничение кредитов
1979–1980	США и союзники	Афганские санкции	Эмбарго на поставки зерна (снижение на 70%), технологий
1981–1983	США	Санкции после событий в Польше	Ограничения на поставки труб для газопроводов

Источник: Составлено автором.

* Советская Россия – неофициальное наименование самостоятельного социалистического
российского государства в период после Октябрьской революции 1917 г. и до
образования СССР в 1922 г. (Прим. авт.)

Санкционные ограничения оказали комплексное воздействие на советскую экономику, затронув ключевые сектора развития. В технологической сфере эмбарго КоКом привело к отставанию в таких отраслях, как микроэлектроника и компьютерные технологии, где произошел сильный разрыв с западными странами к середине 1980-х из-за того, что микроэлектроника вошла в бытовые приборы, в товары массового спроса [Худокормов, 2023:7-36]. Однако в ответ СССР создал уникальную систему закрытых научно-производственных комплексов («почтовые ящики»), позволившую сохранить лидерство в космической и оборонной промышленности. Особенно показателен пример разработки собственной линии ЭВМ «Эльбрус», которая хоть и уступала западным аналогам, но обеспечивала базовые потребности оборонного комплекса.

В торговой сфере поправка Джексона – Вэника нанесла удар по экспорту советских промышленных товаров, сократив доходы от торговли с США. Советское руководство ответило на это ускоренной интеграцией в рамках СЭВ, где доля СССР во взаимном товарообороте росла с 1975–1985 гг. в 1985 товарооборот со странами-членами СЭВ достиг 77,7 млрд советских рублей, в то время как товарооборот с капиталистическими странами составил 37,8 млрд советских рублей [Внешняя торговля СССР, 1986]. Была создана система многосторонних клиринговых расчетов, снизившая зависимость от доллара. Параллельно развивались новые направления экспорта.

Продовольственное эмбарго 1980 г. стало серьезным вызовом для советской аграрной системы, зависимой от импорта зерна. В краткосрочной перспективе проблему удалось решить за счет диверсификации поставщиков (Канада, Аргентина) и сокращения потребления. В долгосрочной перспективе была запущена масштабная «Продовольственная программа» [Постановление... № 132, 1982], значительно увеличившая инвестиции в сельское хозяйство в 1981–1985 гг. Хотя полностью решить проблему не удалось, доля импорта зерна начала сокращаться только к 1985 г.

Советский опыт адаптации к санкционному давлению демонстрирует как сильные, так и слабые стороны плановой экономики в условиях внешних ограничений. С одной стороны, СССР удалось создать мощную систему технологической автономии в стратегических отраслях (космос, оборона), сохранить контроль над ключевыми производственными цепочками и переориентировать торговые потоки на страны СЭВ. С другой – хронические проблемы сельского хозяйства и потребительского сектора усугублялись санкциями, создавая системные дисбалансы. Главный урок советского опыта – необходимость заблаговременного создания резервов и диверсификации до наступления кризиса, а не реагирования по факту. Историческая ценность этого кейса заключается в демонстрации пределов эффективности изолированной модернизации.

Иран

Исламская Республика Иран представляет собой уникальный пример страны, которая на протяжении четырех десятилетий успешно адаптируется к постоянно ожесточающимся санкционным режимам. Иран изначально формировал свою экономическую модель с учетом перманентного внешнего давления, что позволило выработать особые механизмы устойчивости. Первый бойкот иранским нефтепродуктам от Великобритании случился еще в 1950-х гг. в ответ на национализацию Англо-иранской нефтяной компании Ираном [Лазовский, 2020:81–93]. Санкционная история Ирана началась сразу после исламской революции 1979 г. и прошла несколько этапов эскалации, достигнув пика в 2012–2018 гг.

Особенностью иранского опыта является способность трансформировать санкционное давление в инструмент внутренней консолидации. Жесткие ограничения, введенные в 2012 г. (включая нефтяное эмбарго и отключение от *SWIFT*), стали катализатором развития так называемой экономики сопротивления. Эта модель сочетает элементы государственного регулирования с гибкими рыночными механизмами, позволяя сохранять основные экспортные потоки, особенно в нефтяном секторе.

Иранский опыт особенно ценен своими инновационными подходами к обходу финансовых ограничений. Развитие национальной системы межбанковских расчетов (*SIMA*), активное использование криптовалют и создание специальных экономических зон демонстрируют комплексный подход к решению проблем санкционного давления. При этом важно отметить, что иранская модель адаптации формировалась постепенно, проходя через периоды острого кризиса и последующей стабилизации.

Таблица 2

Хронология санкционных ограничений против Ирана и их влияние на трансформацию торгово-логистических связей

Дата	Инициатор	Название/повод	Смысл и воздействие
1979–1981	США	Санкции после исламской революции	Замораживание активов, запрет на торговлю
1995	США	Полное торговое эмбарго	Запрет на инвестиции в нефтегазовый сектор
2006–2010	ООН	Ядерные санкции	Ограничения финансовых операций, запрет на поставки оружия
2012	ЕС	Нефтяное эмбарго	Запрет на импорт иранской нефти, отключение от <i>SWIFT</i>
2018	США	«Максимальное давление»	Вторичные санкции против всех, кто торгует с Ираном

Источник: Составлено автором.

Нефтяные санкции 2012 г. нанесли тяжелейший удар по иранской экономике, сократив общий объем экспорта на 25% [Комшукова, 2016] и вызвав падение ВВП на 22% с 644 019 млн долл. в 2012 г. до 500 399 млн долл. в 2013 г. В ответ Тегеран разработал комплексную систему обходных механизмов, включающую создание «теневого флота», схемы смешивания нефти в морских терминалах и использование посреднических компаний в Малайзии и ОАЭ.

Финансовые ограничения, особенно отключение от *SWIFT* в 2012 и 2018 гг., парализовали традиционную банковскую систему. Иран ответил созданием альтернативных финансовых институтов — национальной системы *SIMA* для межбанковских расчетов и специальных экономических зон с особыми правилами валютного регулирования. Особенно показателен опыт использования криптовалют: где часть внешнеторговых операций проводилось через цифровые активы, а Центральный банк Ирана официально разрешил использовать криптовалюты для импорта.

В технологической сфере санкции стимулировали развитие собственного производства фармацевтической продукции. По оценкам аналитической компании «АРЭНСИ Фарма» — объем рынка фармацевтической продукции оценивается в диапазоне от 4 до 8 млрд долл., с годовым ростом приблизительно 4%². В настоящее время до 96% препаратов (по числу реализованных упаковок), необходимых иранским пациентам, производится внутри страны [Мамедьяров, 2018: 57–62].

Иран создал замкнутые производственные цепочки в нефтехимии и металлургии, хотя в высокотехнологичных отраслях зависимость от импорта комплектующих остается высокой.

Иранский опыт представляет собой наиболее успешный пример комплексной адаптации к длительному санкционному давлению. Стране удалось не только сохранить основные экспортные доходы через изощренные схемы обхода ограничений, но и создать параллельные финансовые и технологические системы. Ключевыми факторами успеха стали: гибкость экономической политики, способность быстро перестраивать торговые маршруты, развитие «экономики сопротивления». Однако иранская модель имеет свои ограничения — сохраняется высокая зависимость от нефтяного сектора, а уровень жизни населения значительно снизился. Этот опыт особенно ценен демонстрацией возможности относительно успешного функционирования в условиях жестких финансовых ограничений.

¹ World Bank Open Data. 2024. // <https://data.worldbank.org/>, дата обращения: 15.07.2025.

² Фармотрасль Ирана // ООО Аналитическая компания «АРЭНСИ Фарма» 2023. // <https://rncph.ru/blog/140225-2/>, дата обращения: 15.07.2025.

Венесуэла

Венесуэльский опыт адаптации к санкциям представляет особый интерес как пример страны, столкнувшейся с прогрессирующим ужесточением ограничений на фоне глубокого внутреннего экономического кризиса. Санкционное давление на Венесуэлу началось в 2005 г. с ограничений на поставки оружия и достигло пика в 2017–2019 гг., когда были введены секторальные санкции против ключевых отраслей экономики, включая нефтяной сектор.

Уникальность венесуэльского кейса заключается в том, что санкции наложились на системные проблемы экономики, чрезмерно зависимой от экспорта нефти. Это привело к беспрецедентному кризису, характеризующемуся гиперинфляцией, резким падением ВВП и массовой миграцией населения. Однако даже в этих условиях страна смогла выработать определенные механизмы адаптации, основанные на сочетании официальных и неформальных экономических практик.

Таблица 3

Хронология санкционных ограничений против Венесуэлы и их влияние на трансформацию торгово-логистических связей (2005–2020 гг.)

Дата	Инициатор	Название/повод	Смысл и воздействие
2005	США	Ограничения на поставки оружия	Ответ на сотрудничество со «странами-изгоями»
2014	США	Закон о защите прав человека	Замораживание активов чиновников
2017	США	Финансовые санкции	Запрет сделок с новыми госдолгами
2019	США	Нефтяное эмбарго	Запрет на импорт венесуэльской нефти
2020	США	«Максимальное давление»	Вторичные санкции против судов

Источник: Составлено автором.

Несмотря на жесткие санкционные ограничения, венесуэльский нефтяной сектор демонстрирует устойчивость за счет стратегической переориентации экспортных потоков и использования альтернативных схем сбыта. Основным направлением адаптации стала диверсификация рынков сбыта: если до введения санкций основными потребителями венесуэльской нефти выступали США и страны ЕС, то к 2023 г. более 60% экспорта было перенаправлено в азиатские страны, прежде всего в Китай и Индию³. Этот процесс сопровождался формированием сложных логистических цепочек с участием третьих стран (Малайзия, ОАЭ) и использованием так называемых

³ OPEC. Annual Statistical Bulletin. 2025. // <https://asb.opec.org/>, дата обращения: 15.07.2025.

мого теневого флота для морских перевалок, что позволило частично нивелировать ограничения на прямые поставки.

Не менее важным элементом выживания сектора стало внедрение альтернативных расчетных механизмов, включая использование криптовалют и сложных посреднических схем. Эти меры, хотя и увеличивают транзакционные издержки, позволяют поддерживать добычу на уровне 800–900 тыс. баррелей в сутки⁴, что остается критически важным для наполнения государственного бюджета. Параллельно наблюдаемая в экономике стихийная долларизация, официально терпимая властями, отражает общую тенденцию адаптации хозяйственных агентов к условиям гиперинфляции и валютным ограничениям [Мастепанов, Сумин, Чигарев, 2022].

Финансовые ограничения привели к гиперинфляции. Стихийная долларизация экономики (до 60% транзакций) стала естественной реакцией населения, которую власти были вынуждены легализовать. Центральный банк Венесуэлы разработал систему многоскоростного валютного курса, а в 2023 г. 25% импорта оплачивалось криптовалютой *Petro* и другими цифровыми активами.

В социальной сфере санкции усугубили гуманитарный кризис – 80% населения оказались за чертой бедности. Государство ответило созданием системы локальных комитетов снабжения (*CLAP*), распределяющих продовольственные пайки, и программой развития городского сельского хозяйства, увеличившего производство овощей. Однако эти меры лишь частично смягчили последствия кризиса.

Венесуэльский опыт является предостерегающим примером неадекватной реакции на санкционное давление. Страна, обладая значительными ресурсами, не смогла своевременно диверсифицировать экономику и создать эффективные механизмы адаптации. Хотя отдельные меры (стихийная долларизация, схемы обхода нефтяного эмбарго) дали временный эффект, системные просчеты в экономической политике привели к глубочайшему кризису. Главный урок – опасность сочетания санкций с внутренними структурными дисбалансами и отсутствием стратегического планирования. Венесуэла демонстрирует, что даже богатые природными ресурсами страны могут столкнуться с катастрофическими последствиями при неправильном управлении санкционными рисками.

Северная Корея

Северная Корея представляет собой уникальный пример страны, которая на протяжении всей своей истории существует в условиях практически полной экономической изоляции. Санкционный режим против КНДР, начавшийся еще в 1950 г., достиг максимальной жесткости в 2016–2017 гг.,

⁴ U.S. Energy Information Administration (EIA). Venezuela Energy Profile. 2024. // <https://www.eia.gov/international/analysis/country/VEN>, дата обращения: 15.07.2025.

когда были введены всеобъемлющие ограничения, затрагивающие все ключевые сектора экономики.

Особенностью северокорейского кейса является идеология «чучхе», ставшая основой для построения автаркической экономической модели. Эта система, основанная на принципах жесткой централизации ресурсов и приоритета военно-промышленного комплекса, позволила стране сохранять жизнеспособность, несмотря на беспрецедентные ограничения. Однако цена такой адаптации оказалась крайне высокой: хронический дефицит потребительских товаров, периодические гуманитарные кризисы и полная зависимость населения от государственного распределения.

Северокорейский опыт демонстрирует предельные формы адаптации к санкциям, включая создание параллельных финансовых потоков через криптовалюты, развитие теневой торговли через третьи страны и использование киберпреступности как инструмента получения валютных средств. Этот кейс особенно важен для понимания того, как экстремальные санкционные режимы могут трансформировать не только экономику, но и все общественные институты страны.

Таблица 4

Хронология санкционных ограничений против Северной Кореи и их влияние на трансформацию торгово-логистических связей

Дата	Инициатор	Название/повод	Смысл и воздействие
1950	ООН	Санкции после Корейской войны	Полное торговое эмбарго (смягчено в 1953 г.)
2006	ООН	Резолюция СБ ООН 1718	Первые санкции за ядерные испытания, запрет на экспорт в Северную Корею ряда наименований военной техники, а также предметов роскоши
2009	ООН	Резолюция СБ ООН 1874	Запрет на поставки оружия в КНДР и обязательства всех стран проверять и задерживать подозрительные грузы, направляемые в Северную Корею
2013	ООН	Резолюция СБ ООН 2087	Запрет поставок вооружений и право досмотра всех судов, направляющихся в Северную Корею. Разрешено конфисковывать и уничтожать любые грузы, которые могут быть использованы для военных разработок или программ создания оружия массового уничтожения
2013	ООН	Резолюция СБ ООН 2094	Ограничения на банковские операции

Продолжение таблицы 4 на следующей странице

Продолжение таблицы 4

Дата	Инициатор	Название/повод	Смысл и воздействие
2016	ООН	Резолюция СБ ООН 2270	Запрет на экспорт угля, железа, золота, ванадия, титана и редкоземельных металлов
2016	ООН	Резолюция СБ ООН 2321	Ограничение на экспорт северокорейского угля, а также запрет на экспорт меди, никеля, цинка и серебра из КНДР
2017	ООН	Резолюция СБ ООН 2371	Полный запрет на экспорт угля, железа, свинца и морепродуктов. Ограничения в отношении Банка внешней торговли КНДР, а также запрещено увеличение числа северокорейских гастарбайтеров, легально работающих в зарубежных странах
2017	ООН	Резолюция СБ ООН 2375	Запрет на импорт в КНДР из государств – членов ООН нефти и нефтепродуктов, создание совместных предприятий с участием северокорейского капитала, а также экспорт северокорейского текстиля, газового конденсата и жидкостей в государства – члены ООН. Запрет северокорейским гражданам работать за рубежом.
2017	США	Указ Д. Трампа	Право отключать от американской финансовой системы и замораживать активы любых компаний и частных лиц, ведущих торговлю с Северной Кореей. Запрет на посещение американских портов для судов и самолётов, заходивших в КНДР в течение последних 180 дней
2017	ООН	Резолюция СБ ООН 2397	Сокращение поставок нефти и продуктов нефтепереработки в КНДР на 90%, запрет на импорт в страну промышленного оборудования и транспортных судов, а также депортацию северокорейских рабочих из стран

Источник: Составлено автором

По его оценкам, в 2017 г. и 2018 г. сокращение ВВП составило 3,5 и 4,1% соответственно (табл. 3). Спад в добывающей промышленности превысил 17%, в обрабатывающей – был на уровне 9,1% [Толорая, Коргун, Горбачева, 2020:46]. В ответ правительство страны разработало уникальную систему выживания, основанную на трех принципах: милитаризация экономики (25% ВВП направляется на ВПК), жесткая централизация ресурсов и создание параллельных финансовых потоков.

Продовольственные санкции обострили хронический дефицит продуктов, который власти пытаются решить через систему «чучхейского» сельского хозяйства — принудительную мобилизацию городского населения на сельхозработы и создание распределенных подсобных хозяйств при предприятиях. По данным Всемирного банка, в 2022 г.⁵ возделываемые земли в КНДР составляли около 19% всей территории страны.

В технологической сфере изоляция привела к созданию абсолютно автономной системы — от национальной операционной системы «Красная звезда» (основанная на *Fedora Linux*) до полностью локализованного производства базовых промышленных товаров она обеспечивает потребности армии и госаппарата.

Северокорейский опыт представляет собой предельный вариант адаптации к санкциям через тотальную автаркию и милитаризацию экономики. С одной стороны, правительству страны удалось создать уникальную систему выживания, сочетающую жесткий контроль ресурсов с различными серыми схемами получения валюты. С другой — цена такой адаптации оказалась непомерно высокой — местами отслеживается гуманитарный кризис, ограничен доступ к современным технологиям, полная зависимость населения от государства. Этот кейс демонстрирует, что даже в условиях почти полной изоляции страна может сохранять жизнеспособность. Северокорейский опыт особенно важен для понимания пределов эффективности автаркических моделей.

Проведенное исследование стратегий адаптации различных стран к санкционному давлению позволило выявить ключевые закономерности и механизмы, определяющие устойчивость экономик в условиях внешних ограничений. Анализ исторического опыта СССР, Ирана, Венесуэлы и Северной Кореи демонстрирует, что эффективность противодействия санкциям зависит от комплекса факторов, включая уровень диверсификации экономики, способность к технологической автономии, гибкость финансовых систем и социальную стабильность.

Сравнительный подход к изучению адаптационных стратегий показал, что страны, начавшие подготовку к возможным ограничениям заблаговременно (как Иран), добились более значительных успехов в минимизации негативных последствий. В то же время государства, reagировавшие на санкции постфактум (СССР, Венесуэла), столкнулись с системными кризисами, усугубленными внутренними структурными дисбалансами. Особый случай представляет Северная Корея, где автаркическая модель, основанная на идеологии «чучхе», позволила сохранить жизнеспособность экономики, но ценой крайнего снижения уровня жизни населения и технологической отсталости.

⁵ The World Bank. Arable land in Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea data. 2024. // <https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.ARBL.ZS>, дата обращения: 15.07.2025.

Важным выводом исследования является подтверждение гипотезы о том, что универсальных стратегий адаптации не существует — каждая страна вырабатывает собственные механизмы в зависимости от политических, экономических и социальных условий. Однако можно выделить общие принципы, такие как диверсификация торговых потоков, развитие альтернативных финансовых инструментов (включая криптовалюты и национальные платежные системы), а также поддержка критически важных отраслей.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения выявленных закономерностей для разработки стратегий экономической устойчивости в современных условиях. Особую актуальность эти выводы приобретают в контексте усиления санкционного давления на ряд государств, включая Россию, что требует дальнейшего изучения новых инструментов адаптации, таких как цифровые валюты и альтернативные логистические маршруты.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом роли цифровых технологий в преодолении санкционных ограничений, а также с оценкой долгосрочных последствий санкций для глобальной экономической архитектуры. Полученные результаты могут быть полезны как для академического сообщества, так и для политиков, занимающихся вопросами экономической безопасности и международных отношений.

Таким образом, комплексное сопоставление опыта стран с разными экономическими системами, что позволяет выделить универсальные принципы противодействия санкциям. Полученные выводы могут быть использованы для разработки стратегий экономической устойчивости в современных условиях.

Список литературы

Внешняя торговля СССР за 1975—1985 гг. М.:1986. Финансы и статистика. // <https://istmat.org/files/uploads/29693>, дата обращения 15.07.2025.

Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 132 от 24 мая 1982 г. «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 г.». // <https://mpck.kpss.su/XXVI/III.pdf> (дата обращения 15.07.2025).

Заернюк В. М., Алавифар С., 2015. Оценка эффективности введения санкций: мировой опыт // Финансовая аналитика: проблемы и решения. № 42 (276). ISSN 2311-8768 // <https://cyberleninka.ru/article/n/>, дата обращения 15.07.2025.

Комишук О. В., 2016. Санкции в отношении Ирана: цели и последствия // ЭСПР. № 2. // <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-v-otnoshenii-irana-tseli-i-posledstviya>, дата обращения 15.07.2025.

Лазовский С. О., 2020. Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. № 1. С. 81–93. DOI: 10.20542/afij-2020-1-81-93.

Мамедьяров З. А., 2018. Фармацевтический сектор Ирана: состояние и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 7. С. 57–62. // <http://ras.jes.su/meimo/s207987840000076-2-1-ru>, дата обращения 15.07.2025.

Мастепанов А., Сумин А., Чигарев Б., 2022. Венесуэла под сводом санкций: разрушенная, но не сломленная // ЭП. № 9 (175). // <https://cyberleninka.ru/article/n/>, дата обращения 15.07.2025.

Тимофеев И. Н., Рождественская О. С., Соколова Т. С., Чуприянова П. И., 2024. Политика санкций: понятие, институты, практика: учебно-методические материалы № 11 // М.: НП РСМД, 2024. 96 с. ISBN 978-5-6051643-0-2. URL:<https://russiancouncil.ru/papers>, дата обращения 15.07.2025.

Рахим Тарги Х., 2024. Экономика сопротивления: опыт Ирана и российская действительность // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 14. № 3. С. 143–147. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-143-147.

Толорая Г. Д., Коргун И. А., Горбачева В. О., 2020. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 46 с. ISBN 978-5-9940-0668-9. // <https://inecon.org/docs/>, дата обращения 15.07.2025.

Худокормов А. Г., 2023. Научно-техническая революция в XX веке (в помощь лектору) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 15. Вып. 1. С. 7–36. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-1-7-36.

Фармотрасль Ирана 2023. // ООО Аналитическая компания «АРЭНСИ Фарма» // <https://rncph.ru/blog/140225-2/>, дата обращения 15.07.2025.

Cortright D., Lopez G. A., 2000. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 279 p.

Drezner D. W., 1999. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 342 p.

Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., 2007. Economic Sanctions Reconsidered. 3rd ed. Washington: Peterson Institute for International Economics, 248 p.

OPEC. Annual Statistical Bulletin. 2025. // <https://asb.opec.org/>, дата обращения 15.07.2025.

The World Bank. 2024. Arable land in Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea data. 2024. // <https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.ARBL.ZS>, дата обращения 15.07.2025.

U.S. Energy Information Administration (EIA) 2024. Venezuela Energy Profile. // <https://www.eia.gov/international/analysis/country/VEN>, дата обращения 15.07.2025.

World Bank Open Data. 2024. // <https://data.worldbank.org/>, дата обращения 15.07.2025.

Andrei I. LITVINOV, Postgraduate student, Department of International Economic Relations, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Address: bld. 6, Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

E-mail: landronik@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2633-3850

SPIN-code: 6050-6431

STRATEGIES OF THE USSR, IRAN, VENEZUELA AND NORTH KOREA FOR OVERCOMING SANCTIONS REGIMES

DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_21

Received: 14.08.2025.

For citation: *Litvinov A. I.*, 2025. Strategies of the USSR, Iran, Venezuela and North Korea for Overcoming Sanctions Regimes. – *Goeconomics of Energetics*. № 3 (31). P. 21–38. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_21

Keywords: Sanctions, economic adaptation, import substitution, trade diversification, alternative financial systems, USSR, Iran, Venezuela, North Korea

Abstract

Amid growing geopolitical tensions, economic sanctions have become a key instrument of coercion in international relations. However, their long-term consequences and the mechanisms of national economies' adaptation to sanction pressure remain an area requiring systematic study, which determines the relevance of this research.

The purpose of this study is to identify patterns and key mechanisms of national economic adaptation to sanction pressure based on a comparative analysis of the historical experiences of the USSR, Iran, Venezuela, and North Korea.

The article presents a comparative analysis of the historical experience of adaptation to sanctions in four countries: the USSR, Iran, Venezuela, and North Korea. The research relies on the historical-economic method and a comparative approach, which make it possible to identify both universal patterns and specific features of adaptation strategies in different political and economic systems.

The article identifies the key factors determining economic resilience. It establishes that effective adaptation mechanisms include diversification of foreign trade relations and logistical corridors, the creation of alternative financial institutions and instruments (national payment systems, crypto-assets), as well as accelerated technological import substitution in strategic industries. It is shown that the effectiveness of these measures is determined by the type of economic system, the degree of its diversification, and, most importantly, the timeliness and comprehensiveness of their implementation.

The comparative analysis makes it possible to outline a set of measures for modern states under sanction pressure. Empirical evidence demonstrates that, despite the absence of a universal model, successful adaptation is possible through a synthesis of state strategic planning, stimulation of domestic markets, and active pursuit of alternative economic partners. The identified patterns are valuable for developing effective policies in the field of economic security.

References

Foreign Trade of the USSR for 1975–1985. Moscow: Finance and Statistics, 1986. // <https://istmat.org/files/uploads/29693>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

The Decree of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers No. 132 of May 24, 1982 «On the USSR Food Program for the Period until 1990». // <https://mpck.kpss.su/XXVI/III.pdf>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

Zaernyuk V. M., Alavifar S., 2015. Assessing the Effectiveness of Sanctions Imposition: International Experience. *Financial Analytics: Problems and Solutions* 42 (276). ISSN 2311-8768. // <https://cyberleninka.ru/article/n/>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

Komshukova O. V., 2016. Sanctions Against Iran: Goals and Consequences. *ESPR* 2. // <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-v-otnoshenii-irana-tseli-i-posledstviya>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

Lazovsky S. O., 2020. The Economic Situation in Iran under US Sanctions. Analysis and Forecasting. *Journal of IMEMO RAS* 1, 81–93. DOI: 10.20542/afj-2020-1-81-93. (In Russ.)

Mamedyarov Z. A., 2018. Iran's Pharmaceutical Sector: State and Prospects. *World Economy and International Relations* 62 (7), 57–62. // <http://ras.jes.su/meimo/s207987840000076-2-1-ru>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

Mastepanov A., Sumin A., Chigarev B., 2022. Venezuela under the Pressure of Sanctions: Destroyed but Not Broken. *EP* 9 (175). // <https://cyberleninka.ru/article/n/>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

Timofeev I. N., Rozhdestvenskaya O. S., Sokolova T. S., Chupriyanova P. I., 2024. Sanctions Policy: Concept, Institutions, Practice: Teaching and Methodological Materials No. 11. Moscow: NP RSMD, 96 p. ISBN 978-5-6051643-0-2. URL: <https://russiancouncil.ru/papers>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

Rahim Taraghi Kh., 2024. Resistance Economy: Iran's Experience and Russian Reality. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University* 14 (3), 143–147. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-143-147.

Toloraya G. D., Korgun I. A., Gorbacheva V. O., 2020. Sanctions against the DPRK: Analysis of Consequences and Lessons. Scientific Report. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 46 p. ISBN 978-5-9940-0668-9. // <https://inecon.org/docs/>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

Khudokormov A. G., 2023. The Scientific and Technological Revolution in the 20th Century (Aid for Lecturers). Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal 15 (1), 7–36. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-1-7-36. (In Russ.)

Iran's Pharmaceutical Industry 2023. LLC Analytical Company «ARENCEY Pharma». // <https://rncph.ru/blog/140225-2/>, accessed 15.07.2025. (In Russ.)

Cortright D., Lopez G. A., 2000. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 279 p. (In Eng.)

Drezner D. W., 1999. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 342 p. (In Eng.)

Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., 2007. Economic Sanctions Reconsidered. 3rd ed. Washington: Peterson Institute for International Economics, 248 p. (In Eng.)

OPEC. Annual Statistical Bulletin. 2025. // <https://asb.opec.org/>, accessed 15.07.2025. (In Eng.)

The World Bank. 2024. Arable land in Democratic People's Republic of Korea and Republic of Korea data. 2024. // <https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.ARBL.ZS>, accessed 15.07.2025. (In Eng.)

U.S. Energy Information Administration (EIA) 2024. Venezuela Energy Profile. // <https://www.eia.gov/international/analysis/country/VEN>, accessed 15.07.2025. (In Eng.)

World Bank Open Data. 2024. // <https://data.worldbank.org/>, accessed 15.07.2025. (In Eng.)

Разиль ГУЗАЕРОВ

СТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ

Дата поступления в редакцию: 16.09.2025.

Для цитирования: *Гузаеров Р. И., 2025. Стратегия Турции в области возобновляемых источников энергии. – Геоэкономика энергетики. № 3 (31). С. 39–50. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_39*

В рамках данного исследования была рассмотрена стратегия развития области возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Турецкой Республике. В статье представлен анализ ключевых документов, стратегий, планов и законодательных актов в энергетической области. Отмечается, что в представленных документах расширение применения ВИЭ рассматривается как ключевой элемент диверсификации энергетической системы Турции и снижения зависимости от внешних источников энергоресурсов. Также планы подразумевают определенную степень локализации технологий для развития промышленного сектора и разработки собственных оборудования. Выявлено, что «зеленая стратегия» Турции корректируется исходя из планов Европейского союза и служат для Анкары ориентиром при разработке политики в области ВИЭ. Представлены ключевые показатели в области ВИЭ на среднесрочную перспективу, которые должны позволить перейти к устойчивой и ресурсоэффективной экономике как к элементу обеспечения конкурентоспособности турецкой экономики на мировой арене. В статье продемонстрированы ключевые показатели ВИЭ в энергетике Турции, представлены мощности добываемой энергии на гидроэлектростанциях, солнечных и ветряных электростанциях. Сделан вывод о том, область возобновляемых источников энергии демонстрирует динамичное развитие, благодаря чему Анкара будет стремиться понижать свою зависимость от внешних источников энергоресурсов.

ГУЗАЕРОВ Разиль Илшатович, младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117418, Нахимовский просп., д. 51/21. E-mail: guzaerov99@bk.ru. SPIN-код: 1316-0272. ORCID: 0000-0003-0006-997

Ключевые слова: Турция, энергетика, энергетический фактор, возобновляемые источники энергии, ВИЭ, солнечная генерация, гидроэлектростанция.

Энергетическая сфера является одной из ключевых областей государственной деятельности, необходимой для обеспечения функционирования всех секторов экономики. Для Турции вопрос развития области энергетики представляет особую важность с точки зрения национальной безопасности, так как она на 65% остается зависимой от внешних источников поставок [Akbulut, 2022]. Такая внешняя зависимость Анкары и отсутствие внутренних ресурсов для покрытия дефицита делает значимым развитие технологий возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Турция, являясь одним из ведущих государств, исходя из установленной мощности ВИЭ, начала активно продвигать стратегию развития данной области [Кылыч, Кескин, 2024]. Инвестиционные планы турецкого правительства в размере 73 млрд долл. до 2035 г. в ВИЭ и увеличение выработки на их основе энергии до 47 ГВт¹ свидетельствует о важности данной области для Турции.

Институционально-нормативная база Турции в области ВИЭ

Главным институтом, реализующим энергетическую политику Турции, является Министерство энергетики и природных ресурсов. Министерство определяет краткосрочную и долгосрочную политику страны в области энергии и природных ресурсов, обеспечивает контроль политики в области производства, передачи и распределения энергии, определяет политику ценообразования на производство и потребления источников энергии и природных ресурсов и т. д.² Деятельность в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ) ведется на основе закона «Об использовании возобновляемых источников энергии для производства электроэнергии» [Yenilenebilir enerji, 2005].

Под управлением министерства находится разветвленная система управлений и организаций, реализующих политику в данной области. В 2011 г. в составе министерства был сформирован генеральный директорат по возобновляемым источникам энергии, который был ответственен за подготовку технико-экономических обоснований внедрения технологий ВИЭ, разработку пилотных проектов в данной области, проведение исследований в области энергоэффективности в промышленности, контроль проектов в области энергоэффективности.

Однако указом президента Турции в 2018 г. [Cumhurbaşkanlığı Teşkilatı, 2018] директорат был расформирован, а вопросы возобновляемых источ-

¹ Türkiye 2035'e kadar yenilenebilir enerjiye 73 milyar dolar yatırım yapacak // <https://www.patronlardunyasi.com/turkiye-2035e-kadar-yenilenebilir-enerjiye-73-milyar-dolar-yatirim-yapacak>, дата обращения 21.07.2025.

² Enerji ve tabii kaynaklar bakanlığının teşkilat ve görevleri hakkında kanun // <https://mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3154.pdf>, дата обращения 10.07.2025.

ников энергии были переданы главному управлению по энергетическим вопросам министерства энергетики и природных ресурсов. Однако прекращение существования отдельного подразделения по ВИЭ не демонстрирует низкую приоритетность данного направления государственной политики, скорее наоборот, в рамках главного управления по энергетическим вопросам ВИЭ будут рассматриваться в общей совокупности энергетического баланса страны, что позволит более эффективно использовать средства в данной области. Более того, энергетика Турции остается довольно консервативной, для которой использование нефти и газа являются более выгодными, а внедрение «зеленых технологий» требует больших финансовых вложений [Пашаев, Гулиева, 2021: 62–63], что затрудняется с экономическим кризисом в стране, который начал развиваться с 2018 г.

Вопросы энергетического развития затрагиваются в различных национальных стратегиях и планах. Согласно *Плану развития Турции на период с 2024 по 2028 г.*, энергетика входит в число наиболее приоритетных сфер [On ikinci kalkınma planı, 2023]. Предполагается, что диверсификация источников энергии, использование ВИЭ и ядерных технологий позволит повысить энергетическую самодостаточность страны и укрепить ее позиции в международной торговле энергоресурсами. В плане содержатся такие пункты, как достижение нулевых выбросов к 2053 г. за счет ВИЭ, проведение новых тендеров по ВИЭ с обязательным использованием внутренних компонентов, определение потенциала внедрения ВИЭ в жилые дома. В целом предполагается, что к 2028 г. ветрогенерация увеличится с 11 ГВт до 18 ГВт, солнечная генерация – с 9,4 ГВт до 30 ГВт, доля ВИЭ (включая ГЭС) в выработке электричества должна возрасти с 42,4 до 50%. Следует упомянуть, что в *Национальном энергетическом плане Турции* [Türkiye ulusal enerji planı, 2022] указаны количественные показатели, которые необходимо достигнуть к 2035 г. Текущий план предполагает увеличение доли ветрогенерации и солнечной генерации энергии, доведя их мощность к 2035 г. до 29,6 ГВт и 52,9 ГВт соответственно. Ожидается, что реализация плана поспособствует «тихой революции» в энергетическом секторе страны и обеспечит ее устойчивость и ежегодный рост на 7500–8000 МВт каждый год.

Среднесрочная программа (2024–2026) [Orta vadeli program, 2023] представляет собой трехлетний план экономического развития Турции, который направлен на ускорение экономического развития страны и охватывает критически важные секторы. В программе акцентируется внимание на рост цен на энергоносители, сбои в цепочках поставок, вызванные Специальной военной операцией Россией на Украине, что требует от Анкары развития устойчивой энергетической системы для поддержания экономики страны. В рамках данной программы ставится цель по решению структурных проблем в турецкой экономике и особое внимание уделяется возможностям, создаваемых в результате зеленой и цифровой трансформации. Так,

в энергетическом секторе предполагается активное внедрение экологически чистых, низкоэмиссионных технологий. Наблюдаются примечательные планы по объединению ряда секторов, например, создание тепличных хозяйств в зоне доступа геотермальных источников энергии.

Планируется создание специальных правил для расширения использования возобновляемых источников энергии в существующих и создаваемых свободных экономических зонах. В рамках среднесрочной программы в целом делается большой акцент на развитие, применение и внедрение технологий ВИЭ для сокращения зависимости энергетической сферы от внешних источников. Однако не остаются без внимания и традиционные источники энергии. В рамках программы запланировано активизация разведки нефти и природного газа, а также расширение деятельности государственных нефтяных компаний за рубежом.

Зеленая трансформация выделяется отдельным пунктом в среднесрочной стратегии. Объясняется это значительным влиянием на Турцию глобальных тенденций в виде изменения климата, нарушения деятельности транспортно-логистических маршрутов и сбоя в цепочках поставок, оказавших влияние на баланс спроса и предложения энергоносителей. Анкара подчеркивает, что продолжает вести политику сближения с Европейским союзом и выполнения ее условий для интеграции.

В рамках данной политики подчеркивается приверженность страны Парижским соглашениям. Для адаптации государственной политики к борьбе с изменением климата в Турции был создан *План действий Зеленого меморандума* [*Yeşil mutabakat eylem planı*, 2021], представляющий собой дорожную карту по привлечению зеленых инвестиций в страну и поддержку зеленой трансформации. Документ ориентируется на решение ЕС о переходе к углеродной нейтральности к 2050 г. и создан для адаптации турецкого энергетического сектора к решениям Союза. Переход к устойчивой и ресурсоэффективной экономике рассматривается как элемент обеспечения конкурентоспособности турецкой экономики на мировой арене. Ориентирование на ЕС в развитии энергетической сфере демонстрирует сохраняющееся стремление Анкары углубить отношения с Брюсселем. Несмотря на заявления со стороны руководства страны об увеличивающейся роли Турции в глобальной системе и повышении самостоятельности на международной арене, ЕС сохраняет статус ориентира для турецкой политики.

Также министерство энергетики и природных ресурсов Турции издает собственные стратегические планы. Последнее издание охватывает период с 2024 по 2028 г. [*T.C. Enerji ve Tabii kaynaklar Bakanlığı 2024–2028 Stratejik Planı*, 2022]. Первой целью в документе ставится обеспечение устойчивости безопасности энергоснабжения и устанавливаются следующие количественные показатели: увеличение выработки солнечной энергии с 15,6 ГВт

до 33,1 ГВт к 2028 г., энергии ветра с 11,8 ГВт до 19,3 ГВт, других ВИЭ с 36 ГВт до 38,9 ГВт, ядерной энергии с 0 до 4,8 ГВт. В целом доля ВИЭ в энергетическом балансе должна повыситься до 50% к 2028 г. (аналогично Плану развития Турции на период с 2024 по 2028 г.). Главными препятствиями на пути достижения данной цели могут стать финансовые трудности, колебания цен на электростанции и разрывы цепочек поставок материалов и технологий. Более того, опасения вызывают трудности с непрерывностью выработки энергии из-за погодных условий. Также к 2026 г. Турция планирует достигнуть соглашений о строительстве второй и третьей АЭС, а также сформировать стратегию развития малых модульных реакторов. При этом отмечается необходимость работы с гражданским мнением из-за их неосведомленности о безопасности ядерной энергии.

Стратегия энергоэффективности Турции до 2030 года и II Национальный план действий по энергоэффективности [Enerji verimliliği 2030 stratejisi, 2022] ставит целью снижение количества энергии, потребляемой на ВВП Турции, на 15% и обеспечение общей экономии энергии в период 2024–2030 гг. 37,1 МТЭП, для чего будет инвестировано порядка 20,3 млрд долл. Одним из способов достижения подобной цели для турецкого руководства представляется реализация цели по увеличению доли ВИЭ в энергоснабжении страны, а также более активное их применение в ключевых областях экономики — промышленности и сельском хозяйстве.

На государственном уровне существует программа поддержки использования ВИЭ. Организация по регулированию энергетического рынка Турции (EPDK) в рамках механизма по поддержке ВИЭ (YEKDEM), который предоставляет электростанция на основе ВИЭ гарантию продаж электроэнергии по установленной цене. Механизм обеспечивает предсказуемость инвесторам, что должно повысить интерес к проектам в области ВИЭ [Коновалова, 2023: 31–32]. Также министерство энергетики и природных ресурсов создало механизм отбора и поддержки проектов ВИЭ (YEKA), в рамках которого проводится отбор проектов в области солнечной и ветровой энергетики. Победители конкурса получают право подключения к электросетям на 49 лет и гарантированную цену на покупку энергии на 20 лет³. Ожидается, что данная программа принесет государственному бюджету порядка 2 млрд долл. и поможет сократить импорт природного газа в объеме 1,1 млрд куб. м⁴.

³ Specifications for allocation of wind-based Renewable Energy Zones and connection capacities (YEKA (REZ) WPP-2024 SPECIFICATIONS) // <https://www.np-sr.ru/ru/content/64832-specifications-allocation-wind-based-renewable-energy-zones-and-connection-capacities>, дата обращения 21.07.2025.

⁴ YEKA yarışmalarıyla 2 milyar dolarlık bir yatırım ekonomiyeye kazandırılacak // <https://www.patronlardunyasi.com/yeka-yarismalariyla-2-milyar-dolarlik-bir-yatirim-ekonomiyeye-kazandirilacak>, дата обращения 21.07.2025.

ВИЭ в энергетическом балансе Турции

Гидроэлектростанции играют важную роль в энергетическом балансе Турции благодаря наличию большого количества водных ресурсов. Развитие отрасли началось с нефтяного кризиса 1973 г. и возникшей необходимостью заменить ТЭС, ранее работавшие на дешевой нефти. С тех пор в Турции насчитывается 771 гидроэлектростанция. Основные мощности ГЭС находятся на реках Тигр и Евфрат, а также на черноморском побережье. Среди крупнейших станций можно выделить ГЭС им. Ататюрка (2400 МВт), ГЭС Илису (1200 МВт), ГЭС Каракая (1800 МВт). Уровень рек в Турции сильно зависит от количества осадков, при этом засушливые периоды могут сменяться обильными осадками, повышающими уровень рек в горах, для чего турецкие инженеры возводят каскады плотин, выполняющих также противопаводковые функции. Более того, плотины отличаются своей высотой, так в стране возведено 5 плотин высотой более 200 метров⁵.

По состоянию на 2024 г. турецкие ГЭС выработали 32 ГВт электроэнергии, что составляет порядка 21,5% от общего процента производства энергии⁶. Согласно отчету министерства энергии и природных ресурсов по состоянию на май 2025 г. на ГЭС приходится 27,1% выработки энергии, что больше показателей природного газа (20,6%) и угля (18,4%) (рис.)⁷.

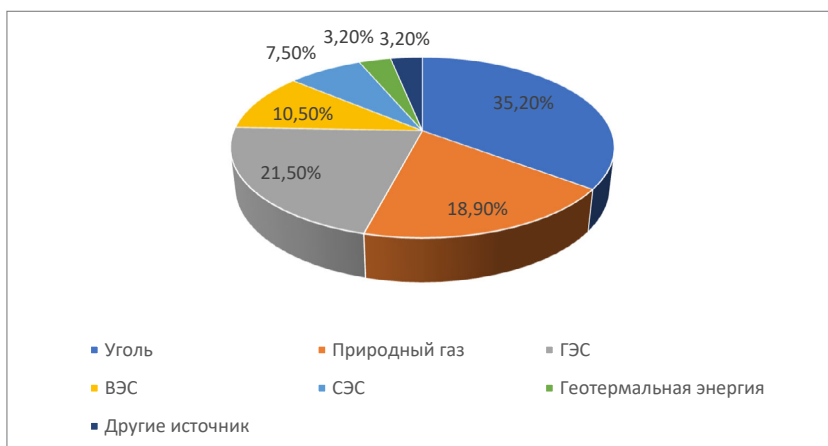

Рис. Структура добычи электроэнергии в Турции (2024 г.)

Источник: Elektrik

⁵ Турецкий гибрид // <https://vestnik-rushydro.ru/articles/11-noyabr-2022/v-mire/turetskiy-gibrid/>, дата обращения 21.07.2025.

⁶ Türkiye 2024'te elektrik üretiminin yüzde 22'sini hidroelektrik santrallerinden karşıladı // <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiye-2024te-elektrik-uretiminin-yuzde-22sini-hidroelektrik-santrallerinden-karsiladi/3429734#> дата обращения 21.07.2025.

⁷ Elektrik // <https://enerji.gov.tr/bilgi-merkezi-enerji-elektrik>, дата обращения 21.07.2025.

В Турции построено порядка 29 тыс. солнечных электростанций, вырабатывающих 16,6 ГВт энергии (по итогам 2024 г.). Наибольшее производство электроэнергии на СЭС приходится на Центральную Анатолию, наименьшее — Черноморский регион (табл. 1). Потенциал солнечной энергетики в стране обусловлен ее географическим положением, которое обеспечивает среднегодовое общее время солнечного сияния составляет 2741 час, а среднее годовое общее значение радиации — 1527,46 кВт·ч/кв. м⁸. Турецкие исследователи указывают, что Турция по данному потенциалу уступает лишь Испании из европейских государств [Doğan, Karakılçık, 2024]. Используя данный потенциал, Анкара намерена увеличить выработку солнечной энергии до 52,9 ГВт к 2035 г., интегрируя данные проекты с системами накопления энергии для обеспечения стабильности энергосистемы [Гурбандурдыева, Шалыева, 2025: 33–34].

Таблица 1

Потенциал солнечной энергии в Турции по регионам

Регион	Потенциал выработки солнечной энергии (в год)
Юго-Восточная Анатолия	1460 кВт·ч/кв. м
Средиземноморский регион	1390 кВт·ч/кв. м
Восточная Анатолия	1365 кВт·ч/кв. м
Центральная Анатолия	1314 кВт·ч/кв. м
Регион Эгейского моря	1304 кВт·ч/кв. м
Регион Мраморного моря	1168 кВт·ч/кв. м
Регион Черного моря	1120 кВт·ч/кв. м

Источник: [Doğan, Karakılçık, 2024]

Отдельным направлением развития данной области является сооружение плавучих солнечных электростанций. Первая подобная модель была построена в Турции в 2017 г. Турция обладает потенциалом по установлению данных систем на водохранилища при ГЭС, что не только позволит вырабатывать дополнительную энергию, но и снизит потери воды от испарения [Bilhan, 2024: 1513]. Особый акцент турецкого правительства на солнечную энергетику демонстрируют государственные инвестиционные проекты. Так, из 9,3 млрд долл., выделенных в рамках стратегии развития промышленности и технологий, 1,6 млрд долл. пойдут на проекты в области СЭС⁹. Анкара активно привлекает иностранных инвесторов в данную

⁸ Güneş // <https://enerji.gov.tr/bilgi-merkezi-enerji-gunes>, дата обращения 21.07.2025.

⁹ Sanayiye 9,3 milyar dolarlık 17 büyük yatırım // <https://www.dunya.com/ekonomi/sanayiye-93-milyar-dolarlik-17-buyuk-yatirim-haberi-770061>, дата обращения 22.07.2025.

область, например, саудовская энергетическая компания *ACWA* построит солнечные электростанции мощностью один гигаватт в Сивасе и Карамане стоимостью 2 млрд долл.¹⁰ Также активно осуществляется экспорт проектов в области СЭС в Африку, постсоветское пространство и на Балканы^{11, 12}.

В Турции существует 378 ветроэлектростанций (ВЭС) (порядка 4 тыс. ветряных турбин), на которые приходится 10% (13 240 МВт) выработки электроэнергии в стране. Крупнейшие ВЭС находятся в Манисе (*Soma Rüzgar Santrali* – 288 МВт), Измире (*Karaburun Rüzgar Santrali* – 235 МВт), Стамбуле (*İstanbul RES* – 200 МВт) и Афьонкарахисаре (*Albay Çiğiltepe RES* – 173 МВт) Турция также стремится локализовать производство ветряных турбин. Так, компания *Aselsan*, известная своими разработками в области оборонной промышленности, создает ветряные турбины для ВЭС Алачаты с долей локализации 65% для первой турбины и 80% – для второй¹³.

В данную область также привлекаются значительные инвестиции: из 30 млрд долл., выделенных в рамках программы стимулирования высоких технологий министерства промышленности и технологий, 1,7 млрд долл. были направлены на развитие ВЭС. Стремление развития данной области ВИЭ связано с потенциалом ветровой энергии, который по расчетам составляет 48 ГВт (37 ГВт на суше и 11 ГВт на шельфе) [*Erman*, 2024]. Однако, несмотря на это, наблюдается снижение темпа ввода ВЭС. Если в 2020–2021 гг. к сети было подключено 3 ГВт мощности ВЭС, то в 2022–2024 гг. менее 3 ГВт, а доля ветрогенерации в общем балансе практически не меняется последние 3 года, в то время как доля солнечной генерации увеличилась с 4,7% до 7,6%. Это объясняется ростом популярности солнечной энергетики, так как солнечные панели удобно устанавливаются в жилых секторах и не требуют специальных ограничивающих разрешений¹⁴.

Турция занимает первое место в Европе и четвертое в мире по установленной мощности геотермальных источников, что обусловлено расположением страны на активном тектоническом поясе. Основные источники (78%) расположены в Западной Анатолии. 10% из всех геотермальных источников

¹⁰ Suudi Arabistan'dan Türkiye'ye 2 milyar dolarlık dev yatırım: İki ilde kurulacak // <https://www.gzt.com/jurnalist/suudi-arabistandan-turkiyeye-2-milyar-dolarlik-dev-yatirim-iki-ilde-kurulacak-3797302>, дата обращения 22.07.2025.

¹¹ Kosova'da Yıldırım Group'tan 43 milyon euroluk güneş enerjisi yatırımı — Patronlar Dünyası // <https://www.patronlardunyasi.com/kosovada-yildirim-grouptan-43-milyon-euroluk-gunes-enerjisi-yatirimi>, дата обращения 22.07.2025.

¹² Türk şirketten Tanzanya'ya 33 milyon dolarlık GES yatırımı — Patronlar Dünyası // <https://www.patronlardunyasi.com/turk-sirketten-tanzanyaya-33-milyon-dolarlik-ges-yatirimi>, дата обращения 22.07.2025.

¹³ ASELSAN wind turbine ART4.X // <https://www.aselsan.com/en/teknoloji/product/3081/4x-mw-wind-turbine>, дата обращения 21.07.2025.

¹⁴ Турция замедлила ввод ветроэлектростанций // <https://globalenergyprize.org/ru/2025/02/07/turcija-zamedlila-vvod-vetrojelektrostancij/>, дата обращения 21.07.2025.

являются пригодными для производства электроэнергии. В стране работает 63 геотермальных электростанций, вырабатывающих 1650 МВт энергии¹⁵.

Доля энергии биомассы в энергетическом балансе Турции занимает примерно 2%. Производство электроэнергии данным способом производится в 73 (из 81) провинциях, где суммарно вырабатывается 2102 МВт энергии ежегодно. При этом потенциал в области энергии биомассы составляет 9 ГВт¹⁶.

Таким образом, Турция стремится использовать весь имеющийся потенциал возобновляемых источников энергии. Амбициозные планы турецкого правительства связаны с наличием большого запаса использования ВИЭ, что должно позволить перейти к устойчивой и ресурсоэффективной экономике как к элементу обеспечения конкурентоспособности турецкой экономики на мировой арене.

* * *

Вопрос обеспечения энергетической безопасности для Турции, зависимой от внешних поставок энергоресурсов, является одним из важнейших элементов государственной политики. Особую динамику развития в данном контексте демонстрирует сфера возобновляемых источников энергии. Турция нацелена на планомерное увеличение доли ВИЭ в энергетическом балансе, что позволит ей обеспечивать энергетический комплекс собственными возможностями и снизить зависимость от внешних источников. Анализ планов и стратегий демонстрирует, что основные инвестиции в области ВИЭ будут идти в направлении солнечной генерации, и в меньшей степени — энергии ветра и воды. Развитие ВИЭ нацелено на укрепление независимости государства и увеличения возможностей транспортировки энергоресурсов в другие страны в рамках стратегии становления энергетическим хабом.

Список литературы

Гурбандурдыева Г. О., Шалыева М., 2025. Солнечная энергетика Турции: ключевые показатели отрасли и перспективы // Актуальные проблемы экономики и права в контексте глобальных вызовов. Петрозаводск. С. 30–35.

Коновалова А. Ю., 2023. Энергетическая стратегия Турции // Стратегии и инновации. № 5. С. 27–36. DOI 10.26425/1816-4277-2023-5-27-36.

Кылыч З. Б., Кескин О., 2024. Турция поднялась на 11 место в рейтинге стран с самой высокой установленной мощностью ВИЭ // <https://www.aa.com.tr/ru/>

¹⁵ Jeotermal // <https://enerji.gov.tr/eigm-yenilenebilir-enerji-kaynaklar-jeotermal>, дата обращения 21.07.2025.

¹⁶ Türkiye'nin 73 ilinde biyokütleden elektrik üretiliyor // <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiyenin-73-ilinde-biyokutleden-elektrik-uretiliyor/2573066>, дата обращения 22.07.2025.

турция/турция-поднялась-на-11-место-в-рейтинге-стран-с-самой-высокой-установленной-мощностью-виз-3234293, дата обращения 22.07.2025.

Пашаев И. В., Гулиев И. А., 2021. Топливо-энергетический комплекс Турции в контексте устойчивого развития // Дискуссия. № 107. С. 59–66. DOI: 10.46320/2077-7639-2021-4-107-59-66.

Akbulut H., 2022. Enerji diplomasisi // Türkiye Cumhuriyeti dışişleri bakanlığı. // <https://www.mfa.gov.tr/enerji-diplomasisi.tr.mfa>, дата обращения 11.07.2025.

Bilhan Ö., 2024. Türkiye’de yenilenebilir enerji kaynakları açısından hidroelektrik ve güneş enerjisinin bölgesel ve iller bazında incelenmesi // Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi Mühendislik Bilimleri Dergisi. Vol. 13, № 4. P. 1504–1516. DOI: 10.28948/ngumuh.1548541.

Doğan E., Karakılıçık Y., 2024. Türkiye’ds güneş panellerinden enerji üretimim: Konya ili üzerine bir değerlendirme // KMÜ Sosyal ve Ekonomik Araştırmalar Dergisi (KMUSEKAD). № 26 (46). P. 471–485.

Cumhurbaşkanlığı Teşkilatı Hakkında Cumhurbaşkanlığı Kararnamesi (Kararname Numarası: 1), 2018 // <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2018/07/20180710-1.pdf>, дата обращения 11.07.2025.

Enerji ve tabii kaynaklar bakanlığının teşkilat ve görevleri hakkında kanun // <https://mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3154.pdf>, дата обращения 10.07.2025.

Enerji verimliliği 2030 stratejisi ve II. Ulusal enerji verimliliği eylem planı (2024–2030), 2022 // <https://enerji.gov.tr//Media/Dizin/EVCED/tr/EnerjiVerimliliği/UlusalEnerjiVerimliliğiEylemPlanı/Belgeler/2UlusalEnerjiVerimliliğiEylemPlanı.pdf>, дата обращения 15.07.2025.

On ikinci kalkınma planı (2024–2028), 2023 // https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2023/12/On-Ikinci-Kalkinma-Planı_2024-2028_11122023.pdf, дата обращения 11.07.2025.

Orta vadeli program (2024–2026), 2023 // https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2023/09/Orta-Vadeli-Program_2024-2026.pdf, дата обращения 11.07.2025.

T.C. Enerji ve Tabii kaynaklar Bakanlığı 2024–2028 Stratejik Planı, 2022 // http://www.sp.gov.tr/upload/xSPStratejikPlan/files/lfdDM+enerji_24-28_sp.pdf, дата обращения 15.07.2025.

Türkiye ulusal enerji plan, 2022 // https://enerji.gov.tr//Media/Dizin/EIGM/tr/Raporlar/TUEP/Türkiye_Ulusal_Enerji_Planı.pdf#page=23.78, дата обращения 11.07.2025.

Yenilenebilir enerji kaynaklarının elektrik enerjisi üretimi amaçlı kullanımına ilişkin kanun, 2005 // https://eski.jmo.org.tr/mevzuat/mevzuat_detay.php?kod=131, дата обращения 15.07.2025.

Yeşil mutabakat eylem planı, 2021 // <https://ticaret.gov.tr/data/60f1200013b876eb28421b23/MUTABAKAT%20YEŞİL.pdf>, дата обращения 15.07.2025.

Razil I. GUZAEROV, Junior Researcher Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Address: 51/21, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation

E-mail: guzaerov99@bk.ru

SPIN-code: 1316-0272

ORCID: 0000-0003-0006-9975

TÜRKIYE'S RENEWABLE ENERGY STRATEGY

DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_39

Received: 16.09.2025.

For citation: *Guzaerov R. I.*, 2025. Türkiye's Renewable Energy Strategy. – *Geeconomics of Energetics*. № 3 (31). P. 39–50. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_39

Keywords: Türkiye, energy, energy factor, renewable energy sources, renewable energy sources, solar generation, hydroelectric power station

Abstract

This study examines Türkiye's strategy for the development of renewable energy sources (RES). The article analyzes key policy documents, strategic plans, and legislative acts in the energy sector. It highlights that these documents view the expansion of renewable energy as a central element in diversifying Turkey's energy system and reducing its dependence on external energy supplies. The plans also emphasize a degree of technology localization aimed at strengthening the industrial sector and developing domestic production capabilities. The authors outline that Türkiye's "green strategy" is being shaped in alignment with the European Union's energy transition agenda and serves as a reference point for Ankara in formulating its renewable energy policy. The article presents Türkiye's key medium-term indicators in the field of renewable energy, which are expected to support the transition toward a sustainable and resource-efficient economy – an essential factor in enhancing the country's competitiveness on the global stage. Additionally, the paper provides data on renewable energy capacity, including hydroelectric, solar, and wind power generation. The study concludes that the renewable energy sector in Türkiye is developing dynamically, enabling Ankara to gradually reduce its dependence on external energy sources.

References

Gurbandurdieva G. O., Shalliyeva M., 2025. Turkish solar energy: key industry indicators and prospects // Actual problems of economics and law in the context of global challenges. Petrozavodsk, pp. 30–35. (In Russ.)

Konovalova A. Y., 2023. Turkey's Energy Strategy // Strategies and Innovations. No. 5. pp. 27–36. DOI 10.26425/1816-4277-2023-5-27–36 (In Russ.)

Kilych Z. B., Keskin O., 2024. Turkey has risen to 11th place in the ranking of countries with the highest installed renewable energy capacity // <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-поднялась-на-11-место-в-рейтинге-стран-с-самой-высокой-установленной-мощностью-виз-3234293>, accessed 22.07.2025. (In Russ.)

Pashaev I. V., Guliev I. A., 2021. Turkey's fuel and energy complex in the context of sustainable development // Discussion. No. 107. pp. 59–66. DOI: 10.46320/2077-7639-2021-4-107-59-66 (In Russ.)

Akbulut H., 2022. Enerji diplomasisi // Türkiye Cumhuriyeti dışişleri bakanlığı. // <https://www.mfa.gov.tr/enerji-diplomasisi.tr.mfa>, accessed 11.07.2025. (In Turk.)

Bilhan Ö., 2024. Türkiye'de yenilenebilir enerji kaynakları açısından hidroelektrik ve güneş enerjisinin bölgesel ve iller bazında incelenmesi // Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi Mühendislik Bilimleri Dergisi. Vol. 13, № 4. P. 1504–1516. DOI: 10.28948/ngumuh.1548541. (In Turk.)

Doğan E., Karakılıç Y., 2024. Türkiye'ds güneş panellerinden enerji üretimim: Konya ili üzerine bir değerlendirme // KMÜ Sosyal ve Ekonomik Araştırmalar Dergisi (KMUSEKAD). № 26 (46). P. 471–485. (In Turk.)

Cumhurbaşkanlığı Teşkilatı Hakkında Cumhurbaşkanlığı Kararnamesi (Kararname Numarası: 1), 2018 // <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2018/07/20180710-1.pdf>, accessed 11.07.2025. (In Turk.)

Enerji ve tabii kaynaklar bakanlığının teşkilat ve görevleri hakkında kanun // <https://mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3154.pdf>, accessed 10.07.2025. (In Turk.)

Enerji verimliliği 2030 stratejisi ve II. Ulusal enerji verimliliği eylem planı (2024–2030), 2022 // <https://enerji.gov.tr//Media/Dizin/EVCED/tr/EnerjiVerimliliği/UlusalEnerjiVerimliliğiEylemPlanı/Belgeler/2UlusalEnerjiVerimliliğiEylemPlanı.pdf>, accessed 15.07.2025. (In Turk.)

On ikinci kalkınma planı (2024–2028), 2023 // https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2023/12/On-Ikinci-Kalkinma-Plani_2024-2028_11122023.pdf, accessed 11.07.2025. (In Turk.)

Orta vadeli program (2024–2026), 2023 // https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2023/09/Orta-Vadeli-Program_2024-2026.pdf, accessed 11.07.2025. (In Turk.)

T.C. Enerji ve Tabii kaynaklar Bakanlığı 2024–2028 Stratejik Planı, 2022 // http://www.sp.gov.tr/upload/xSPStratejikPlan/files/lfdDM+enerji_24-28_sp.pdf, accessed 15.07.2025. (In Turk.)

Türkiye ulusal enerji plan, 2022 // https://enerji.gov.tr//Media/Dizin/EIGM/tr/Raporlar/TUEP/Türkiye_Ulusal_Enerji_Planı.pdf#page=23.78, accessed 11.07.2025. (In Turk.)

Yenilenebilir enerji kaynaklarının elektrik enerjisi üretimi amaçlı kullanımına ilişkin kanun, 2005 // https://eski.jmo.org.tr/mevzuat/mevzuat_detay.php?kod=131, accessed 15.07.2025. (In Turk.)

Yeşil mutabakat eylem planı, 2021 // <https://ticaret.gov.tr/data/60f1200013b876eb28421b23/MUTABAKAT%20YEŞİL.pdf>, accessed 15.07.2025. (In Turk.)

Андрей КУЛИКОВ
Егор НИКИТИН

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ CNPC: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТРАН-ПАРТНЕРОВ

Дата поступления в редакцию: 20.06.2025.

Для цитирования: Куликов А. М., Никитин Е. Н., 2025. Международная деятельность CNPC: институциональные особенности и последствия для стран-партнеров. – Геоэкономика энергетики. № 3 (31). С. 51–63. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_51

В настоящей статье рассматривается международная экспансия Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) как ключевой пример для понимания взаимосвязи государственной власти и корпоративного управления в мировом энергетическом секторе. CNPC одновременно является крупнейшим государственным предприятием КНР в нефтегазовом секторе и политическим инструментом Коммунистической партии Китая (КПК), влияющей на управленческие стимулы, стратегические решения и проекты за рубежом. В работе проводится институциональный анализ со сравнительными примерами из региона Африки и Латинской Америки. Исследуется структура управления CNPC, финансовая и дипломатическая поддержка со стороны государства и реализация проектов. Отражены противоречия между экономическими интересами и политическими директивами. Опыт Венесуэлы, Судана, Чада и

КУЛИКОВ Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры международного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125167, пр. Ленинградский, д. 49/2. E-mail: amkulikov@fa.ru. SPIN-код: 9606-5206. ORCID: 0000-0002-9317-7432

НИКИТИН Егор Николаевич, магистрант, Финансовый университет при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125167, пр. Ленинградский, д. 49/2. E-mail: 241364@edu.fa.ru. SPIN-код: 3688-1132. ORCID: 0009-0005-0374-1335

Ключевые слова: Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC); государственные предприятия; корпоративное управление; энергетическая безопасность; Африка; Латинская Америка; КНР; прямые иностранные инвестиции.

Эквадора показывает, что *CNPC* процветает в условиях, характеризующихся слабыми институциональными рамками и ограниченной прозрачностью, когда межправительственные соглашения и долгосрочные политические обязательства обеспечивают рычаги влияния. В то же время его деятельность приносит неоднозначные результаты принимающим странам, включая инвестиции в развитие инфраструктуры, а также долговую нагрузку, экологические риски и проблемы управления. Делается вывод, что *CNPC* является примером «глобализации, инициированной государством», в которой государственные компании функционируют одновременно как участники рынка и инструменты национальной стратегии, подчеркивая более широкие последствия подъема КНР на Глобальном Юге.

Стремительная глобализация национальных нефтяных компаний КНР в первой четверти XXI в. привлекает значительное внимание ученых и исследователей. Центральное место среди таких компаний занимает Китайская национальная нефтегазовая корпорация (中国石油天然气集团有限公司. Далее — *CNPC*), одновременно являющаяся крупнейшим государственным предприятием в энергетическом секторе КНР и одним из основных инструментов внешнеэкономической стратегии Пекина. Двойная роль *CNPC* — как коммерческой структуры, стремящейся к получению прибыли, и как политического игрока, подчиняющегося Коммунистической партии Китая (中国共产党 далее — КПК) создает структурную напряженность, которая весьма важна для понимания современной международной политической экономики. Ниже рассматривается проблема отделения коммерческих мотивов *CNPC* от политических директив китайского государства.

Экспансия *CNPC* в политически нестабильные страны, подобные Судану, Чаду и Венесуэле, иллюстрирует, как государственная собственность и партийный контроль формируют логику корпоративного поведения, выходящую за рамки того, что можно объяснить исключительно экономической (прежде всего рыночной) логикой. По мере того как КНР продвигает глобальную инициативу «Один пояс — один путь» (一带一路 *BR1*) и расширяет свое присутствие на мировых энергетических рынках, пример *CNPC* дает более широкое представление о механизмах «вынужденной» глобализации, инициированной государством.

Отношения между *CNPC* и китайским государством формируются и регулируются КПК. Внедрение механизмов корпоративного управления началось в 1978 г., когда государственным предприятиям был предоставлен статус юридических компаний и они действовали в соответствии с рыночными правилами [Jiang, 2011: 393]. На практике переход оказался трудным: права собственности оставались неопределенными, а стимулы руководства часто не приводили к желаемым результатам. Это создавало проблему «принципал-агент», когда те, кто получал выгоду от эффективных решений, не всегда были уполномочены их принимать.

Сегодня *CNPC* продолжает функционировать как полностью государственная холдинговая компания, подотчетная Государственному совету (国务院 т. е. правительству). В ее корпоративную структуру входят многочисленные дочерние компании (более 87), большинство из которых специализируются на инжиниринге, предоставлении услуг и производстве оборудования.

Несмотря на формальные реформы, влияние КПК и политические соображения остаются определяющими в управлении: топ-менеджеры назначаются высшими партийными лицами, а их карьерный рост зависит не только и не столько от экономических результатов бизнеса, сколько от политической лояльности и идеологического соответствия. Критерии эффективности включают как финансовые показатели, так и политические показатели, подобные улучшению идеологической и политической работы, укреплению партийной дисциплины и борьбы с коррупцией. Таким образом, назначения и увольнения руководителей часто имеют не экономическую, а политическую основу. Более того, совет директоров (основан в 2014 г.) не может отстранять топ-менеджеров от должности без окончательного одобрения Государственного совета.

В то же время децентрализация и корпоративная реструктуризация предоставили *CNPC* определенную степень операционной автономии. Дочерние компании, особенно занимающиеся НИОКР, получили относительную независимость, что позволило повысить операционную эффективность и сократить более слабые подразделения*.

Система вознаграждения руководства *CNPC* включает бонусы, частично привязанные к заработной плате, а частично к результатам работы. Однако значительная доля показателей эффективности отражает политическую, а не рыночную направленность. Показатели, ориентированные на акционеров, такие как оценка акций или удовлетворенность клиентов, играют второстепенную роль по сравнению с политическими целями. Следовательно, менеджеры, которые соответствуют политическим ожиданиям, нередко сохраняют должности и продвигаются по службе, не имея выдающихся экономических достижений.

Подобная вертикальная связь с государством обеспечивает *CNPC* привилегированный доступ к капиталу, государственным займам и дипломатической поддержке. Все эти преимущества компенсируют риски в условиях политической или институциональной нестабильности, позволяя *CNPC* работать там, где западные нефтяные компании часто проявляют осторожность (табл. 1).

* Речь прежде всего идет о тех, которые не могли обеспечить себе государственные ресурсы для поддержания деятельности.

Таблица 1.

Структура корпоративного управления *CNPC*

	Уровень	Институты (акторы)	Основные функции	Реальные механизмы контроля
1.	Политический центр	Госсовет КНР; КПК (Оргдепартамент ЦК)	Стратегический надзор, назначение руководителей высшего звена, определение приоритетов развития в энергетическом секторе	Карьерные траектории топ-менеджеров определяются в первую очередь партийной логикой; высшее руководство выступает в роли «хранителей идеологии», а не чисто экономических агентов
2.	Надзорные органы	Комитет по контролю и управлению государственным имуществом (<i>SASAC</i>); Комитет по управлению и контролю банковской деятельности в Китае (<i>CBRC</i>)	Контроль за государственными активами; регулирование финансового сектора; предоставление одобрения при назначении высшего руководства <i>CNPC</i>	Прямое влияние на политику реформ и кадровые решения в компании. На практике эти комиссии выступают в качестве решающего «голоса акционеров» государства
3.	Холдинговая компания	<i>CNPC</i> как материнская компания	Владение и управление более 87 дочерними компаниями; добыча полезных ископаемых; стратегическое планирование	Выполняет функции финансового центра группы и институционального инвестора от имени государства, при этом оставаясь в подчинении у партии
4.	Листинговая структура	<i>PetroChina</i>	Привлечение капитала на мировых рынках; соблюдение корпоративного законодательства и правил в отношении ценных бумаг	Формально подчиняется биржевым стандартам, но фактически управляется <i>CNPC</i> . Лишь менее трети директоров являются независимыми.

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

Продолжение таблицы 1

	Уровень	Институты (акторы)	Основные функции	Реальные механизмы контроля
5.	Дочерние структуры	Компании, занимающиеся инжинирингом, обслуживанием и производством оборудования	Операционная деятельность; локальные НИОКР; внедрение технологий	Некоторая операционная автономия, особенно в сфере НИОКР, но зависимость от центра; обременение непрофильными активами снижает эффективность
6.	Менеджмент	Топ-менеджеры (меняются через процедуру ротации между <i>CNPC</i> и <i>PetroChina</i>)	Выполнение политических и экономических задач	Назначения по политическим критериям; увольнения происходят редко, за исключением кризисных случаев
7.	Финансовая политика	Система перекрестных субсидий; налогообложение <i>upstream</i> -подразделений	Сохранение субсидированных цен в <i>downstream</i> -сегменте; содействие финансовой стабильности государства	<i>CNPC</i> берет на себя финансовое бремя, перераспределяя доходы от добычи; автономия в определении ценовой политики отсутствует
8.	Корпоративные реформы	Закон о компаниях (1994); система трехуровневого управления госактивами (2000-е); введение института Совета директоров (2014)	Формализация работы советов директоров и руководителей; кодификация структур подотчетности	Организационная структура напоминает западные модели (введены отчетность по корпоративной социальной ответственности и по показателям эффективности), но на практике преобладает партийный контроль

Составлено авторами по *China National Petroleum Corporation (CNPC): A balancing act between enterprise and government*

Первый зарубежный контракт *CNPC* был заключен в начале 1990-х гг. (в частности, в рамках проекта «Талара» (*Talara*) в Перу в 1993–1994 гг.). С тех пор международное присутствие компании неуклонно возрастало.

Официально мотивом для выхода на внешние рынки является энергетическая безопасность КНР — обеспечение достаточных и доступных поставок энергоносителей. На практике мотивы неоднозначны: национальные стратегические приоритеты пересекаются с коммерческим интересом *CNPC* к диверсификации своего портфеля и созданию более прибыльных и автономных зарубежных дочерних предприятий.

Международные структуры часто оказывались более прибыльными и обеспечивали автономию дочерним компаниям, чем проекты внутри КНР, где контроль за ценами и государственное регулирование снижали рентабельность. Однако только около 10—20% нефти, добываемой за рубежом, поставляется обратно в Китай. Кроме того, эта нефть часто тяжелая и менее пригодна для внутренней переработки.

Крупные проекты *CNPC* за рубежом часто сопровождаются государственной поддержкой в виде кредитов от Банка развития Китая (国家开发银行 *CDB*) или Экспортно-импортного банка Китая (中国进出口银行 *CHEXIM*), а также более широкими пакетами мер экономического сотрудничества и межправительственными соглашениями. Примечательными примерами являются кредитные линии на сумму около 65 млрд долл., предоставленные в 2009—2010 гг. государственным энергетическим компаниям и правительствам таких стран, как Бразилия, Венесуэла, Россия, Туркменистан и Эквадор [*Guo et al.*, 2023: 8].

Стратегии выхода на рынок часто сочетают прямые инвестиции, создание совместных предприятий, долгосрочные контракты и схемы «нефть в обмен на кредит». Сделки часто заключаются на межгосударственном уровне, при этом *CNPC* выступает в качестве основного оператора, подкрепленного дипломатическими и финансовыми гарантиями.

Отмечая особенности выхода китайской нефтегазовой компании на африканский рынок, заметим, что *CNPC* в Судане стала первой китайской компанией, которая зашла на внутренний рынок страны, тем самым проложив путь другим китайским ТНК. Успешному выходу компании на рынок в 1997 г. способствовали тесные связи с правительством и государственная поддержка, предоставление доступа к концессиям и инфраструктуре [*Large*, 2009: 615—616]. Успех *CNPC* укрепил двусторонние отношения, стимулировал торговлю и побудил другие китайские компании войти в различные секторы экономики страны.

Операционная деятельность в Судане и Южном Судане поддерживалась дипломатическими инициативами, включая визиты на высоком уровне, которые обеспечили инвестиционные гарантии. Так, в феврале 2011 г. заместитель министра иностранных дел Чжан Чжицзюнь (张志军 р. 1953) посетил регион вместе с представителями *CNPC* для переговоров о политических гарантиях [*ICG*, 2012: 6]. Учитывая зависимость Южного Судана от доходов от продажи нефти, у его правительства был серьезный стимул поддерживать контракты с

CNPC, что укрепляло рычаги влияния компании. Ситуация с Суданом демонстрирует потенциал *CNPC* покрывать убытки и выдерживать остановки производства благодаря государственным ресурсам — важной особенности, которой, вероятно, недостает независимым коммерческим игрокам.

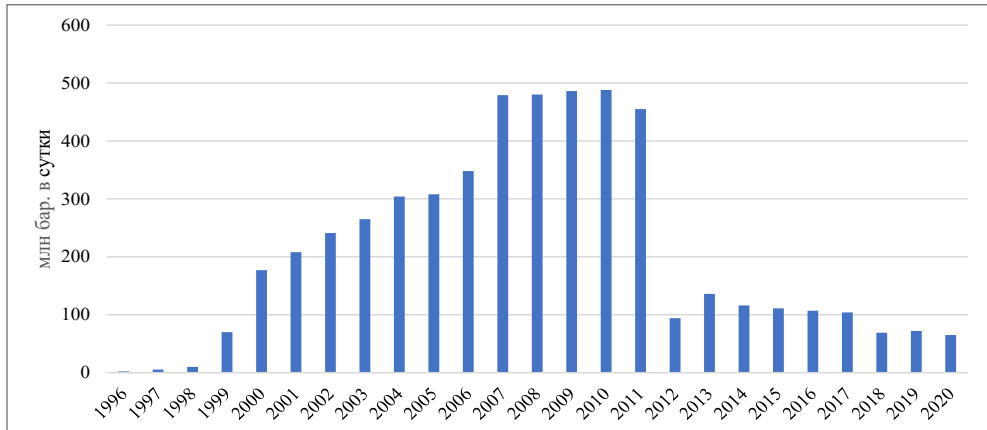

Рис. 1. Объем добычи сырой нефти в Судане (1996–2020 гг.).

Источник: EIA¹.

Тем не менее не во всех странах присутствие *CNPC* было успешным. Деятельность *CNPC* в Чаде (проект *Ronier*, предполагающий разведку и добычу нефти на юге Чада с последующим строительством НПЗ) в 2007 г. следует рассматривать в международном контексте китайской политики «выхода вовне» (走出去战略, *Go Out*) и международных отношений с африканскими странами [Vliet & Magrin, 2012: 134]. Участниками проекта являются правительство Чада, которому принадлежит 40% акций, и *CNPCIC* — подразделение *CNPC*, которой принадлежит 60% [Yorbana, 2016: 633]. Визит министра нефтяной промышленности Чада на месторождение *Ronier* в августе 2013 г. привел к приостановке деятельности *CNPCIC* более чем на два месяца из-за нарушения экологических и социальных норм². Ранее, в 2011 г., между Чадом и *CNPCIC* возникли разногласия по поводу цен на топливо³. Чад хотел установить цену, которая была бы доступна для большинства населения страны, в то время как *CNPCIC* рассчитывала на другую цену, которая позволила бы

¹ Sudan. U.S. Energy Information Administration (EIA). // <https://www.eia.gov/international/data/country/sdn/petroleum-and-other-liquids/annual-petroleum-and-other-liquids-production>, дата обращения 09.06.2025.

² Chad suspends China's CNPC unit over environment // <https://www.reuters.com/article/us-chad-china-cnpc/chad-suspends-chinas-cnpc-unit-over-environment-idUSBRE97D0VN20130814/>, дата обращения 09.06.2025.

³ Chad says suspends CNPC refinery deal // <https://www.reuters.com/article/markets/commodities/chad-says-suspends-cnpc-refinery-deal-idUSL5E8CO3BR/>, дата обращения 09.06.2025.

ей быстро окупить инвестиции. Кроме того, несмотря на наличие в документах зафиксированных экологических стандартов, принятых *CNPCIC* и Чадом, они соблюдались частично или не соблюдались вовсе [*IMF*, 2015: 5].

Проект *Ronier* в Чаде выявил проблемы, возникающие в нестабильных институциональных условиях: споры о ценообразовании, экологических стандартах и соблюдении местных правил в конечном итоге привели к приостановке деятельности и напряженным отношениям с правительством принимающей страны.

В Латинской Америке *CNPC* расширяла свое присутствие постепенно. Начав с геолого-разведочных работ в Перу в 1993–1994 гг., позднее компания приобрела значительные активы в Эквадоре и Венесуэле. В Эквадоре *CNPC* и *Sinopec* осуществляют свою деятельность через совместные предприятия, такие как *Andes Petroleum*, *Lumbaqui Oil Co.* и *PetroOriental*, владеющие значительным портфелем акций в бассейне реки Амазонки [*Arriagada et al.*, 2014: 13]. В Венесуэле *CNPC* стала крупным партнером *PDVSA*, участвуя в крупномасштабных проектах в бассейне Ориноко. В Перу одной из самых важных инвестиций *CNPC* стала покупка в 2013 г. компании *Petrobras Energía*, которая позволила *CNPC* получить доступ к крупнейшим в Перу и в регионе в целом запасам природного газа [*Vasquez*, 2018: 8]. Отметим, что *CNPC* лидирует по общему объему инвестиций в страны Андского региона (более 62 млрд долл. на 2023 г.), где на ее долю приходится 34% инвестиций, в основном в нефтегазовые проекты [*Micolta*, 2024: 22] (рис. 2).

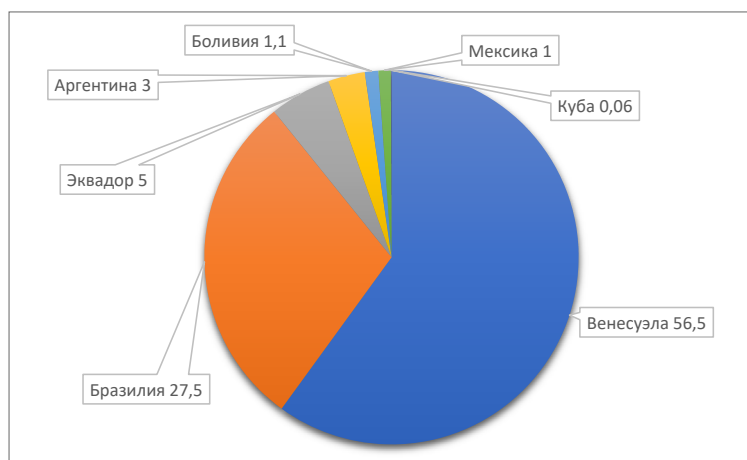

Рис. 2. Общий объем выданных КНР кредитов (в млрд долл.) энергетическому сектору латиноамериканских стран на 2023 г.

Источник: *China-Latin America Finance Databases*⁴

⁴ China-Latin America Finance Databases. The Dialogue: Leadership for the Americas. // <https://thediologue.org/china-latin-america-finance-databases>, дата обращения 09.06.2025.

Для КНР Латинская Америка служит стратегической платформой. Хотя она и не являлась основным источником поставок нефти, но позволила китайским международным компаниям приобрести опыт ведения деятельности за рубежом, обезопасить активы и развивать политические связи. Методы выхода на рынок включали прямые инвестиции, приобретения и кредиты под залог нефти, которые особенно активно использовались в период с 2007 по 2016 г., достигнув пика в 2009–2010 гг. (рис. 3).

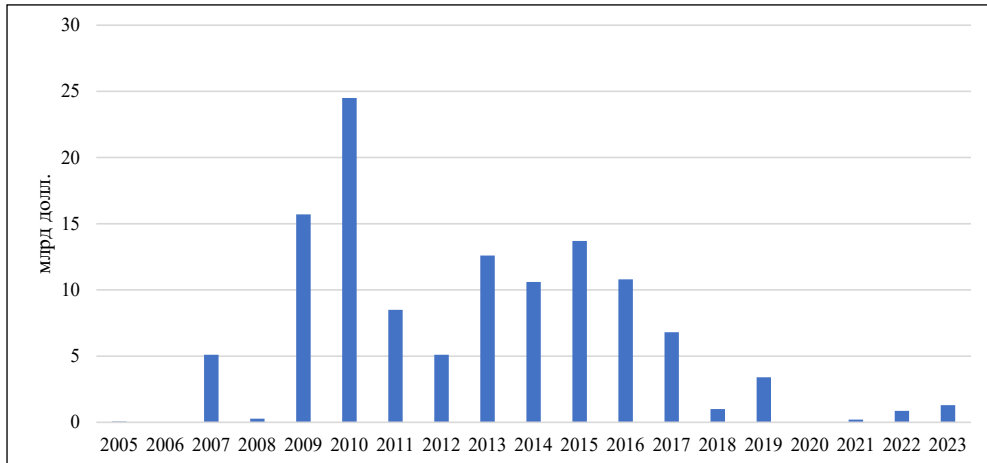

Рис. 3. Общий объем выданных КНР кредитов латиноамериканским странам за период 2005–2023 гг.

Источник: *China-Latin America Finance Databases*⁵

CNPC демонстрирует сравнительные преимущества в условиях, институционально схожих с КНР, где преобладают доминирование государства, ограниченная прозрачность и централизованное принятие решений [*Morck et al.*, 2008: 346]. В таких условиях государственная поддержка, комплексные соглашения о сотрудничестве и дипломатические каналы являются наиболее эффективными [*Koch-Weser*, 2015: 23]. Ранний выход на рынок и готовность остаться, несмотря на политические потрясения, также обеспечивают долгосрочные рычаги воздействия.

С одной стороны, международная экспансия обеспечивает прибыль и большую операционную автономию дочерних компаний *CNPC*. С другой стороны, компания остается инструментом государственной внешней политики, используемым для обеспечения поставок энергоносителей, расширения влияния и укрепления двусторонних связей.

⁵ China-Latin America Finance Databases. The Dialogue: Leadership for the Americas. // <https://thediologue.org/china-latin-america-finance-databases>, дата обращения 09.06.2025.

Этот двойственный характер создает структурный дисбаланс. Крупные зарубежные компании требуют одобрения центрального правительства; международные проекты сопровождаются политическими рисками, которые компенсируются дешевым капиталом и дипломатическими гарантиями, а внутренние решения по-прежнему определяются политической логикой, что ограничивает гибкость руководства в реагировании на коммерческие (рыночные) сигналы.

Последствия присутствия *CNPC* для принимающих стран неоднозначны. Рассматривая положительные стороны, отметим, что инвестиции помогают оживить производство, модернизировать инфраструктуру и расширить торговлю и логистику. С другой стороны, они могут усугубить долговую зависимость из-за кредитов, обеспеченных поставками нефти, создавать экологические и социальные риски, провоцировать споры с местными сообществами и усиливать политическую зависимость от Китая.

В странах с более сильными институтами и активным гражданским обществом экологические и социальные конфликты более заметны, однако система сдержек и противовесов может ограничить противоречивую практику. В странах с более слабыми институциональными структурами (например, в некоторых частях Африки) *CNPC* пользуется гораздо большей операционной свободой.

Таким образом, нахождение зарубежных предприятий *CNPC* — будь то в Судане (Южном Судане), Чаде или странах Латинской Америки, таких как Венесуэла и Эквадор, — не могут быть объяснены только рыночной логикой. Они являются частью более широкой стратегии обеспечения поставок энергоносителей, углубления двусторонних связей и содействия выходу на рынок других китайских фирм. В то же время присутствие *CNPC* приводит к неоднозначным последствиям в принимающих странах: инвестиции, инфраструктура и налоговые поступления, с одной стороны, а также экологические риски, социальная напряженность и долговая зависимость — с другой.

Таким образом, деятельность *CNPC* иллюстрирует динамику китайской глобализации, запущенную государством. Китайская зарубежная экспансия демонстрирует, как коммерческие предприятия, встроенные в партийно-государственные структуры, служат одновременно источником прибыли и инструментом национальной стратегии. Понимание этой двойственности важно для понимания будущей стратегии КНР на мировых энергетических рынках и для оценки последствий его присутствия для принимающих стран на Глобальном Юге.

Список литературы (References)

Arriagada G., Espinasa R., Baragwanath K., 2014. China, Latin America and the United States: A Troubled Energy Triangle // *Inter-American Dialogue. Energy Policy Group*. 24 p.

Guo Y., Poon J., Wang Ch., Yang Y., 2023. China's national oil companies going global and coming home: State–firm nexus, global financial networks, and geopolitical risks // *Geoforum*. Vol. 146, № 4. P. 11.

International Crisis Group. China's New Courtship in South Sudan, 2012. // *Africa Report*. 186. P. 6.

International Monetary Fund. Chad: First Review under the Extended Credit Facility Arrangement, Request for Waivers of Nonobservance of Performance Criteria, and Request for Modification of Performance Criteria, and Augmentation of Access, 2015. // IMF Country Report. № 15/123. 65 p.

Jiang B. B., 2011. China National Petroleum Corporation (CNPC): A balancing act between enterprise and government // *Oil and Governance*. Pp. 379–417. DOI:10.1017/CBO9780511784057.012.

Koch-Weser I., 2015. Chinese Energy Engagement with Latin America: A Review of Recent Findings // *Inter-American Dialogue – China and Latin America*. 48 p.

Large D., 2009. China's Sudan Engagement: Changing Northern and Southern Political Trajectories in Peace and War // *The China Quarterly*. Vol. 199. Pp. 610–626. DOI:10.1017/S0305741009990129.

Micolta M. C., 2024. Identifying and Tracking Chinese State-Owned Companies in the Andean Region (2000–2023) // *China Latin American Research Center*. 61 p.

Morck R., Yeung B., Zhao M., 2008. Perspectives on China's outward foreign direct investment // *Journal of International Business Studies*. Vol. 39, № 3. Pp. 337–350. DOI:10.1057/palgrave.jibs.8400366

Yorbana S., 2016. Local Issues of Chinese Direct Investment in Africa: The Case of China National Petroleum Corporation International Chad (2006–2013) // *The Challenge of BRIC Multinationals*. Pp. 629–652. DOI:10.1108/S1745-886220160000011030.

Vasquez P. I., 2018. China, Oil, and Latin America: Myth vs. Reality // *Adrienne Arsht Latin America Center*. 29 p.

Vliet (van) G., Magrin G., 2012. The environmental challenges facing a Chinese oil company in Chad // *AFD, Quae, Focales*. № 9. 252 p.

Andrey M. KULIKOV, PhD in History, associate professor of International Business Department, Financial University under the Government of the Russian Federation

Address: 49/2, Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation

E-mail: amkulikov@fa.ru.

SPIN-код: 9606-5206

ORCID: 0000-0002-9317-7432.

Egor N. NIKITIN, master's student, Financial University under the Government of the Russian Federation

Address: 49/2, Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation

E-mail: 241364@edu.fa.ru

SPIN-код: 3688-1132

ORCID: 0009-0005-0374-1335

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF CNPC: INSTITUTIONAL FEATURES AND IMPLICATIONS FOR PARTNER COUNTRIES

DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_51

Received: 20.06.2025.

For citation: *Kulikov A. M., Nikitin E. N., 2025. International Activities of CNPC: Institutional Features and Implications for Partner Countries. – Geoeconomics of Energetics. № 3 (31). P. 51–63. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_51*

Keywords: China National Petroleum Corporation (CNPC); state-owned enterprises; corporate governance; energy security; Africa; Latin America; outward foreign direct investment.

Abstract.

This article examines the international expansion of the China National Petroleum Corporation (CNPC) as a key example for understanding the interrelation between state power and corporate governance in the global energy sector. CNPC is both the largest state-owned enterprise in China's oil and gas industry and a political instrument of the Chinese Communist Party (CCP), which influences management incentives, strategic decisions, and overseas projects. The study employs an institutional analysis supported by comparative examples from Africa and Latin America. It explores CNPC's governance structure, state-backed financial and diplomatic support mechanisms, and the implementation of specific international projects. The authors pay special attention to the discrepancies between economic objectives and political directives. The experiences of Venezuela, Sudan, Chad, and Ecuador demonstrate that CNPC tends to thrive in environments marked by weak institutional frameworks and limited transparency, where intergovernmental agreements and long-term

political commitments provide leverage. At the same time, its activities produce mixed outcomes for host countries, including investments in infrastructure development alongside increased debt, environmental risks, and governance challenges. The article concludes that CNPC represents a case of “state-led globalization”, in which state enterprises operate simultaneously as market actors and instruments of national strategy, highlighting the broader implications of China’s rise across the Global South.

Полина ЛЮБОМИРОВА

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ШЕЛЬФОВОЙ ВЕТРОЭНЕРГЕТИКИ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Дата поступления в редакцию: 19.06.2025.

Для цитирования: Любомирова П. В., 2025. Оценка потенциала развития шельфовой ветроэнергетики в Каспийском море на примере Азербайджана. – Геоэкономика энергетики. № 3 (31). С. 64–84. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_64

Шельфовая ветроэнергетика представляет собой один из приоритетных векторов развития возобновляемой энергетики, играя важную роль в процессе глобального энергетического перехода и достижении целей в области устойчивого развития. В условиях необходимости декарбонизации экономики и диверсификации энергетического баланса страны, имеющие выход к морю, получают стратегическое преимущество за счет возможности освоения офшорного ветропотенциала. Азербайджан, обладая оценочным техническим потенциалом в объеме до 157 ГВт в акватории Каспийского моря, представляет собой перспективное направление для развития шельфовой ветроэнергетики. Несмотря на благоприятные природно-географические условия, на момент проведения исследования в стране не был реализован ни один офшорный проект. В статье проведен комплексный анализ ключевых барьеров, ограничивающих развитие сектора, включая технологические, экономические и институциональные аспекты. Методология исследования

ЛЮБОМИРОВА Полина Владимировна, соискатель, Международный институт энергетической политики и дипломатии (МИЭП) Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), директор по развитию бизнеса, компания «Аква Пауэр». Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119454, просп. Вернадского, 76; Республика Азербайджан, г. Баку, AZ1000, ул. Низами, 90а. E-mail: polina@lyubomirova.ru. ORCID: 0009-0001-7887-9399

Ключевые слова: шельфовая ветроэнергетика, Каспийское море, энергетический переход, Азербайджан, ВИЭ, LCOE, экспорт электроэнергии, декарбонизация, диверсификация, устойчивое развитие.

основана на применении *SWOT*-анализа и сценарного подхода, что позволяет определить условия, необходимые для формирования эффективной ветроэнергетической отрасли в прибрежной зоне Азербайджана. Особое внимание уделяется вопросам государственной поддержки, развитию специализированной инфраструктуры, а также стимулированию инвестиций со стороны частного сектора. Учитывая усиливающийся мировой интерес к возобновляемым источникам энергии, интегрированный подход к планированию и реализации шельфовых проектов становится особенно актуальным. Статья предлагает несколько сценариев развития шельфовой ветроэнергетики, из которых наиболее перспективным представляется экспорт электроэнергии по трансрегиональным энергетическим коридорам в Европу. Автор подчеркивает необходимость системного и межсекторального подхода к развитию шельфовой ветроэнергетики как инструмента устойчивого роста, энергетической безопасности и декарбонизации. Только при наличии целостной стратегии возможно полное раскрытие потенциала шельфовой ветроэнергетики и интеграция Азербайджана в международные энергетические цепочки.

Введение

Начиная с 2015 г. шельфовая (офшорная) ветроэнергетика заняла ключевое место в стратегиях энергетического перехода многих стран как с развитыми, так и с формирующимися рынками возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Высокая производственная эффективность офшорной энергетики, а также способность к масштабированию и стратегическая роль в процессе декарбонизации сделали эту технологию приоритетной для энергетических стратегий Германии, Великобритании, Китая, США и других. В соответствии с этим формировались основные центры развития этой технологии, такие как Северное море, части Балтийского моря, Бискайский залив, восточное побережье США и Средиземное море. Шельфовая энергетика также стала одним из самых востребованных источников энергии в портфелях международных нефтегазовых и энергетических компаний, в то время как государства западного мира и ряд стран Восточной Азии уже обладали зрелым опытом в области развития возобновляемой энергетики и начали осваивать передовые технологии, включая шельфовую ветроэнергетику, страны с формирующимся сектором ВИЭ, такие как Азербайджан, стали интегрировать офшорные ветропарки в свои национальные энергетические стратегии на ранних этапах развития.

В 2022 г. Всемирным банком было проведено исследование, представляющее стратегическое видение развития офшорной ветроэнергетики в Азербайджане, рассматривая как возможности, так и вызовы при различных сценариях роста. Исследование показало, что технический

потенциал Азербайджана для шельфовой ветроэнергетики в Каспийском море составляет 157 ГВт, что послужило основой для быстро растущего интереса к развитию этой технологии в данном регионе. Однако, несмотря на активное участие игроков, таких как *SOCAR*, *Masdar*, *ACWA Power*, *Fortescue Future Industries* и других, ни один проект на сегодняшний день не достиг стадии фактической реализации. Важно понять, почему развитие шельфовой ветроэнергетики в стране с таким большим техническим потенциалом не происходит так же быстро и успешно, как в других странах.

Актуальность и цель работы

Целью настоящего исследования является анализ факторов, препятствующих активному развитию офшорной ветроэнергетики в Азербайджане, выявление причин разрыва между потенциалом и практикой, несмотря на высокие технические показатели и политико-экономический интерес к данному направлению энергетики. Работа направлена на выявление ключевых барьеров, оценку условий, при которых такие проекты становятся экономически жизнеспособными, а также формирование рекомендаций, способствующих коммерциализации шельфовой ветроэнергетики в Азербайджане.

Актуальность работы обусловлена стремительным глобальным ростом офшорной ветроэнергетики, признанием ее в качестве приоритетного источника возобновляемой энергии, а также значительным техническим потенциалом Азербайджана в этой сфере. Несмотря на большой интерес со стороны ключевых игроков энергетической индустрии, практическая реализация проектов в Каспийском регионе остается на самой ранней стадии. Азербайджан поставил официальную цель — достичь доли 33% возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общем балансе установленной мощности электроэнергетики к 2027 г. [Hasanova, 2024] и 35% — к 2030 г¹. Эта цель включает солнечную, ветровую и гидроэнергетику, при этом считается, что значительная часть будущего прироста после 2030 г., а также объемы для экспорта по экспортным коридорам из Азербайджана, должны обеспечиваться за счет шельфовой ветроэнергетики. В условиях энергетического перехода и диверсификации экономики Азербайджана выявление причин задержки реализации шельфовых проектов и оценка путей их преодоления представляют собой важную научную и прикладную задачу.

¹ Azerbaijan targets 6.5 gigawatts of renewable energy by 2030 in bold green push // <https://caliber.az/en/post/azerbaijan-targets-6-5-gigawatts-of-renewable-energy-by-2030-in-bold-green-push>, дата обращения 05.06.2025.

Методы и теоретическая база

Исследование опирается на смешанную методологию, однако ключевым методом исследования является *SWOT*-анализ*, который применяется для комплексной оценки внутренних и внешних факторов развития отрасли и представляет собой инструмент стратегического планирования. Методика позволяет выявить и классифицировать как внутренние характеристики, так и внешние обстоятельства, которые могут способствовать или препятствовать достижению поставленных целей.

SWOT-анализ является одной из теоретических основ оценки потенциала развития шельфовой ветроэнергетики в Азербайджане. Другие две ключевые методологии — модель приведенной стоимости электроэнергии (*LCOE*) для анализа экономической конкурентоспособности и сценарный анализ энергетической политики для оценки различных регуляторных и инвестиционных условий. Такой комплексный подход позволяет всесторонне оценить как количественные, так и качественные факторы, влияющие на реализацию проектов в акватории Каспийского моря.

Преимущества и недостатки шельфовых установок

Более подробно рассмотрим технологию выработки энергии из ветра. Ветроэнергетика как способ генерации подразделяется на два типа: наземную и шельфовую (офшорную). Ветроэнергетические установки, возводимые в морской акватории на определенном удалении от берега, называются шельфовыми (*offshore wind*) и подразделяются на закрепленные на морском дне (*bottom-fixed*) и плавающие (*floating wind*). Плавающие ветроустановки пока не достигли стадии коммерческой зрелости и, по данным Международного энергетического агентства, все еще находятся на демонстрационной стадии [IEA, 2023], поэтому в рамках данного исследования не рассматриваются. Вместе с тем технология ветроустановок, закрепленных на морском дне, в последнее время приобретает все большую популярность по ряду причин.

Во-первых, основным преимуществом шельфовых ветропарков является более высокий коэффициент использования установленной мощности (КИУМ), поскольку на море преобладают более значительные и стабильные скорости ветра благодаря отсутствию природных преград, таких как горы и холмы [Kintisch, 2017]. КИУМ солнечных станций составляет 24–26%, наземных

* Аббревиатура *SWOT* происходит от английских слов: *Strengths* (сильные стороны) — внутренние преимущества, *Weaknesses* (слабые стороны) — внутренние ограничения или проблемные аспекты, *Opportunities* (возможности) — внешние факторы, которые при благоприятном стечении обстоятельств могут быть использованы для продвижения проекта, и *Threats* (угрозы) — внешние риски и вызовы, способные замедлить реализацию проекта или сделать его экономически нецелесообразным.

ветровых установок — 33–35%, в то время как шельфовый ветер может достигать показателя в 41–44% с потенциалом до 58% к 2030 г. [IRENA, 2019]. На рисунке отображена среднегодовая загрузка ветрогенераторов в странах Европейского союза за период с 2018 по 2023 г. (рис. 1). Усредненный показатель загрузки наземных ветроустановок составляет чуть менее 25%, тогда как шельфовых — колеблется вблизи отметки 35%, что объясняется в значительной степени благоприятными ветровыми условиями в акватории Северного моря — крупнейшего кластера ветроэнергетики в данном регионе.

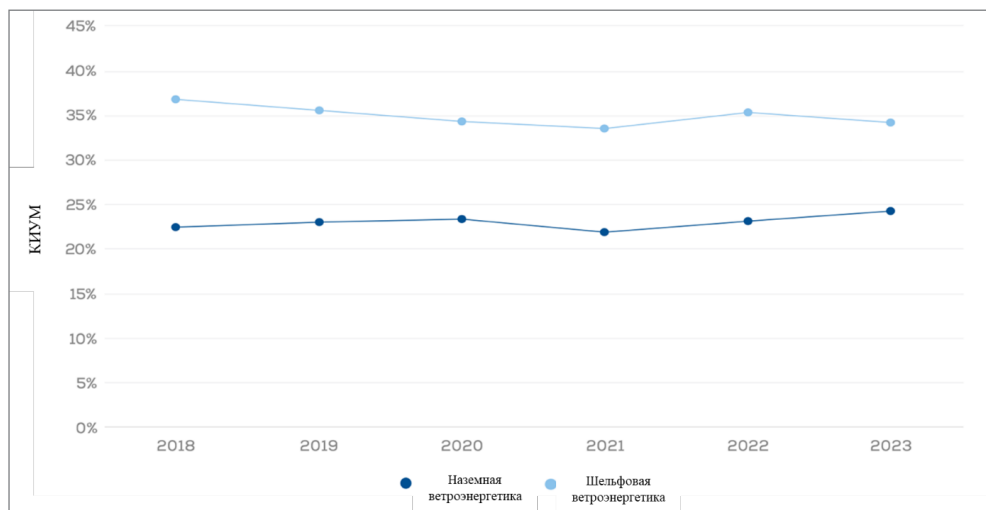

Рис. 1. КИУМ наземной и шельфовой ветровой генерации с 2018 по 2023 г.

Источник: WindEurope

Во-вторых, для шельфовых ветропарков не требуется выделения земель под поля и леса для прокладки дорог, кабелей и устройства фундаментов, что в случае с наземными проектами зачастую вызывает общественное недовольство и затрудняет реализацию из-за необходимости получения разрешений и согласования с населением.

В-третьих, единичная мощность морской турбины уже достигла 20 МВт, что в два раза превышает мощность обычных наземных ветрогенераторов [DNV, 2023]. В мировом отчете по ветровой энергии 2024 г., подготовленном экспертами Глобального совета по ветроэнергетике, отмечается, что данный тип выработки энергии является ключевой технологией энергетического перехода [GWEC, 2024].

Благодаря вышеуказанным и другим сопутствующим причинам, шельфовая энергетика приобретает все большую популярность среди международных нефтегазовых компаний (МНК), в том числе с целью достижения согласованной цели Европейского союза, утвержденной в марте 2023 г.: достичь

как минимум 42,5% доли ВИЭ в энергобалансе к 2030 г². Для этого потребуются увеличение установленной мощности ветрогенерации с 204 ГВт в 2022 г. до более чем 500 ГВт к 2030 г. Считается, что достижение этих целей возможно за счет использования шельфовой ветроэнергетики, потенциал которой в 2–5 раз выше, чем у наземной [Kintisch, 2017]. Так, например, Российская Федерация обладает техническим потенциалом более 1000 ГВт³, а Каспийское море только в азербайджанском секторе — потенциалом около 157 ГВт, что в 20 раз превышает установленную мощность всех электростанций страны.

Международный банк реконструкции и развития прогнозирует, что шельфовая ветроэнергетика может занять ведущие позиции в энергосистемах таких стран, как Индия, Филиппины, Шри-Ланка, Турция и Вьетнам [World Bank, 2019]. Лидером увеличения установленной мощности, по оценкам экспертов, станет Китай за счет реализации мультитигаваттных проектов [World Bank, 2019].

В период с 2017 по 2023 г. шельфовая ветроэнергетика стала ключевой технологией, которую международные нефтегазовые компании (МНК) активно интегрировали в свои портфели. Однако впоследствии, начиная с 2023 г., наблюдается выход из проектов в сфере возобновляемых источников энергии, включая офшорную ветроэнергетику. В связи с этим важно проанализировать причины и, соответственно, ограничения данной технологии.

Рост ветроэнергетики сопряжен с уникальным набором проблем: недостаточный и неопределенный спрос, ограниченный доступ к сырью, высокие темпы инфляции, рост цен на оборудование, усиление давления со стороны международных конкурентов, а также дефицит квалифицированной рабочей силы. Согласно анализу французского банка *BNP Paribas*, в связи с ростом капитальных затрат и удорожанием компонентов (турбин, генераторов и другие) шельфовая ветроэнергетика из стадии стремительного роста перешла в фазу стагнации [BNP Paribas, 2024]. Далее рассмотрим вышеуказанные причины более подробно.

Во-первых, именно шельфовая энергетика характеризуется высокой капиталоемкостью. По данным *IRENA*, среднемировая стоимость ввода наземных ветроустановок в 2022 г. составляла 1274 долл. на киловатт (кВт) мощности, тогда как для офшорных — 3461 долл. на кВт [IRENA, 2022]. Таким образом, уровень процентных ставок существенно влияет на инвестиционные решения в условиях роста затрат, и за последние два года интерес к шельфовым проектам со стороны инвесторов заметно снизился. В Великобритании, где

² Страны ЕС договорились повысить долю возобновляемой энергии до 42,5% к 2030 году // <https://euro-pulse.ru/news/strany-es-dogovorilis-povysit-dolyu-vozobnovlyajemoj-energii-do-425-k-2030-godu/>, дата обращения 23.05.2025.

³ Россия обладает огромным потенциалом развития офшорной ветроэнергетики // <https://www.in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/30623-rossija-obladaet-ogromnym-potencialom-razvitija-offshornoj-vetroenerg.html>, дата обращения 28.05.2025.

рынок шельфовой ветроэнергетики коммерчески напрямую зависит от фиксированных субсидий, предоставляемых государством, лишь шесть победителей аукциона субсидий (*contract for difference* — *CfD*) в 2023 г. (*AR4*) приняли окончательное инвестиционное решение (*FID*). В то же время такие игроки, как *Vattenfall* [*Vattenfall*, 2023], *Norfolk Boreas* и другие, после увеличения капиталоемкости проектов на 40%, объявили их нерентабельными, даже с учетом государственной поддержки [*Blackburne, Edwardes-Evans*, 2023].

Таким образом, капиталоемкость напрямую сопряжена с высокой стоимостью оборудования, что является второй основной проблемой. На европейском и американском рынках доминирующим производителем офшорных ветровых турбин остается *Siemens Gamesa* (*Siemens Gamesa Renewable Energy*), в то время как *Vestas* и *GE Vernova* становятся серьезными конкурентами на следующем этапе развития европейской офшорной ветроэнергетики [*Kessler*, 2024]. Компания *Siemens Gamesa* сталкивается с трудностями в выполнении текущего объема заказов, при этом ее финансовую устойчивость дополнительно осложняют обязательства по ранее заключенным долгосрочным контрактам на поставку сырья, стоимость которых превышает текущие возможности окупаемости выпускаемой продукции. Анализ показал, что продукция *Siemens Gamesa* характеризуется существенным увеличением интенсивности отказов (*failure rates*) компонентов оборудования и ростом уровня их ненадежности, что, в свою очередь, приводит к дефициту соответствующего оборудования на рынке и сопровождается увеличением его стоимости⁴.

Третьей важной причиной является отсутствие необходимой инфраструктуры — а именно специализированных портов и морских судов для транспортировки и монтажа турбин в море. Нехватка проявляется либо в их недостаточном количестве, либо в полном отсутствии. Поскольку шельфовая ветроэнергетическая отрасль стремительно наращивает масштабы, переходя от турбин мощностью 11 МВт к установкам мощностью до 20 МВт, существующий флот монтажных и обслуживающих судов либо не соответствует техническим требованиям, либо представлен в недостаточном объеме. Как следствие, спрос остается высоким, что повышает цены на рынке и, опять же, увеличивает капитальные затраты по конкретным проектам.

Четвертой проблемой является недостаточная поддержка со стороны государства и несовершенство законодательной базы. Шельфовая ветроэнергетика сильно зависит от субсидий, поскольку достичь окупаемости по рыночным ценам в сегодняшних реалиях невозможно. Для сравнения можно использовать уровень приведенной стоимости энергии (*LCOE*). По данным международной инвестиционно-консалтинговой компании *Lazard*, *LCOE* шельфового ветропарка составляет 72–140 долл./МВт • ч, тогда как

⁴ Reports Reduced Losses Amid Offshore Wind Growth in Q4 FY2024 // <https://www.energymagz.com>, дата обращения 01.06.2025.

для наземного — 24–75 долл./МВт·ч [Lazard, 2023]. Поскольку наличие оптовых контрактов на покупку шельфовой ветроэнергии минимально, ее окупаемость обеспечивается за счет субсидий, предоставляемых государством. Если, как упоминалось выше, на британском аукционе AR4 еще присутствовали заинтересованные игроки, то минимальные показатели государственных субсидий на следующем коммерческом аукционе (AR5) по механизму CfD в Великобритании в 2023 г. не смогли привлечь компании энергосектора 5. На аукцион не была подана ни одна заявка, поскольку установленный государством потолок цен оказался настолько низким, что не покрывал даже базовых расходов на строительство шельфовых ветропарков. Это стало первым подобным прецедентом в истории шельфовой ветроэнергетики [BNP Paribas, 2024: 10]. Аналогичная ситуация наблюдалась и на других ведущих рынках офшорной ветроэнергетики. В Дании последний раунд аукциона на строительство 3 ГВт мощностей завершился без единой заявки⁶. Похожая ситуация сложилась и на американском рынке, но уже в сегменте прямых соглашений о покупке электроэнергии (*Power Purchase Agreements, PPA*). Как показано на рисунке, значительное количество заключенных прямых контрактов было аннулировано (рис. 2).

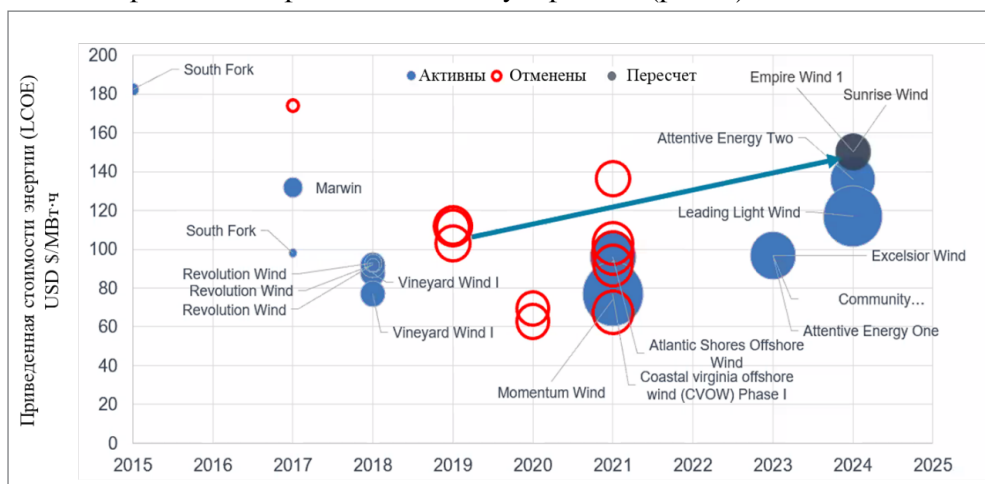

Рис. 2. Прямые контракты, заключенные в период с 2019 по 2021 г., не выдерживают новых коммерческих условий рынка.

Источник: Департамент энергетики США, 2021

⁵ Renewable energy auction results in no bids for offshore wind // <https://ore.catapult.org.uk/resource-hub/blog/renewable-energy-auction-results-in-no-bids-for-offshore-wind>, дата обращения 25.05.2025.

⁶ No offshore bids in Denmark — disappointing but sadly not surprising // <https://windeurope.org/newsroom/press-releases/no-offshore-bids-in-denmark-disappointing-but-sadly-not-surprising/>, дата обращения 05.06.2025.

Основная причина таких быстрых изменений в столь долгосрочных проектах заключается в том, что инвесторы при заключении контрактов сделали ставку на быстрое снижение капитальных затрат (по аналогии с технологиями солнечных панелей и наземной ветроэнергетики). Однако ситуация оказалась противоположной первоначальным предположениям инвесторов. Поэтому они не имеют возможности окупить мультимиллиардные проекты шельфовых ветропарков по действующим контрактным ценам и вынуждены аннулировать старые контракты в пользу новых, более соответствующих рыночной реальности — если таковые имеются.

«Производителей турбин постоянно подталкивают к созданию новых, инновационных, а главное, более крупных турбин, — комментирует Эндрю Перкинс, партнер по корпоративным финансам в международной аудит-консалтинговой корпорации *Ernst & Young (EY)*. — Это означает не только низкую доходность для производителей, но и то, что они не могут передать эффект масштабирования (*economies of scale*) или дополнительную ценность другим участникам цепочки поставок» [EY, 2023]. Таким образом, компании-девелоперы считают, что получают выгоду благодаря более высокой мощности турбин, но на практике это лишь ведет к росту затрат на научно-исследовательскую деятельность (НИОКР), рабочую силу и морские суда-установщики. В результате происходит экономическое сжатие глобальной цепочки поставок турбин, и этот бизнес становится экономически невыгодным [EY, 2023]. Компания *Siemens Gamesa*, упомянутая ранее, признала, что зеленая энергетика убыточна, в 2023 г. зеленая генерация принесла концерну убытки в 4,3 млрд евро, а в 2024 г. — 2 млрд евро⁷.

Применимость в Каспийском море

Всемирный банк определил, что большая часть прибрежной зоны вокруг Апшеронского полуострова на западном побережье Каспийского моря пригодна для разработки шельфовых ветровых установок, что показано на рисунке 3. Обведенные участки — это блоки, определенные техническими экспертами для развития шельфовой энергетики. Цветовое обозначение показывает относительный уровень затрат на производство электроэнергии (*LCOE*) в зависимости от удаленности от берега.

⁷ Siemens Gamesa Reports Reduced Losses Amid Offshore Wind Growth in Q4 FY2024 // <https://energymagz.com/30382/siemens-gamesa-reports-reduced-losses-amid-offshore-wind-growth-in-q4-fy2024/?utm.com>, дата обращения 01.06.2025.

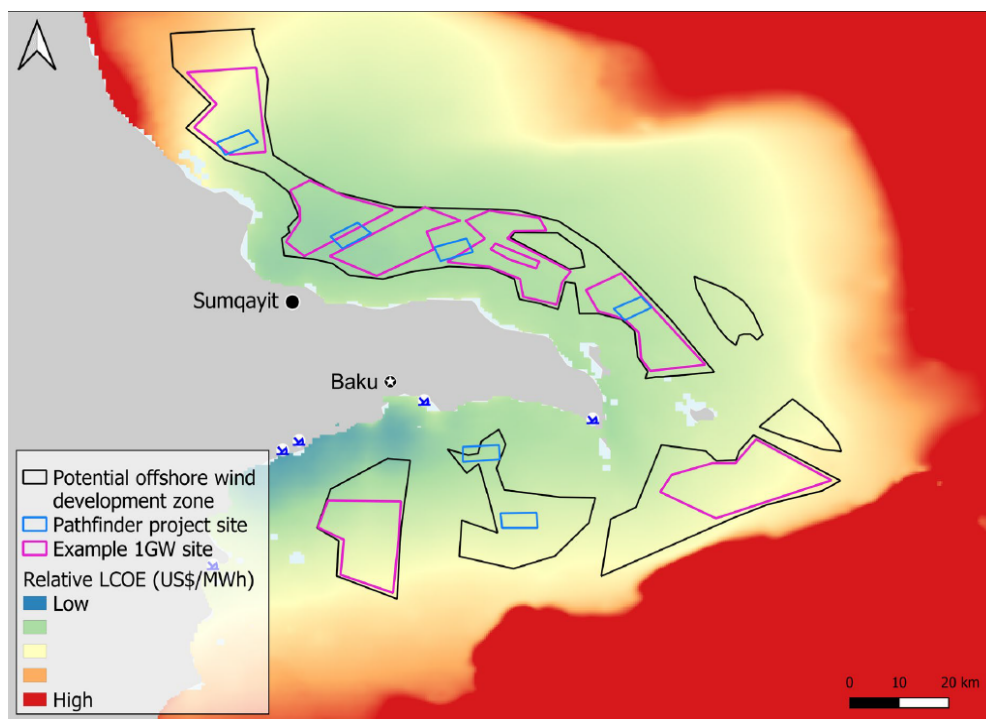

Рис. 3. Зоны развития шельфового ветра, Апшеронский п-ов.

Источник: Департамент энергетики США, 2021

Чем дальше шельфовая ветроэлектростанция расположена от берега, тем выше уровень затрат на производство электроэнергии (*LCOE*), поскольку увеличиваются расходы на строительство и обслуживание. Это связано с необходимостью прокладки длинных подводных кабелей, установки офшорных подстанций, более сложными условиями монтажа в глубоких водах, трудностями в эксплуатации и повышенными логистическими издержками [Martinez, Iglesias, 2022]. Кроме того, удаленность увеличивает риски проекта, что приводит к удорожанию финансирования и необходимости включения страховых и резервных затрат. В среднем глубина более 70 м уже считается предельной для технологии, закрепленной на дне, и требует перехода на плавающие ветроустановки.

Всемирный банк ранее оценил технический потенциал шельфовой ветроэнергетики Азербайджана в 35 ГВт в мелководных районах (для установок на фиксированных основаниях) и 122 ГВт в глубоких водах (для плавучих оснований), не учитывая экологические и социальные аспекты. Таким образом, выбранные участки, каждый из которых рассчитан на 1 ГВт генерации, расположены в зоне низкого уровня приведенной стоимости элек-

троэнергии, с минимальными значениями в районах к северу от Апшеронского полуострова [World Bank, 2022].

Среднегодовая скорость ветра является ключевым параметром при оценке эффективности офшорных ветроэнергетических установок. В мировой практике минимально необходимое значение для экономически целесообразной эксплуатации шельфовых ветропарков составляет порядка 7,5 м/с на высоте 100 метров над уровнем моря⁸. При таких показателях достигается достаточный коэффициент использования установленной мощности (КИУМ), обеспечивающий рентабельность проекта в течение срока его службы. Согласно данным Международного энергетического агентства и *Глобального совета по ветроэнергетике*, при скорости ветра в диапазоне от 8 до 10 м/с уровень производительности морских турбин возрастает до 45–55% КИУМ [GWEC, 2023], что существенно превышает аналогичные показатели наземной ветроэнергетики.

Для Каспийского моря и, в частности, у прибрежной зоны Азербайджана среднегодовая скорость ветра находится в диапазоне от 7,5 до 9 м/с в наиболее перспективных районах, включая Апшеронский полуостров и прилегающие акватории [World Bank, 2022]. Эти значения соответствуют международным требованиям для установки морских ветровых турбин и свидетельствуют о наличии высокого технического потенциала региона. При этом расчетная мощность ветра в этих зонах обеспечивает КИУМ свыше 40%, что делает возможной реализацию коммерчески жизнеспособных проектов при условии соответствующей институциональной и инфраструктурной поддержки.

Таким образом, климатические и ветровые характеристики азербайджанского сектора Каспийского моря являются благоприятными для развития офшорной ветроэнергетики, особенно при использовании современных турбин с относительно высокой единичной мощностью и устойчивостью к сложным морским условиям.

Тем не менее развитие шельфовой ветроэнергетики в Азербайджане сопряжено с рядом ключевых вызовов. К ним относятся четыре основные проблемы: ограниченный внутренний спрос на электроэнергию, затрудняющий масштабирование отрасли; сложная логистическая структура и отсутствие локализованной производственно-сбытовой цепочки; высокая стоимость электроэнергии при ограниченной ее доступности для конечного потребителя; а также технические и институциональные трудности, связанные с интеграцией генерируемой энергии в существующую энергосистему. Несмотря на разработку в 2022 г. «дорожной карты» офшорной ветроэнерге-

⁸ Offshore Wind Technical Potential Energy sector Management Assistance Program // https://www.esmap.org/esmap_offshorewind_techpotential_analysis_maps?utm.com, дата обращения 24.05.2025.

тики для Азербайджана, предусматривающей установку шельфовых ветропарков общей мощностью 7,2 ГВт к 2040 г. [Селимова, 2024], развитие данной отрасли в стране, вероятно, не достигнет таких масштабов (в ГВт), как на других развитых и развивающихся рынках. Кроме того, маловероятно, что в течение следующего десятилетия в Каспийском регионе сформируется сильный региональный рынок шельфовой ветроэнергетики. В связи с этим стране будет сложно достичь эффекта масштабирования (*economies of scale*), который зачастую способствует снижению затрат за счет интеграции проектов в единую оптовую платформу, как, например, в Европе. Ограниченный внутренний спрос на электроэнергию не позволит развить эту технологию исключительно для внутреннего потребления. По состоянию на 2023 г. установленная мощность электроэнергетической системы Азербайджана составляет около 7173 МВт, при этом пиковая нагрузка достигает приблизительно 3900 МВт [IEA, 2023b]. Существующая энергетическая система уже покрывает текущие потребности, а рост потребления происходит умеренными темпами и, как ожидается, не будет превышать прирост более чем на 1,5% в год⁹. В связи с этим для эффективного освоения значительного потенциала офшорной ветроэнергетики необходимо рассматривать возможности экспорта электроэнергии [Sakit, 2024] в регионы с дефицитом энергоресурсов.

Как упоминалось выше, шельфовая ветроэнергетика находится в значительной зависимости от наличия развитой производственно-сбытовой цепочки и либо требует локального присутствия производителей компонентов, либо дешевых поставщиков в соседних странах. Однако в Азербайджане доступ ограничен пропускной способностью системы каналов Волга – Дон, что влияет на размеры оборудования и судов, которые могут быть доставлены в Каспийское море. Несмотря на то что транспортировка крупных турбин (до 15 МВт) по этому маршруту считается возможной, логистические трудности остаются значительными, особенно с учетом ограниченного количества подходящих судов для проведения монтажных работ в Каспийском море. Развитие индустрии производства компонентов для шельфовой энергетики в самом Азербайджане или в других странах Каспийского региона не поддерживается существующим спросом. Например, китайские компании-производители *Goldwind*, *Mingyang*, *Envision*¹⁰ и другие зачастую рассматривают локальное производство при наличии портфеля проектов объемом от нескольких гигаватт, что на данный момент невозможно на

⁹ Electricity demand growth in Azerbaijan estimated to have eased to 1% // <https://report.az/en/energy/iea-electricity-demand-growth-in-azerbaijan-estimated-to-have-eased-to-1%>, дата обращения 28.05.2025.

¹⁰ China leads global wind turbine manufacturers' market share in 2023. Wood Mackenzie // <https://www.woodmac.com/press-releases/2024-press-releases/global-wind-oem-marketshare/?utm.com>, дата обращения 28.05.2025.

внутреннем рынке. Так, например, *Mingyang Smart Energy* планирует построить завод по производству лопастей в Инвернесе (Шотландия), который станет их первым предприятием за пределами Китая¹¹. Этот шаг направлен на поддержку крупных проектов в Северном море и соответствует требованиям локализации, предъявляемым к проектам в Великобритании, которая планирует достичь показателя 40 ГВт установленной мощности к 2035 г.¹²

Наиболее важным фактором является коммерческая составляющая проекта. Слабый внутренний спрос на электроэнергию в странах с формирующимся рынком ВИЭ, таких как Азербайджан, ограничивает перспективы окупаемости капиталоемких офшорных проектов. Стоимость электроэнергии от первых шельфовых ветропарков в Азербайджане будет выше, чем от существующих тепловых электростанций, а также новых наземных ветровых и солнечных установок. Снижение этой стоимости возможно за счет реализации долгосрочной энергетической стратегии, масштабирования и фокуса на сокращение издержек, однако достижение этого не гарантировано. Дополнительное снижение затрат может быть достигнуто за счет привлечения финансирования на льготных условиях и мер государственной поддержки, направленных на повышение уверенности инвесторов. Однако такие стратегии не всегда эффективны, поскольку не подкреплены устойчивым внутренним спросом и не гарантируют достижение коммерческой окупаемости.

Важно также отметить, что без гарантий со стороны операторов сети, подтверждающих техническую возможность интеграции объемов шельфовой энергетики, инвесторы и девелоперы не будут развивать проекты. Шельфовая ветроэнергетика является переменным источником энергии (как и другие — солнечная и наземная ветроэнергия), что может создавать трудности при интеграции в энергосистему при определенном уровне проникновения.

Энергетический переход потребует инвестиций в интеллектуальные энергосети, гибкие источники генерации, системы накопления энергии и межсетевые соединения с другими энергетическими рынками. Эти инвестиции также могут достигать миллиардов долларов, и до тех пор, пока такие технические условия не будут соблюдены, шельфовые ветропарки не смогут быть реализованы.

В Азербайджане с относительно небольшой энергосистемой (не более 8 ГВт) подключение значительных объемов переменной генерации, такой как шельфовая, с большой вероятностью приведет к серьезным перебоям

¹¹ China in line for £60m of public money to set up wind farm factories // <https://www.thetimes.com/uk/scotland/article/china-in-line-for-60m-of-public-money-to-set-up-wind-farm-factories-m59c2bp6c>, дата обращения 30.05.2025.

¹² The offshore wind market in Scotland // <https://www.offshorewindscotland.org.uk/the-offshore-wind-market-in-scotland/?utm.com>, дата обращения 30.05.2025.

в сети или аварийному отключению электроэнергии. В таком случае необходима прокладка специализированных линий или кабелей передачи постоянного тока высокого напряжения, позволяющих экспортировать электроэнергию.

Сценарный анализ развития сектора шельфовой энергетики в Азербайджане

По итогам проведенного анализа вышеупомянутых факторов развития офшорной ветроэнергетики в азербайджанском секторе Каспийского моря представлен *SWOT*-анализ (табл.), суммирующий как положительные, так и отрицательные стороны развития шельфовой ветроэнергетики в Азербайджане.

Таблица

SWOT-анализ ветроэнергетики в Азербайджане

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ

- Высокий ветровой потенциал
- Поддержка от международных компаний
- Благоприятное географическое положение

СЛАБЫЕ СТОРОНЫ

- Отсутствие портовой инфраструктуры и транспортной логистики
- Отсутствие спроса на внутреннем рынке
- Нет рыночной истории или референс-проектов

ВОЗМОЖНОСТИ

- Международные инвестиции
- Рост спроса на ВИЭ
- Поддержка от МФО

УГРОЗЫ

- Рост стоимости оборудования
- Конкуренция в регионе
- Изменения в регуляторной политике

Источник: Таблица подготовлена автором

SWOT-анализ шельфовой ветроэнергетики в Каспийском море позволяет системно оценить как внутренние характеристики технологии шельфового ветра, так и внешние факторы, влияющие на ее развитие. Среди силь-

ных сторон выделяются высокий ветровой потенциал, наличие интереса со стороны международных энергетических компаний, а также благоприятное географическое положение Азербайджана, способствующее экспорту электроэнергии и интеграции с соседними рынками.

К слабым сторонам относятся отсутствие необходимого внутреннего спроса, специализированной портовой инфраструктуры, нехватка монтажных судов и логистических ресурсов, слабое состояние электросетей, а также отсутствие прецедентов или референсных проектов в стране, что затрудняет привлечение инвесторов.

Среди внешних возможностей можно отметить рост глобального интереса к возобновляемым источникам энергии, привлечение международного финансирования и технической помощи, а также стратегическую поддержку со стороны многосторонних финансовых организаций (МФО).

В то же время существует ряд угроз: нестабильность цен на оборудование и, соответственно, высокая стоимость проектов, усиление конкуренции за инвестиции среди других прикаспийских стран, а также потенциальные изменения в регуляторной политике, способные снизить инвестиционную привлекательность сектора.

На основании вышеизложенного, развитие шельфовой ветроэнергетики в Азербайджане может пойти по одному из четырех основных сценариев. В рамках первого сценария, характеризующегося отсутствием государственной поддержки, показатель приведенной стоимости электроэнергии (*LCOE*) для шельфовых ветровых установок сохраняется на уровне, превышающем 100 долл. за МВт·ч, [IEA, 2019], что делает данные проекты экономически нецелесообразными в сравнении с наземными объектами возобновляемой энергетики, для которых соответствующий показатель составляет порядка 40 долл. за МВт·ч, [IRENA, 2022]. В подобных условиях реализация коммерчески жизнеспособных проектов становится невозможной без привлечения механизмов долгосрочных договоров купли-продажи электроэнергии и предоставления прямых или косвенных форм государственной поддержки.

Во втором сценарии, предполагающем использование механизма контрактов на разницу (*Contracts for Difference, CfD*), государство устанавливает фиксированную цену выкупа электроэнергии на уровне приблизительно 110 долл. за МВт·ч. Введение такой модели способствует реализации пилотных проектов совокупной установленной мощностью от 200 до 300 МВт. Потенциал масштабирования отрасли в данном случае обусловлен возможностью последовательного снижения капитальных затрат на 10–15% в каждом пятилетнем цикле. Вместе с тем успешная реализация данного подхода требует наличия подготовленной рыночной инфраструктуры и устойчивого спроса на электроэнергию, что на текущем этапе в Азербайджане не наблюдается.

Третий сценарий предполагает механизм государственно-частного партнерства, при котором государство берет на себя расходы по созданию базовой инфраструктуры — портов, кабельных трасс, логистических центров, — а частный сектор инвестирует в генерирующие мощности. Такой подход позволяет снизить инвестиционные риски и стимулировать интерес со стороны международных энергетических компаний. Однако он сопряжен с высокими инвестициями со стороны государства и требует готовности правительства к экономическому стимулированию данной отрасли.

Наиболее перспективный четвертый сценарий связан с возможностями экспорта углеродно нейтральной электроэнергии в Европу, где существует устойчивый спрос, поддерживаемый платежеспособностью рынка. Одним из ключевых проектов в этом направлении является строительство подводного кабеля через Черное море, который соединит Азербайджан с Румынией и Венгрией. Этот проект, известный как «Зеленый энергетический коридор», предусматривает передачу до 6 ГВт чистой энергии из Кавказского региона в Европу. Первая фаза проекта включает прокладку кабеля мощностью 1,3 ГВт, с планируемым завершением к 2030 г. Проект рассматривается как важный элемент стратегии Азербайджана по превращению в экспортера возобновляемой энергии, а не только газа, и укреплению энергетической безопасности Европейского союза [Zeeberg, 2025]. Кроме того, Азербайджан разрабатывает два дополнительных экспортных маршрута: через Грузию и Турцию — в Болгарию, а также через Нахичевань — в Турцию и далее в Европу. Во всех этих инициативах Азербайджан выступает в роли энергетического хаба и проводит совместно с консультантами исследования по коммерческой и технической составляющей этих зеленых коридоров [Hasanova, 2024]¹³. Как только эти исследования будут завершены, можно будет более точно оценить коммерческий и технико-экономический потенциал их реализации, а также определить необходимость интеграции шельфовой ветроэнергетики в эти проекты.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что развитие шельфовой ветроэнергетики в Азербайджане обладает значительным потенциалом и может внести весомый вклад в трансформацию национального энергетического баланса. Вместе с тем реализация данного потенциала сопряжена с рядом институциональных, экономических и инфраструктурных вызовов, требующих системного подхода со стороны государства и вовлечения международных партнеров. Проведенный *SWOT*-анализ позволил комплекс-

¹³ Azerbaijan aims for 33% renewable energy share by 2027 // <https://caliber.az/en/post/azerbaijan-aims-for-33-renewable-energy-share-by-2027?utm.com>, дата обращения 17.05.2025.

но охарактеризовать как внутренние преимущества и ограничения технологии шельфовой ветроэнергетики, так и внешние факторы, определяющие условия ее развития в Каспийском регионе. К числу ключевых преимуществ относятся высокий ветровой потенциал шельфовой зоны, техническая возможность установки турбин большой единичной мощности (до 20 МВт), а также благоприятные характеристики по коэффициенту использования установленной мощности (до 58% в перспективе). Кроме того, отсутствие конкуренции за земельные ресурсы и возможность экспорта электроэнергии через трансграничную инфраструктуру делают технологию стратегически привлекательной в контексте обеспечения энергетической безопасности и достижения климатических целей.

Однако в условиях ограниченного внутреннего спроса на электроэнергию, высокой капиталоемкости проектов, а также отсутствия развитой портовой, логистической и сетевой инфраструктуры, шельфовая ветроэнергетика в Азербайджане на текущем этапе не может быть реализована исключительно рыночными механизмами. Существенными барьерами также выступают неопределенность нормативно-правовой базы, отсутствие прецедентов в реализации аналогичных проектов в регионе и недостаточная институциональная готовность к внедрению механизмов долгосрочной поддержки, таких как контракты на разницу (*CfD*) или налоговые стимулы.

Сценарный анализ показал, что при сохранении текущих условий уровень расчетной стоимости электроэнергии (*LCOE*) для офшорных установок превышает 100 долл. за МВт·ч, что делает такие проекты неконкурентоспособными по сравнению с наземными ВИЭ. При этом наибольший потенциал для реализации шельфовой ветроэнергетики связан с развитием экспортной инфраструктуры и интеграцией в региональные и европейские энергетические рынки. Наиболее перспективным направлением представляется участие Азербайджана в проекте «Зеленый энергетический коридор», предусматривающем экспорт углеродно нейтральной электроэнергии через подводный кабель в страны Европейского Союза.

Таким образом, несмотря на значительный технический потенциал шельфовой ветроэнергетики, в Азербайджане необходимо принять комплексные меры для его реализации. Приоритетными задачами являются институциональные реформы, модернизация нормативно-правовой базы, создание целевых финансовых механизмов поддержки, развитие соответствующей инфраструктуры, а также стратегическое позиционирование страны как экспортного хаба в области возобновляемой энергетики. Наиболее перспективным направлением представляется экспорт шельфовой электроэнергии в Европу, где существует высокий спрос и платежеспособный рынок. Только при наличии скоординированных усилий государства, частного сектора и международных партнеров возможно формирование устойчивого и инвестиционно-привлекательного сектора шельфовой ветроэнергетики в Азербайджане.

Список литературы (References)

Blackburne A., Edwardes-Evans H., 2023. UK to reveal renewables auction results with inflation as backdrop // <https://www.spglobal.com/commodity-insights/en/news-research/latest-news/electric-power/090523-uk-to-reveal-renewables-auction-results-with-inflation-as-backdrop>, дата обращения 26.05.2025.

Hasanova T., 2024. Azerbaijan aims for 33% renewable energy share by 2027 // <https://caliber.az/en/post/azerbaijan-aims-for-33-renewable-energy-share-by-2027?utm.com>, дата обращения 17.05.2025.

Kessler R., 2024. Siemens Gamesa leads US offshore wind pack as turbine giants shun 'arms race' stateside // <https://www.rechargenews.com/wind/siemens-gamesa-leads-us-offshore-wind-pack-as-turbine-giants-shun-arms-race-stateside/2-1-1675068?utm.com>, дата обращения 24.05.2025.

Kintisch E., 2017. Offshore wind farms have powerful advantage over land-based turbines, study finds // <https://www.science.org/content/article/offshore-wind-farms-have-powerful-advantage-over-land-based-turbines-study-finds>, дата обращения 17.05.2025.

Sakit D., 2024. Who is the Black Sea Submarine Cable Project Targeting? // <https://caspien-alpine.org/a-power-line-across-two-seas-who-is-the-black-sea-submarine-cable-project-targeting/?utm.com>, дата обращения 29.05.2025.

Zeeberg A., 2025. Why the World Is Suddenly Watching Azerbaijan's Energy Plans. Black Sea submarine cable would supply clean electricity to the EU // spectrum.ieee.org/black-sea-energy-link?utm.com, дата обращения 28.05.2025.

Селимова Ф., 2025. Азербайджан ускоряет энергетический переход // <https://caspien.institute/product/selimova-femida/azerbajdzhan-uskoryaet-ehnergeticheskij-perekhod-38958.shtml>, дата обращения 29.05.2025.

Selimova F., 2025. Azerbaijan accelerates energy transition // <https://caspien.institute/product/selimova-femida/azerbajdzhan-uskoryaet-ehnergeticheskij-perekhod-38958.shtml>, accessed 29.05.2025 (In Russ.)

Всемирный банк, 2022. Azerbaijan Offshore Wind Roadmap. Washington, D.C. // <https://documents.worldbank.org/>, дата обращения 17.05.2025.

The World Bank, 2022. Azerbaijan Offshore Wind Roadmap. Washington, D.C. // <https://documents.worldbank.org/>, accessed 17.05.2025 (in Russ.)

BNP Paribas, 2024. Offshore Wind Review. Paris. // <https://integrated-report.bnpparibas/2024/article/72/>, дата обращения 05.06.2025.

Caspian Alpine Society, 2024. Caspian Sea Offshore Wind Potential. <https://caspienalpinesociety.org>, дата обращения 29.05.2025.

DNV, 2023. Energy Transition Outlook 2023. Oslo: DNV. <https://www.dnv.com/publications/energy-transition-outlook-2023-248798>, дата обращения 17.05.2025.

Energy Sector Management Assistance Program (ESMAP), 2025. Offshore Wind Technical Potential // https://www.esmap.org/esmap_offshorewind_techpotential_analysis_maps, дата обращения 24.05.2025.

EY, 2023. Renewable Energy Country Attractiveness Index (RECAI) // <https://ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-gl/insights/energy-resources/documents/ey-recai-62-v9-final.pdf>, дата обращения 24.05.2025.

IEA, 2019. Offshore Wind Outlook 2019. Paris: IEA. <https://www.iea.org/reports/offshore-wind-outlook-2019>, дата обращения 17.05.2025.

IEA, 2023. Azerbaijan Energy Profile 2023. https://iea.blob.core.windows.net/assets/0528affc-d2ba-49c9-ac25-17fc4e8724f7/AzerbaijanEnergyProfile_2023.pdf, дата обращения 24.05.2025.

IEA, 2023b. Offshore Wind Outlook 2023. Paris: IEA. <https://www.iea.org/reports/offshore-wind-outlook-2023>, дата обращения 17.05.2025.

International Renewable Energy Agency (IRENA), 2019. Future of Wind: Deployment, investment, technology, grid integration and socio-economic aspects. Abu Dhabi: IRENA. <https://www.irena.org/publications/2019/Oct/Future-of-wind>, дата обращения 17.05.2025.

International Renewable Energy Agency (IRENA), 2022. Renewable Power Generation Costs in 2021. Abu Dhabi: IRENA. <https://www.irena.org/publications/2022/Jun/Renewable-Power-Costs-in-2021>, дата обращения 17.05.2025.

Lazard, 2023. Levelized Cost of Energy Analysis – Version 16.0. // <https://www.lazard.com/media/nltb551p/lazards-lcoeplus-april-2023.pdf>, дата

No offshore bids in Denmark – disappointing but sadly not surprising. Brussels: WindEurope // <https://windeurope.org>, дата обращения 05.06.2025.

U.S. Department of Energy, 2021. Offshore Wind Market Report: 2021 Edition, Executive Summary. // <https://www.energy.gov/sites/default/files/2021-09/offshore-wind-market-report-2021-executive-summary.pdf>, дата обращения 24.05.2025.

Vattenfall, 2023. Investor Update on Offshore Wind Portfolio. Stockholm // <https://group.vattenfall.com>, дата обращения 17.05.2025.

WindEurope, 2023. Offshore Wind in Europe: Key Trends and Statistics 2022. Brussels: WindEurope. <https://windeurope.org>, дата обращения 17.05.2025.

World Bank, 2019. Expanding Offshore Wind to Emerging Markets. Washington, D.C. // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/716891572457609829/pdf/Going-Global-Expanding-Offshore-Wind-To-Emerging-Markets.pdf>, дата обращения 28.05.2025.

Polina V. LIUBOMIROVA, Applicant, International Institute of Energy Policy and Diplomacy (MIEP), Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Director of Business Development, company: ACWA Power

Address: 76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation;
90A, Nizami st., AZ1000, Republic of Azerbaijan

E-mail: polina@lyubomirova.ru

ORCID: 0009-0001-7887-9399

ASSESSMENT OF THE OFFSHORE WIND ENERGY DEVELOPMENT POTENTIAL IN THE CASPIAN SEA: THE CASE OF AZERBAIJAN

DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_64

Received: 19.06.2025.

For citation: *Liubomirova P. V.*, 2025. Assessment of The Offshore Wind Energy Development Potential in The Caspian Sea: The Case of Azerbaijan. – *Geoeconomics of Energetics*. № 3 (31). P. 64–84. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_64

Keywords: offshore wind energy, Caspian Sea, energy transition, Azerbaijan, renewables, LCOE, electricity export, decarbonization, diversification, sustainable development.

Abstract

Offshore wind energy represents one of the priority vectors for the development of renewable energy, playing a crucial role in the global energy transition and the achievement of sustainable development goals. In the context of the need for economic decarbonization and diversification of the energy balance, countries with sea access gain a strategic advantage through the ability to harness their offshore wind potential. Azerbaijan, with an estimated technical potential of up to 157 GW in the Caspian Sea basin, stands out as a promising location for the development of offshore wind energy. Despite favorable natural and geographical conditions, no offshore projects had been implemented in the country at the time of this study. This article presents a comprehensive analysis of the key barriers hindering the development of the sector, including technological, economic, and institutional challenges. The research methodology is based on the application of SWOT analysis and a scenario-based approach, which makes it possible to identify the conditions necessary for the formation of an effective offshore wind sector in Azerbaijan's coastal zone. The authors pay special attention to the issues of government support, the development of specialized infrastructure, and the stimulation of private sector investment. Given the growing global interest in renewable energy sources, an integrated approach to the planning and implementation of offshore projects becomes particularly relevant. The article proposes several

development scenarios for offshore wind energy, among which the most promising is the export of electricity via transregional energy corridors to Europe. The author emphasizes the need for a systemic and cross-sectoral approach to offshore wind energy development as a tool for sustainable growth, energy security, and decarbonization. Only with a comprehensive strategy can the full potential of offshore wind be realized and Azerbaijan be integrated into international energy value chains.

Сергей ЖИЛЬЦОВ
Камилла ХЕЗЗЕКОВА

ЭНЕРГОПЕРЕХОД СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Дата поступления в редакцию: 21.04.2025

Для цитирования: Жильцов С. С., Хеззекова К. Т., 2025. Энергопереход стран Персидского залива. – Геоэкономика энергетики. № 3 (31). С. 85–103. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_85

В статье исследуется проблема энергоперехода стран Персидского залива. Для стран региона эта задача представляет особое значение, поскольку государства Персидского залива зависят от добычи и экспорта углеводородных ресурсов. В то же время страны региона имеют различные стратегии энергоперехода. Анализ текущей ситуации показывает, что часть государств (Королевство Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты) делают ставку на ветровую и солнечную (ОАЭ) энергию, другие страны, такие как Султанат Оман и Королевство Бахрейн, Кувейт, начинают внедрять возобновляемые источники энергии (ВИЭ), но в меньших масштабах по сравнению с вышеперечисленными странами. Катар, в свою очередь, сосредоточен на продолжении развития сжиженного природного газа (СПГ), но он также начинает рассматривать проекты для инвестирования в ВИЭ. В статье выявлены общие подходы стран Персидского залива к процессу энергоперехода, а также выделены особенности, характерные для каждого из государств. В целом, реализация энергоперехода сталкивается с рядом трудностей, среди которых следует выделить зависимость от нефти и газа (так как они остаются экономично выгодными для потребителей и

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119021, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1. E-mail: serg.serg56@mail.ru. SPIN-код: 4297-7880. ORCID: 0000-0002-4898-2627

ХЕЗЗЕКОВА Камила Торекуловна, эксперт Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая. E-mail: Khezzekova@mail.ru. ORCID: 0009-0000-6865-1203

Ключевые слова: Персидский залив, энергопереход, Королевство Бахрейн, Кувейт, Королевство Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Султанат Оман

стран-экспортеров), ряд технологических трудностей (то есть разработка и внедрение новых технологий для добычи и использования ВИЭ могут сталкиваться с нехваткой необходимой инфраструктуры), недостаток инвестиций и т. д. Для таких государств, как КСА (несмотря на обширные финансовые ресурсы, сталкивается с рисками, связанными с покрытием затрат на ВИЭ), Бахрейн и Кувейт, энергопереход создает определенные риски для экономического развития, поскольку требует дополнительного финансирования. В то же время такие страны, как Объединенные Арабские Эмираты, Катар и КСА, рассчитывают получить значительные преференции от реализации энергоперехода, поскольку это приведет к диверсификации экономики и откроет дополнительные возможности. В статье сделан вывод, что страны Персидского залива рассматривают энергопереход в качестве возможности диверсифицировать национальные экономики.

Введение

Страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)^{*}: Королевство Бахрейн, Катар, Кувейт, Султанат Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия – активно включились в процесс энергоперехода. Эти страны заявили о приверженности «зеленой» повестки, что предусматривает защиту окружающей среды и диверсификацию экономики. Соответственно, страны Персидского залива активно развивают традиционные виды энергии и в целом энергетический сектор, одновременно предпринимая шаги по достижению целей в области возобновляемых источников энергии.

Страны Персидского залива входят в число стран с самыми высокими показателями выбросов CO_2 на душу населения¹. Это вызвано тем, что ископаемое топливо в основном удовлетворяет внутренние потребности стран региона в энергии, а плата за первичную энергию и электричество в регионе низкая [*Al-Sarihi, Mansouri, 2022*]. Среди стран Персидского залива наибольшие запасы нефти находятся в Саудовской Аравии, где сосредоточено 267,230 млрд т нефти / 123,531 трлн куб. м газа². За ней следуют Кувейт и ОАЭ с запасами в 101,500 млрд т нефти и 113,000 трлн куб. м газа соответ-

¹ CO_2 Emissions by Country 2024 // <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/co2-emissions-by-country>, дата обращения 17.01.2025.

² OPEC Saudi Arabia // https://www.opec.org/opec_web/en/about_us/169.htm, дата обращения 18.01.2025.

^{*} Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) направлен на социальную и экономическую интеграцию шести стран Ближнего Востока – Султаната Оман, Королевства Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, Катара и Королевства Бахрейн. Совет был учрежден 25 мая 1981 г. в Эр-Рияде (Королевство Саудовская Аравия).

ственно³. Кроме того, Катар занимает лидирующие позиции по производству сжиженного природного газа (СПГ)⁴.

Страны Персидского залива принимают активное участие в климатических конференциях, на которых обсуждаются разные варианты сокращения парниковых газов. Так, в 2016 г. «аравийская шестерка» подписала Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, принятое в 2015 г. в целях борьбы с изменением климата и его негативными последствиями. Данное соглашение направлено на сокращение выбросов парниковых газов и ограничение повышения глобальной температуры в этом столетии до 2 градусов Цельсия⁵. В 2019 г. документ, подписанный в 2016 г., был ратифицирован всеми государствами — членами ССАГПЗ.

Документы, определяющие цели/ориентиры энергоперехода

Все страны Персидского залива приняли документы, в которых определены ключевые задачи, связанные с энергопереходом, а также очерчены этапы и конкретные результаты, которые каждая из стран намерены достичь к определенному периоду [*Sanfilippo, Vermeersch, Bermudez Benito*, 2024]. Так, в 2017 г. кабинет министров Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) утвердил национальную Энергетическую стратегию до 2050 г.⁶ Данная Стратегия направлена в первую очередь на экономические и экологические потребности страны за счет использования комбинации экологически чистых, ядерных и возобновляемых источников энергии. Основные стратегические планы — такие как «Национальная энергетическая стратегия ОАЭ» и «Энергетическая стратегия 2050». Оба документа имеют долгосрочные цели и охватывают широкий спектр задач. Так, исходя из «Национальной энергетической стратегии» к 2030 г. планируется утроить долю возобновляемых источников энергии и инвестировать от 150 до 200 млрд дирхамов в ВИЭ. Обновленная «Стратегия 2050» представляет собой долгосрочную национальную программу, направленную на удовлетворение растущего спроса на энергию и сохранение природных ресурсов для будущих поколений. На первом этапе, который продлится до 2030 г., стратегия направлена на то, чтобы:

³ Official website of OPEC oil exporting countries // https://www.opec.org/opec_web/en/about_us/170.htm, дата обращения 18.01.2025.

⁴ Qatar to increase LNG production capacity by nearly 85% // <https://knowledge.energyinst.org/new-energy-world/article?id=138616>, дата обращения 22.01.2025.

⁵ Парижское соглашение ООН от 2015 г. // https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf, дата обращения 17.12.2024.

⁶ UAE Energy Strategy 2050 // <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/environment-and-energy/uae-energy-strategy-2050>, дата обращения 17.12.2024.

- сократить выбросы в водном и энергетическом секторах, чтобы к 2050 г. достичь нулевого уровня выбросов;
- исключить использование экологически чистого угля в энергетическом балансе, обеспечив лидерство страны и достигнув целей по климатической нейтральности к 2050 г.;

- утроить долю возобновляемых источников энергии к 2030 г. и т. д.

Вышеперечисленные стратегии придерживаются следующих задач:

- диверсификация источников энергии: уменьшение зависимости от ископаемых топлив и увеличение доли ВИЭ;
- увеличение энергоэффективности: оптимизация потребления энергии в различных секторах (транспорт, промышленность, строительство);
- развитие инфраструктуры;
- новые технологии: поддержка исследований и разработок в области новых технологий в энергетическом секторе;
- международное сотрудничество: укрепление и развитие связей с иностранными государствами, включая развитие проектов и обмен технологиями.

Финансовая составляющая придерживается государственным финансированием, привлечением частных инвесторов через государственные программы, международным сотрудничеством через привлечение зарубежных инвестиций и технологий.

К 2030 г. эмират Катар⁷, Королевство Саудовская Аравия (КСА)⁸ планируют активно использовать возобновляемые источники энергии для своих энергетических потребностей. Саудовская Аравия с «Видением 2030» ставит перед собой цели в области возобновляемой энергетики, включая создание крупнейшего в мире проекта по солнечной энергии⁹, *NEOM*⁹. Саудовская Аравия активно инвестирует в солнечные и ветровые проекты [Alnaser, Albuflasa, Alnaser, 2022]. Она создала специальный фонд *Saudi Public Investment Fund*, для поддержки проектов возобновляемой энергетики и новых технологий.

В свою очередь, Катар занимает более сдержанную позицию, чем Эр-Рияд, в области возобновляемых источников энергии. Основное внимание уделяется газовому сектору, так как страна является одним из ведущих про-

⁷ Qatar National Vision 2030 // <https://www.psa.gov.qa/en/qnv1/pages/default.aspx>, дата обращения 17.12.2024.

⁸ Saudi Vision 2030 // <https://www.vision2030.gov.sa/en>, дата обращения 17.12.2024.

⁹ Neom Saudi Vision 2030 // <https://www.vision2030.gov.sa/en/explore/projects/neom>, дата обращения 04.02.2025.

* Футуристический комплекс на северо-западе в Саудовской Аравии. Предполагается, что комплекс сможет полностью обеспечиваться возобновляемой энергией. Потребности города в электричестве должны удовлетворить солнечные панели, ветряные турбины, гидроэлектростанции и «зеленый» водород.

изводителей природного газа. Однако Катар все же признает необходимость перехода к устойчивым источникам энергии.

С подписанием Парижского соглашения об изменении климата страны Персидского залива стали разрабатывать свои национальные стратегии и планы. Большинство стран Залива, включая Саудовскую Аравию, ОАЭ и Катар, начали внедрять национальные стратегии по снижению выбросов углерода и адаптации к изменению климата [Alharbi, Csala, 2021]. Эти стратегии часто включали цели по увеличению доли возобновляемых источников энергии. Страны региона активно участвовали в ежегодных международных конференциях и форумах, таких как Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP), где обсуждали свои обязательства и достижения в борьбе с изменением климата. Также в ответ на растущие температуры и дефицит воды, особенно остро стоящие в таких странах, как Оман и Кувейт, начали разрабатываться проекты по улучшению управления водными ресурсами и адаптации к климатическим рискам. Регион также стал площадкой для проведения различных мероприятий и инициатив, направленных на устойчивое развитие и охрану окружающей среды, таких как «Экспо 2020» в Дубае и последующих мероприятий, которые были сосредоточены на устойчивом развитии.

Таким образом, страны Персидского залива до 2022 г. принимали меры для интеграции экологической устойчивости в свои экономические модели, стремясь сбалансировать свои экономические интересы с необходимостью борьбы с изменением климата [Miniaoui, 2023].

События февраля 2022 г., когда Россия начала проведение специальной военной операции (СВО), привело к повышению цен на энергоресурсы. Согласно первичным оценкам ОПЕК, цена «корзины ОПЕК» выросла в марте 2022 г. на 20,7%¹⁰ по сравнению с предыдущим месяцем и составила до 113,71 долл. за баррель. В то время как годовая цена «корзины ОПЕК», по оценкам, увеличится в 2022 г. на 38% по сравнению с 2021 г. и составит 96,44 долл./барр. Стоит отметить, что цена корзины ОПЕК увеличилась в феврале 2022 г. на 10,3%¹¹. Это объяснялось эскалацией геополитической напряженности в Восточной Европе и фундаментальными факторами, которые привели к нарастанию нестабильности на рынке сырой нефти.

Так, страны ССАГПЗ, осознавая зависимость от своих природных ресурсов, приступили к диверсификации экономического сектора, в

¹⁰ OPEC Monthly Oil Market Report March 2022 // https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/OPEC_MOMR_March-2022.pdf, дата обращения 12.02.2025.

¹¹ Monthly Report on Petroleum Developments in The World Markets March 2022 // <https://www.opec.org/Home/Publications/Reports/Monthly-Report-on-Petroleum-Developments--In-The-World-MarketsMar. E 2022.pdf>, дата обращения 12.02.2025.

том числе в соответствии с актуальной климатической повесткой. Они стали приверженцами *ESG*-подхода не только для диверсификации экономики, но и для повышения привлекательности для иностранных инвесторов. Так, конкурентоспособность «аравийской шестерки» говорит о высоком уровне экономик для внедрения «зеленой» повестки [Darwish, 2021]. В то же время, несмотря на различные попытки диверсифицировать экономику, страны Персидского залива по-прежнему сильно зависят от экспорта углеводородов, что делает их уязвимыми к колебаниям мировых энергетических рынков. Так, попытки диверсификации экономики стран Персидского залива является важной стратегией для уменьшения зависимости от нефтяного сектора и обеспечения устойчивого экономического роста. Такие страны, как ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия, активно развивают туристическую инфраструктуру. Открытие новых отелей, развлекательных комплексов и культурных объектов способствует привлечению туристов. ОАЭ активно ведут свободную экономическую зону, например *Dubai Silicon Oasis* (Дубайский силиконовый оазис)*.

В рамках диверсификации экономики ОАЭ и Бахрейн стали ключевыми финансовыми центрами на Ближнем Востоке, предоставляя услуги международного уровня и привлекая иностранные инвестиции, также страны Персидского залива основывают международные университеты и центры профессионального обучения с целью подготовки специалистов для новых отраслей. В конечном счете диверсификация привела к росту туристического сектора: ОАЭ смогли привлечь миллионы туристов, что значительно увеличило доходы от сферы услуг. Возросли финансовые услуги, так, развитие банковской системы и финансовых технологий также способствовало привлечению международных инвесторов и увеличению капиталовложений.

Несмотря на позитивные результаты диверсификации, большинство стран Персидского залива все еще сильно зависят от нефтяных доходов. Также сказывается нехватка квалифицированных местных специалистов в новых секторах экономики, вынуждая страны компенсировать это иностранной рабочей силой. Тем самым создаются проблемы для устойчивого развития и роста национальных экономик.

Таким образом, диверсификация экономики стран Персидского залива происходит достаточно сложно. Несмотря на достигнутые успехи, остаются значительные вызовы, требующие дальнейших усилий и инновационных подходов для полноценной диверсификации и уменьшения зависимости от нефтяного сектора.

* *Dubai Silicon Oasis* — это интегрированный технологический парк и зона свободной торговли в Дубае.

Климатический фактор

Страны Залива сталкиваются с последствиями изменения климата. Чтобы успешно осуществить переход к низкоуглеродному и устойчивому к изменению климата будущему, странам Персидского залива необходимо применять комплексный подход. Это предполагает работу над ключевыми областями декарбонизации, инвестиции в устойчивую к изменению климата инфраструктуру (инвестиции в «умные города»). Страны активно инвестируют в проекты по созданию «умных городов», таких как *NEOM* в КСА и *Masdar City** в ОАЭ, которые нацелены на устойчивое развитие и внедрение современных технологий, развитие сотрудничества между государственным и частным секторами. Так, страны Залива развивают туристическую инфраструктуру с участием частных инвесторов, также привлекают частные компании для строительства и управления инфраструктурными проектами, такими как дороги, мосты, порты и аэропорты. Страны Персидского залива должны ускорить внедрение энергетических технологий, а именно перейти к возобновляемым источникам энергии.

Транспортная инфраструктура давно заняла свою нишу, так, в странах Персидского залива наблюдается рост числа и модернизации аэропортов, что связано с увеличением туристического потока и бизнес-туризма. Например, аэропорты Дубая и Дохи значительно расширили свои мощности. Развитие железнодорожного транспорта, включая проект *GCC Rail***, который объединит к 2030 г. страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Регион добился успехов в этом отношении [*Прокопьев, 2023*], так, в КСА и ОАЭ стоимость солнечной и ветровой энергии стала коммерчески конкурентоспособной¹².

Одна из составных областей для декарбонизации — это транспорт. Чтобы сократить показатель, страны ССАГПЗ должны активно инвестировать в низкоуглеродную транспортную инфраструктуру, то есть перейти полностью на электромобили. Строительный сектор является третьим по значимости источником выбросов углекислого газа в странах Персидского залива.

¹² IRENA. Новые рынки энергетики: ССАГПЗ 2023 // https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf, <https://www.irena.org/Publications/2023/Dec/Renewable-energy-market-analysis-GCC-AR>, дата обращения 19.12.2024.

* Масдар — это экологически продвинутый город в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), расположенный в 17 км от Абу-Даби.

** Железная дорога Персидского залива, также известная как Железная дорога ССАГПЗ, является предлагаемой железнодорожной системой, которая соединит все шесть государств — членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в Восточной Аравии. Общая протяженность железнодорожной сети составит 2177 км.

Катар учредил специализированное агентство (*Global Carbon Council*), которое регулирует состояние окружающей среды. Так, перед чемпионатом мира по футболу 2022 г. в Катаре Агентство сделало анализ, исходя из предыдущих чемпионатов мира по футболу (ЮАР-2010, Бразилия-2014, Россия-2018) и Олимпийских игр (Лондон-2012, Рио-де-Жанейро-2016, Токио-2020). Исходя из источника¹³, значение выбросов явно контрастирует с чемпионатами мира, однако конкретные цифры не указаны. В свою очередь, в отчете *Carbon Market Watch** от мая 2022 г. «Плохое владение мячом: Желтая карточка за заявление об углеродной нейтральности чемпионата мира по футболу 2022 г.» (*Poor tackling: Yellow card for 2022 FIFA World Cup's carbon neutrality claim*) отмечалось, что строительство стадионов к Чемпионату мира по футболу в Катаре 2022 г. «приведет к выбросам 3,6 млн т CO_2 »¹⁴. Оценка выбросов во время крупных спортивных мероприятий — новая практика, и методологии могут различаться, но эта цифра выше, чем для любого прошедшего Чемпионата мира по футболу или Олимпийских игр.

Исходя из вышесказанного, увеличение выбросов углекислого газа на крупных спортивных мероприятиях требует внимания и анализа. Это подчеркивает важность устойчивого развития и внедрения экологически чистых технологий [Su, Chen, Xu, 2025].

Участие Бахрейна в «Формуле-1» привело к проведению исследований, связанных с выбросами, связанными с перемещением зрителей, строительством трасс и инфраструктуры. «Формула-1» обращает все больше внимания на глобальные вопросы экологического загрязнения. «Формула-1» перешла на более «чистое» топливо уже с 2022 г.: 10% смеси составил биоэтанол, получаемый через переработку биосырья (например, отходов сельского хозяйства и пищевой промышленности). Правда, это лишь первый шаг, а главная цель — нулевой уровень выбросов вредных веществ.

В создании нового продукта «Формуле-1» помогает не только *Saudi Aramco*, но и несколько топливных компаний. В целом, страны Персидского залива начинают акцентировать внимание на экологических оценках, хотя степень анализа может варьироваться в зависимости от уровня международного внимания к событию и готовности страны к внедрению устойчивых практик.

¹³ Qatar's World Cup will emit more CO2 than any recent sporting event 1 December 2022 // <https://www.economist.com/graphic-detail/2022/12/01/qatars-world-cup-will-emit-more-co2-than-any-recent-sporting-event>, дата обращения 20.12.2024.

¹⁴ Carbon Market Watch Poor tackling: Yellow card for 2022 FIFA World Cup's carbon neutrality claim // https://carbonmarketwatch.org/wp-content/uploads/2022/05/Poor-tackling_-Yellow-card-for-2022-FIFA-1.pdf P.3, дата обращения 20.12.2024.

* *Carbon Market Watch* — независимая некоммерческая организация, которая мониторит рынки углерода и выступает за справедливую и эффективную защиту климата.

Значение водных ресурсов

Инвестиции в устойчивую инфраструктуру являются одним из ключевых принципов в политике стран Залива. В первую очередь они направляются на модернизацию систем управления водными ресурсами, чтобы справиться с растущим дефицитом воды [Elgendy, 2024]. В последние годы регион Персидского залива уже столкнулся с изменением климата. Это проявляется в следующем:

- повышение температуры (средние температуры в регионе увеличиваются, это особенно сказывается на лете, когда температуры могут достигать экстремальных уровней);
- увеличение уровня моря (прибрежные районы Персидского залива подвергаются риску затопления из-за повышения уровня моря, вызванного таянием ледников и расширением воды при нагревании);
- изменение климата может способствовать увеличению числа песчаных бурь, что негативно сказывается на здоровье населения и влияет на транспортировку и сельское хозяйство и т. д.

К 2050 г. регион может пострадать, так как уровень моря повысится на 0,23 м, если исходить из прогнозов различных климатических моделей [Irani, Naderi, Bavani, Hassanzadeh, Moftakhari, 2024]. Значения экстремальной высоты волн оцениваются в диапазоне от 0,19 до 0,66 м, а высота штормовых волн — от 0,4 до 1,44 м на исследуемой береговой линии. В совокупности это приводит к прогнозируемому экстремальному повышению уровня моря вдоль береговой линии на 3,18–3,90 м выше текущего уровня моря. Такое значительное повышение уровня моря может привести к затоплению примерно 513 кв. км низменных прибрежных территорий, что составит около 16% исследуемой области и может представлять серьезную угрозу для людей и их имущества в этом регионе. Инвестиции в страны ССАГПЗ могут исчисляться сотнями миллиардов долларов для перехода к устойчивой инфраструктуре. Это также может помочь снизить эти риски и создать новые экономические возможности для стран ССАГПЗ. Так как мировые фондовые рынки и частные инвесторы все более заинтересованы в проектировании «зеленой» инфраструктуры, что создает возможные потоки инвестиций.

Более того, в 2022 г. арабские государства приняли активное участие в саммите COP – 27 по климату в Шарм-эш-Шейхе (Египет), а в 2023 г. — в саммите COP – 28 в ОАЭ¹⁵, где после долгих переговоров был принят итоговый документ. Наряду с этим был достигнут прогресс и по другим направлениям, а также признавалась необходимость постепенного отказа от энергии, полу-

¹⁵ COP – 28 UAE The UAE Consensus Negotiations Outcome. Key negotiated outcomes // <https://www.cop28.com/en/the-uae-consensus-negotiations-outcome>, дата обращения 20.12.2024.

чаемой из ископаемого топлива. К 2030 г. большинство стран Персидского залива поставили цель достичь нулевого уровня выбросов для достижения углеродной нейтральности, а также конкретные шаги для увеличения доли возобновляемых источников энергии, повышения энергоэффективности и развития технологий захвата углерода.

Немаловажным является то, что *СОР-28* призывает к постепенному отказу от использования нефти в энергетических системах¹⁶. Однако процесс перехода должен осуществляться без ущерба для производителей углеводородов. Страны Залива готовы обеспечивать потребителей углеводородами, так как, например, ЕС стремится к независимости от российских поставок. В сложившихся реалиях большинство стран ССАГПЗ заявляют не только о необходимости увеличения доли энергии, вырабатываемой из возобновляемых источников, но и о создании особой формы экономики замкнутого цикла в Персидском заливе, которая все еще может быть построена на основе углеводородных богатств региона. Наряду с этими планами страны ССАГПЗ также разрабатывают стратегию, чтобы стать ведущими мировыми производителями водорода.

Развитие энергетического сектора стран ССАГПЗ

Оман планирует увеличить свои мощности по производству электроэнергии за счет инвестиций в независимые энергетические проекты на основе возобновляемых источников энергии, ставя перед собой цель обеспечить 30% потребностей в электроэнергии за счет возобновляемых источников. Так, среди них – проект ветряной электростанции в Дхофаре, 11 солнечных и дизельных гибридных установок, а также две солнечные электростанции в Манахе. Кроме того, в Дхофаре реализуется инициатива «Сахим», что предусматривает установку небольших солнечных панелей на жилые комплексы и коммерческие здания. Эти меры реализуются в соответствии с программой «Видение Омана 2040»¹⁷ (программа начала действовать с 1 января 2020 г.). Это стратегический документ, который определяет основные цели и приоритеты развития государства до 2040 г. Основное содержание «Видения» охватывает несколько составляющих:

- экономическое развитие: Султанат Оман стремится к диверсификации своей экономики, снижая зависимость от нефти и газа;

¹⁶ Итоги 28-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата / РСМД // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/itogi-28-y-konferentsii-ramochnoy-konventsii-onn-ob-izmenenii-klimata/?sphrase_id=177083365, дата обращения 12.02.2025.

¹⁷ Vision Oman 2040 // <https://andp.unescwa.org/sites/default/files/2020-10/Vision%20Oman%202040.pdf>, дата обращения 17.12.2024.

- социальное развитие: упор делается на улучшение качества жизни граждан, включая доступ к образованию и здравоохранению;
- устойчивое развитие и экология: Стратегия подчеркивает важность защиты окружающей среды и устойчивого использования природных ресурсов. Разрабатываются инициативы по устойчивому развитию городской инфраструктуры, защите биоразнообразия, управлению водными ресурсами и повышению энергоэффективности.

Бахрейн добывает около 2 млн куб. м газа в день¹⁸, который используется для выработки электроэнергии, питания нефтеперерабатывающих заводов и промышленности. Так, наряду с внедрением возобновляемых источников энергии Бахрейн ищет пути сокращения внутреннего потребления энергии. Национальный план действий по энергоэффективности нацелен на все секторы экономики, чтобы в 2025 г. достичь показателя энергоэффективности в 6%¹⁹. Солнечная (94%) и ветряная (6%) энергии в основном составляют рынок возобновляемых источников Бахрейна. Хотя Бахрейн полностью зависит от природного газа для производства электроэнергии, страна планирует инвестировать средства в возобновляемые источники энергии.

Страна также продвигает технологии возобновляемых источников энергии и политику энергоэффективности, поддерживая свои долгосрочные планы по защите климата и окружающей среды, активно внедряет инфраструктуру для зарядки электромобилей и постепенно переходит на стандарты выбросов Евро-6* для легковых автомобилей. В соответствии с планом «Экономическое видение 2030»²⁰ (она была провозглашена в октябре 2008 г. королем Хамадом бен Исой Аль-Халифом) главной целью является переход от экономики, основанной на нефтяных доходах, к продуктивной, глобально конкурентоспособной экономике, формируемой правительством и управляемой новаторским частным сектором. Бахрейн реализует программы по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности. Сокращение выбросов углекислого газа, защита окружающей среды, развитие устойчивой энергетики и минимизация загрязнения — вот некоторые из целей «Видения 2030» Бахрейна. Наряду с внедрением возобновляемых источников энергии страна ищет пути сокращения внутреннего потребления энергии.

¹⁸ GCC Energy and Power Industry 2024 // <https://www.grc.net/documents/660d21cd34a82GCCEnergyandPowerIndustryOutlook2.pdf> P.12., дата обращения 18.12.2024.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Bahrain Economic Vision 2030 // <https://www.mofne.gov.bh/media/rgkdztkg/visionplus2030plusenglishplus-lowplusresolution.pdf>, дата обращения 18.12.2024.

* Евро-6 — экологический стандарт, регулирующий содержание вредных веществ в выхлопных газах.

По данным ОПЕК, **Кувейт** обладает седьмым по величине запасами нефти в мире. Это примерно 101,50 млрд баррелей²¹. Кроме того, национальная нефтяная компания Кувейта *Kuwait Petroleum Corporation* вместе со своими дочерними предприятиями регулирует все производственные объекты в стране. Так, в соответствии с документом «Видение 2035» (данный документ был выпущен в 2017 г.) страна рассчитывает:

- диверсифицировать экономику: снизить зависимость от нефтяных доходов и развивать другие сектора экономики, такие как туризм, финансы, коммуникационные технологии;
- осуществлять социальное развитие, сделав упор на улучшение условий граждан, включая образование, здравоохранение, жилье и социальные услуги;
- направлять инвестиции в инфраструктуру: в развитие транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры для поддержки экономического роста и улучшения качества жизни;
- добиваться экологической устойчивости: поддерживать охрану окружающей среды и эффективное использование ресурсов.

Однако из-за отсутствия инфраструктуры и нехватки топлива сектор производства энергии не сможет полностью справиться с этой нагрузкой. Поэтому Кувейт диверсифицирует свой энергетический баланс, уделяя больше внимания природному газу, солнечной и ветровой энергии и ставя перед собой цель увеличить долю возобновляемых источников энергии.

Катар — один из крупнейших экспортеров сжиженного природного газа (СПГ). На нефть и природный газ приходится почти все общее потребление первичной энергии в Катаре, а возобновляемые источники энергии составляют лишь небольшую часть общего потребления первичной энергии. Стратегия устойчивого развития компании *Qatar Energy* ориентируется на программе «Национальное видение Катара 2030» (принята в октябре 2008 г.). Основное содержание «Национального видения Катара 2030» включает четыре ключевых аспекта:

- экономическое развитие: стремление к разнообразию экономики, снижение зависимости от углеводородов и развитие сектора частного бизнеса, а также создание условий для инноваций и привлечения иностранных инвестиций;
- социальное развитие: поддержка высоких стандартов жизни, развитие образовательной системы, здравоохранения и социальной инфраструктуры;
- экологическое развитие: принципы устойчивого развития, охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Стратегия включает меры по борьбе с изменением климата и улучшению качества воды и воздуха;

²¹ The World's Largest Oil reserves by Country in 2024 // <https://www.worldatlas.com/industries/the-world-s-largest-oil-reserves-by-country.html>, дата обращения 12.02.2025.

- культурное развитие: поддержка национальной идентичности. Стремление к развитию культуры, образования и межкультурного диалога с другими народами.

В рамках Парижского соглашения 2016 г. **Королевство Саудовская Аравия (КСА)** работает над ограничением глобального потепления и устранением негативных последствий изменения климата. Для достижения этих целей необходимы дальнейшие действия по сокращению выбросов парниковых газов, таких как углекислый газ и метан. Научный сотрудник Вашингтонского института Ноам Райден утверждает²², что для достижения этой цели и решения проблемы климатического кризиса странам необходимо прекратить новые инвестиции в нефть, газ и уголь. Тем не менее Саудовская Аравия, один из крупнейших в мире производителей нефти, уступающий США, считает, что процесс перехода должен охватывать все виды энергии, включая ископаемое топливо²³.

Энергетический переход КСА состоит из трех составляющих: повышение энергоэффективности, изменение энергетического баланса и управление выбросами. Цель состоит в том, чтобы перейти от экспорта нефти к экспорту всех видов энергии. Новые виды экспорта могут включать экологически чистый водород, производимый с использованием возобновляемых источников энергии, а также ископаемое топливо в сочетании с технологией для сокращения выбросов.

Национальная нефтяная компания КСА *Saudi Aramco* регламентирует замену традиционного вида топлива на низкоуглеродные, многие из которых основаны на водороде. Он стал эффективным энергоносителем, поскольку позволяет избежать выбросов парниковых газов. Так, *Aramco* предполагает развитие производства водорода, который получают из природного газа в процессе, предотвращающем попадание образующегося углерода в атмосферу²⁴. Также компания активно внедряет использование голубого аммиака ($NH_3 + CO_2$) — соединения азота с водородом и диоксида углерода, которое может в перспективе заменить энергетические потребности надежным, доступным и экологичным способом.

²² Noam Raydan Gulf Energy Transition: Assessing Saudi and Emirati Goals / The Washington institute // <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/gulf-energy-transition-assessing-saudi-and-emirati-goals>, дата обращения 15.02.2025.

²³ Будущее энергетики. Видение Саудовской Аравии устойчивой эволюции энергетики / Центр стратегических оценок и прогнозов // <https://csef.ru/politica-i-geopolitica/326/budushhee-energetiki-videnie-saudovskoj-aravii-ustojchivoj-evolyuczii-energetiki-9653>, дата обращения 15.02.2025.

²⁴ Heading for hydrogen and a lower-carbon future / Saudi Aramco // <https://www.aramco.com/en/news-media/elements-magazine/2024/heading-for-hydrogen-and-a-lower-carbon-future>, дата обращения 15.02.2025.

Объединенные Арабские Эмираты продолжают занимать лидирующие позиции в переходе к низкоуглеродной экономике [Ibrahim, Binofai, Mohamad, 2022]. Несмотря на глобальные экономические вызовы, такие как пандемия *COVID-19*, страна остается одним из самых привлекательных мест для иностранных инвестиций в регионе. За последние годы страна приняла новые законы, упрощающие процесс получения виз и разрешений для иностранцев, а также предоставила возможность 100% владения иностранным бизнесом. Так, в ближайшие годы ожидается, что правительство продолжит работу над диверсификацией экономики, снижая зависимость от нефтяного сектора. Развитие секторов, таких как технологии, возобновляемая энергия и туризм, станет приоритетом. Проведение Всемирной выставки *Expo 2020* в Дубае является катализатором для притока туристов и инвестиций, что положительно сказывается на экономике страны. Кроме того, ОАЭ планируют пересмотреть свою энергетическую стратегию. Одной из основных причин для пересмотра является стремление ОАЭ сократить зависимость от углеводородов, которые традиционно были основным источником энергии в стране. Основными проблемами для страны остаются:

- зависимость от нефти и газа: несмотря на богатые запасы углеводородов, ОАЭ понимают, что такая зависимость неустойчива в долгосрочной перспективе, особенно с учетом глобальной тенденции к декарбонизации;
- изменение климата: в условиях глобального потепления многие страны, включая ОАЭ, сталкиваются с необходимостью решать вопросы экологии и устойчивого развития;
- изменяющиеся рынки энергетики: глобальные рынки энергии активно изменяются, и многие страны переходят на возобновляемые источники. ОАЭ стремятся быть конкурентоспособными на этих рынках, что требует адаптации своей энергетической стратегии, с тем чтобы сфокусировать внимание на зеленом водороде и солнечной энергии в течение следующего десятилетия.

В связи с вышеизложенным, ОАЭ планируют активнее развивать проекты в области возобновляемой энергетики, увеличивать инвестиции в новые технологии и стремиться к достижениям в области устойчивого развития. Немаловажным фактом является то, что правительство ОАЭ активно ведет свою ядерную программу по энергетике. Ядерная энергетика также играет составляющую роль в переходе ОАЭ к «зеленой» экономике. В 2020 г. первый энергоблок атомной электростанции «Барака» начал вырабатывать электроэнергию, 4-й энергоблок был подключен к сети в марте 2024 г. Таким образом, «Барака» вырабатывает до 25% электроэнергии в стране²⁵.

²⁵ Первая атомная электростанция в ОАЭ и планы по ее выводу из эксплуатации в будущем // МАГАТЭ 2023. // https://www.iaea.org/sites/default/files/6412829ru_0.pdf#:~:text=Пер-

Поскольку действующий реактор — единственный в ОАЭ, правительство рассматривает возможность строительства второй электростанции. Так, постоянный представитель ОАЭ при МАГАТЭ Хамад аль-Кааби заявил, что правительство ОАЭ не приняло окончательного решения, но активно изучает этот вопрос, так как в ближайшие 10 лет потребление электроэнергии в стране значительно возрастет за счет роста населения и увеличения промышленных мощностей²⁶. Стоит отметить, что ОАЭ являются партнером США в сфере безопасности и еще в 2009 г., было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в области ядерной энергетики. По заявлению правительства, ядерная программа носит исключительно мирный характер и предназначена для получения энергии, чтобы снизить зависимость от нефти.

Заключение

В феврале 2024 г. в ходе международного энергетического форума в Индии генеральный секретарь ОПЕК Хайсам Аль-Гайс заявил, что энергетический переход имеет большое значение. По его словам, для перехода в следующие 20 лет необходимы сотни миллиардов долларов инвестиций²⁷. Программа по энергопереходу ОПЕК и ратифицированное всеми странами ССАГПЗ в 2019 г. Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата регламентирует, что каждая страна должна сосредоточиться на сокращении выбросов в окружающую среду. В 2023 г. ОПЕК опубликовала доклад *World Oil Outlook 2045*²⁸. Согласно прогнозу данного документа, за исключением угля, спрос на все виды топлива будет расти в течение прогнозируемого периода. Наибольший рост ожидается в сфере других возобновляемых источников энергии, где абсолютный рост составит почти 43 млн баррелей в сутки, увеличившись с 9,6 млн баррелей в сутки в 2023 г. до 52,4 млн баррелей в сутки в 2050 г.²⁹ Второй по величине прирост ожидался в сфере добычи природного газа — к 2050 г. Также прогнозировался рост доли ядерной энергии. Предполагалось, что нефть и газ останутся важнейшими источниками энергии до 2050 г.

вая%20в%20ОАЭ%20и%20в,более%20полумиллиона%20домохозяйств%20в%20ОАЭ, дата обращения 21.12.2024.

²⁶ В ОАЭ рассматривается вопрос о строительстве второй АЭС / Атомная энергия // <https://www.atomic-energy.ru/news/2024/07/19/147792>, дата обращения 15.02.2025.

²⁷ Генсек ОПЕК заявил о необходимости инвестиций сотен миллиардов долларов в энергопереход // <https://tass.ru/ekonomika/19922579>, дата обращения 15.02.2025.

²⁸ *World Oil Outlook 2045* // https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/WOO_2023.pdf, дата обращения 15.02.2025.

²⁹ Доклад ОПЕК “World Oil Outlook 2045” 2023 // <https://publications.opec.org/woo/chapter/129/2355>, дата обращения 22.12.2024.

Соответственно, ССАГПЗ, перейдя к низкоуглеродной экономике, смогут построить диверсифицированную и устойчивую экономическую модель. Страны региона смогут создавать новые отрасли и рабочие места, привлекать иностранных специалистов и инвестиции. Большинство международных компаний все больше внимания уделяют устойчивому развитию и ищут возможности для инвестирования в проекты с низким уровнем выбросов углерода. Переход к низкоуглеродной экономике даст странам ССАГПЗ возможность взять на себя ведущую роль в глобальной борьбе с изменением климата, что может усилить геополитическое влияние государств Залива.

Список литературы (References)

Прокопьев П. С., 2023. О перспективах энергетической политики арабских государств Персидского залива. // Вестник университета. № 3. С. 127–134. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-3-127-134>.

Prokopyev P. S., 2023. On the prospects of the energy policy of the Arab States of the Persian Gulf. // University Bulletin. No. 3. pp. 127–134. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-3-127-134>. (In Russ.)

Alharbi F. R., Csala D., 2021. Gulf Cooperation Council Countries' Climate Change Mitigation Challenges and Exploration of Solar and Wind Energy Resource Potential. // Applied Sciences. Vol. 11. № 6. P. 2648. <https://doi.org/10.3390/app11062648>.

Alnaser N. W., Albuflasa H. M., Alnaser W. E., 2022. The Transition in Solar and Wind Energy Use in Gulf Cooperation Council Countries (GCCC). // Renewable Energy and Environmental Sustainability. № 7. P. 4. <https://doi.org/10.1051/rees/2021034>.

Al-Sarihi A., Mansouri N., 2022. Renewable Energy Development in the Gulf Cooperation Council Countries: Status, Barriers, and Policy Options // Energies. MDPI. № 15. P. 1–16.

Darwish S., 2021. Climate change: Economic impacts on the Arab gulf cooperation council. // Journal of Management Information and Decision Sciences. Vol. 24. № 6. P. 1–10.

Ibrahim M. D., Binofai F. A. S., Mohamad M. O. A., 2022. Transition to Low-Carbon Hydrogen Energy System in the UAE: Sector Efficiency and Hydrogen Energy Production Efficiency Analysis. // Energies 2022. № 15. P. 6663. <https://doi.org/10.3390/en15186663>.

Elgendy K., 2024. Bracing for the Sandstorm: The Gulf Energy Transition Imperative // Arab Center Washington DC. // <https://arabcenterdc.org/resource/bracing-for-the-sandstorm-the-gulf-energy-transition-imperative/>, дата обращения: 15.02.2025.

Irani M., Naderi M., Bavani A., Hassanzadeh E., Moftakhari H., 2024. A framework for coastal flood hazard assessment under sea level rise: Application to the Persian Gulf //

Journal of Environmental Management. Volume 349. 119502. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.119502>.

Miniaoui H., 2023. Climate Change in the Middle East and North Africa: Between the repercussions of a lived reality and opportunities for a brighter future. // ERF Policy Brief. № 109.

Sanfilippo A., Vermeersch M., Bermudez Benito V., 2024. Energy transition strategies in the Gulf Cooperation Council countries // Energy Strategy. № 55. P. 101512. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2024.101512>.

Su X-Z., Chen L., Xu X. L., 2025. Carbon emission and energy risk management in mega sporting events: challenges, strategies, and pathways. Front. Environ. Sci. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2024.1513365>.

Sergey S. ZHILTSOV, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

Address: 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russian Federation

E-mail: serg.serg56@mail.ru

SPIN-code: 4297-7880

ORCID: 0000-0002-4898-2627

Kamilla T. KHEZZEKOVA, Expert, Peoples' Friendship University of Russia Named After Patrice Lumumba

Address: bld. 6, Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

E-mail: Khezzekova@mail.ru.

ORCID: 0009-0000-6865-1203

ENERGY TRANSITION OF THE GULF COUNTRIES

DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_85

Received: 21.04.2025

For citation: Zhiltsov S. S., Khezzekova K. T., 2025. Energy Transition of The Gulf Countries. – *Geoeconomics of Energetics*. № 3 (31). P. 85–103. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_85

Keywords: Persian Gulf, Energy transition, Kingdom of Bahrain, Kuwait, Kingdom of Saudi Arabia, United Arab Emirates, Qatar, Sultanate of Oman

Abstract

The article examines the problem of energy transition of the Persian Gulf countries. This task is of particular importance for the countries of the region, as the Gulf states depend on the extraction and export of hydrocarbon resources. At the same time, the countries of the region have different energy transition strategies. An analysis of the current situation shows that some states, such as the Kingdom of Saudi Arabia and the United Arab Emirates (UAE), are betting on wind and solar power. Other countries, such as the Sultanate of Oman, the Kingdom of Bahrain, and Kuwait, are beginning to adopt renewable energy sources (RES), but on a smaller scale compared to the aforementioned countries. Qatar, for its part, is focused on continuing to develop liquefied natural gas (LNG), but it is also beginning to consider projects for investment in RES. The article identifies the common approaches of the Gulf countries to the energy transition process and also highlights the specific characteristics of each state. In general, the implementation of the energy transition faces a number of challenges, including dependence on oil and gas (as they remain economically viable for consumers and exporting countries), a number of technological difficulties (i.e. the development and deployment of new technologies for RES extraction and utilization may face a lack of necessary infrastructure), lack of investment, etc. For states such as KSA (despite its extensive financial resources,

it faces risks related to covering the costs of RES), Bahrain and Kuwait, energy transition poses certain risks for economic development, as it requires additional financing. At the same time, countries such as the United Arab Emirates, Qatar and, at the same time, KSA expect to receive significant benefits from the realization of the energy transition, as it will lead to economic diversification and open up additional opportunities.

Олег ПЯСТОЛОВ
Давид РАШИДЯН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КООПЕРАЦИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ

Дата поступления в редакцию: 30.09.2025.

Для цитирования: Пястолов О. А., Рашидян Д. Р., 2025. Международный опыт применения кооперации в интеграционных проектах. – Геоэкономика энергетики. № 3 (31). С. 104–123. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_104

В статье проведено многоаспектное исследование эволюции потребительской кооперации как значимого социально-экономического института, прошедшего путь от советской плановой системы до современной рыночной модели. Особое внимание уделено анализу правовых основ и экономических механизмов функционирования кооперативов в различные исторические периоды, включая детальное рассмотрение трансформации их роли в условиях изменения общественно-экономической парадигмы.

На основе сравнительного анализа советского и постсоветского опыта раскрывается значительный потенциал потребительской кооперации как действенного инструмента развития международного экономического сотрудничества в рамках таких интеграционных объединений, как ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Исследование демонстрирует, что адаптированные к современным

ПЯСТОЛОВ Олег Александрович, кандидат экономических наук, доцент, факультет менеджмента и инноватики, Институт управления, РАНХиГС. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119571, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 4. E-mail: pyastolov-oa@ranepa.ru. ORCID: 0000-0002-6284-8731. SPIN-код: 6733-9690

РАШИДЯН Давид Романович, магистрант, факультет финансов, Институт управления, РАНХиГС. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119571, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 4. E-mail: david.rashidyan2003@mail.ru. ORCID: 0009-0003-4492-4053. SPIN-код: 8888-7003

Ключевые слова: потребительская кооперация, устойчивое развитие, экономическая интеграция, продовольственная безопасность, кооперативная модель, ресурсный потенциал, международное экономическое партнерство, государственная поддержка кооперации.

реалиям принципы кооперации способны обеспечить эффективное взаимодействие между странами-участницами этих объединений.

В работе предложены конкретные механизмы и организационно-правовые формы интеграции потребительской кооперации в систему международных экономических связей, включая разработку совместных программ развития и создание координирующих органов. Особый акцент сделан на необходимости учета исторического опыта СССР при формировании перспективных направлений кооперативного сотрудничества, что позволяет оптимально сочетать проверенные временем подходы с современными требованиями глобальной экономики.

Практическая значимость исследования заключается в разработке комплексных рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы и созданию эффективных финансово-экономических механизмов поддержки кооперации, направленных на укрепление ее позиций в системе международного экономического партнерства и обеспечение устойчивого развития кооперативного сектора в долгосрочной перспективе.

Введение

В условиях формирования многополярного мирового порядка потребительская кооперация приобретает особое значение как действенный инструмент международной экономической интеграции. Она создает прочную основу для развития многоформатного сотрудничества в рамках ЕАЭС, ШОС, СНГ и БРИКС, способствуя формированию устойчивых производственно-сбытовых цепочек и решению задач продовольственной безопасности. Адаптация исторического опыта кооперативного движения к современным реалиям открывает новые перспективы для укрепления межгосударственного партнерства и достижения целей устойчивого развития.

Международный опыт развития потребительской кооперации в XXI веке

Для оценки релевантного международного опыта развития потребительской кооперации целесообразно сосредоточиться на ключевых тенденциях и наиболее успешных практиках XXI в. Знаковым событием, задающим современный глобальный вектор, стала Глобальная кооперативная конференция Международного кооперативного альянса (ICA) в 2024 г. в Нью-Дели. Более 3000 участников подтвердили роль кооперативов как критически важных партнеров в достижении Целей устойчивого развития ООН, что было закреплено в инициативе провозглашения 2025 г. Международным годом кооперативов. Все сообщество заинтересовано в развитии кооперативных моделей, демонстрирующих высокую эффективность в решении проблем социального неравенства, обеспечения продовольственной безопасности и адаптации к изменению климата.

Таблица 1

Крупнейшие кооперативы в оптовой и розничной торговле

Рейтинг	Организация	Страна	Оборот млрд долл.	Количество сотрудников, тыс. чел.
1	<i>REWE Group</i>	Германия	82,03	257,996
2	<i>ACDLEC Leclerc</i>	Франция	60,56	138,000
3	<i>Edeka Zentrale</i>	Германия	51,97	83,534
4	<i>Coop Swiss</i>	Швейцария	34,88	95,420
5	<i>Migros</i>	Швейцария	31,66	97,541
6	<i>Système U</i>	Франция	27,17	3,030
7	<i>Conad</i>	Италия	20,11	72,636
8	<i>Coop Italia</i>	Италия	16,91	55,592
9	<i>Co-operative Group Limited</i>	Великобритания	15,34	6,644
10	<i>John Lewis Partnership PLC</i>	Великобритания	14,85	80,900

Источник: *World Cooperative Monitor, 2022*

Подавляющее большинство лидеров рейтинга — компании из Германии, Франции, Швейцарии и Италии. Это свидетельствует о глубокой интеграции кооперативов в экономику этих стран и их способности успешно конкурировать с транснациональными корпорациями.

Швейцарская модель (*Coop Swiss, Migros*): Уникальная система, где две крупнейшие кооперативные сети доминируют на национальном рынке, сочетая высокое качество товаров, развитие собственных брендов и активную социальную политику. Их опыт важен с точки зрения построения национальной кооперативной системы, способной к саморегулированию и доминированию.

Французская модель (*Leclerc, Système U*): Кооперативы, объединяющие независимых розничных торговцев (в 2025 г. входят порядка 1804 магазинов). Это позволяет малым предприятиям сохранять индивидуальность, конкурируя с сетевыми гигантами за счет эффекта масштаба в закупках, логистике и маркетинге. Данная практика может быть полезна для интеграции малого бизнеса в России.

Итальянская модель (*Conad, Coop Italia*): Яркий пример «кооператива кооперативов», где региональные кооперативы объединяются в национальную структуру. Это обеспечивает синергию, стандартизацию и мощные рыночные позиции при сохранении гибкости и связи с местными сообществами.

Обороты ведущих кооперативов измеряются десятками миллиардов долларов. Например, немецкий кооператив *REWE Group* с оборотом свыше 82

млрд долл. сопоставим по масштабам с крупнейшими российскими частными *retail*-холдингами: *X5*, Магнит, *Mercury Retail Group*, Лента и т.д.

Есть также Международная организация промышленных и сервисных кооперативов (*CICOPA*) — глобальный альянс производственных и сервисных кооперативов, входящий в структуру Международного кооперативного альянса (*ICA*). На конец 2023 г. его европейское отделение *CECOP* объединяло около 43 000 кооперативов с совокупным годовым оборотом порядка 60 млрд евро. Большинство из них — рабочие кооперативы (72%), действующие преимущественно в сфере услуг (73%), промышленности (14%) и строительства (12%). [*CECOP new report...*, 2024].

Согласно данным Международной организации промышленных и сервисных кооперативов (*CICOPA*), кооперативы обеспечивают около 9.5% глобальной занятости. Их ключевое преимущество — создание стабильных рабочих мест с высокой степенью экономической демократии: в Европе (*CECOP*) 72% работников являются членами кооперативов, а 85% контрактов носят долгосрочный характер.

Успешным примером адаптации в Азиатско-Тихоокеанском регионе является вьетнамский потребительский кооператив *Saigon Coop* (Вьетнам). Несмотря на вызовы перехода к рыночной экономике, он стал лидером розничной торговли благодаря эффективным стратегиям в управлении, маркетинге и логистике. Являясь крупнейшим ретейлером страны, кооператив управляет сетью из 350 супермаркетов и 2000 партнерских точек, обеспечивая занятость 35 тыс. сотрудников. Его опыт доказывает жизнеспособность кооперативной модели в условиях современной конкуренции при наличии государственной и потребительской поддержки. Особого внимания заслуживает экологическая политика кооператива. *Saigon Coop* стал пионером в создании кооперативов «зеленого стандарта», внедряя практики устойчивого потребления и охраны окружающей среды. В июне 2025 г. сети супермаркетов *Co.opmart* и *Co.op Food* были удостоены награды города Хошимин за достижения в области экологии¹.

Если перейти к анализу взаимодействия России в рамках разных региональных организаций и неформальных объединений показал, что прямые связи развиты слабо с АТР. Отсутствуют масштабные совместные проекты или интеграция российского Центросоюза с лидерами региона, например, японскими *JCCU* или китайским *Green&Health*. Возможным вектором развития может стать экспорт продуктов из региональных, в частности, дальневосточных потребительских союзов, которые могли бы стать логистическими хабами для поставок различных продуктов, формируя россий-

¹ Vietnam.vn. Saigon Co.op: образцовый кооператив в сфере современной розничной торговли // <https://www.vietnam.vn/ru/saigon-co-op-htx-kieu-mau-trong-ban-le-hien-dai/>, дата обращения 17.09.2025.

ско-азиатские ЭПЗ (экспортно-промышленных зон). В рамках формирования ОРЦ (оптово-распределительные центры) обмен опытом и систем контроля качества продукции будет крайне актуальным для модернизации российской кооперативной логистики.

С союзными государствами, состоящими в БРИКС, необходимо взаимодействовать — главными направлениями могут быть Бразилия и Индия, чье кооперативное движение сосредоточено на агропромышленном комплексе, с доминантой в животноводстве. Сельское хозяйство является ключевой статьей доходов в обеих странах, что свидетельствует об острой необходимости дальнейшего укрепления связей для перенимания передовых практик. Индийская модель кооперации отражена молочным брендом *Amul*, который принадлежит *GCMMF* (Гуджаратской федерации кооперативного маркетинга молока). *Amul* стал результатом дальновидных решений и срочных преобразований, как говорил Ганди: «Душа Индии живет в ее деревнях», что стало отправной точкой реформ в сельской местности, которые объединили миллионы фермерских хозяйств. Бразилия, помимо пресловутого экспорта кофе и мяса, кооперативным движением занята в переработке отходов.

В рамках ЕАЭС сотрудничество между российским Центросоюзом и белорусским Белкоопсоюзом обладает значительным потенциалом. Географическая близость и унифицированная законодательная база союза создают естественные преимущества для интеграции. Это формирует готовый «кооперативный мост» для налаживания взаимных экспортно-импортных операций, позволяя белорусским товарам выходить на российскую региональную сеть и наоборот. В 2023 г. был подписан соответствующий акт о подготовке специалистов в рамках реализации сетевых программ, выполнение совместных научно-исследовательских работ и научных публикаций, развитие научно-технического сотрудничества².

Ключевыми сдерживающими факторами международной кооперативной интеграции России выступают внутренняя организационная разобщенность сектора, отсутствие развитой нормативной базы для межгосударственного взаимодействия и недостаток системных инициатив на площадках БРИКС и ШОС. В отличие от высокоинтегрированных систем, таких как индийский кооператив *Amul* или белорусский Белкоопсоюз, российский Центросоюз, несмотря на свой национальный статус, не обладает сопоставимым уровнем консолидации ресурсов и рыночного влияния (в особенности влияние на благосостояние граждан). Относительная слабость вертикали управления и координации между региональными звеньями ограничивает конкурентные позиции российской потребительской коопе-

² Сила кооперации в единстве: Центросоюз России и Белкоопсоюз — две родственные системы // <https://rus.coop/ru/articles/sila-kooperatsii-v-edinstve-tsentsrosoyuz-rossii-i-belkoopsoyuz-dve-rodstvennye-sistemy/>, дата обращения 25.09.2025.

рации в целом [Ткач, Нечитайлова, 2023]. Несмотря на это, РФ обладает значительным ресурсным и транзитным потенциалом, реализация которого требует целенаправленной государственной политики. Первоочередными мерами должны стать консолидация внутреннего кооперативного сектора, учреждение профильных рабочих групп в рамках БРИКС, ШОС и ЕАЭС, а также запуск пилотных проектов с ключевыми партнерами — например, создание логистических хабов с Китаем или внедрение индийских технологий кооперативной организации аграрного сектора.

Эволюция системы хозяйствования потребительской кооперации в последние десятилетия существования СССР и в новой России

Истоки системных проблем для оптимизации и повышения эффективности российской системы кооперации берут свое начало в советском прошлом.

В конце восьмидесятых годов XX в., как один из результатов перестройки советской системы хозяйствования был принят Закон СССР № 8998-ХІ от 26 мая 1988 г. «О кооперации» [Закон СССР № 8998-ХІ, 1988] регулирующий частный бизнес, как отрасль народного хозяйства в стране победившего социализма.

Деятельность потребительских кооперативов в Российской Федерации регулируется Федеральным законом № 3085-1 от 19 июня 1992 г. «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» [Федеральный закон № 3085-1, 1992]. Вначале прежде всего необходимо раскрыть, чем занималась потребительская и промысловая кооперации в советское время.

1. Потребительская кооперация. В условиях плановой экономики СССР организации потребительской кооперации занимались заготовкой сельхозпродукции у населения. Эта продукция сдавалась по фиксированным ценам в объединения Наркомснаба (до 1934 г.), который после проверки возвращал ее кооперации для реализации населению с торговой наценкой.

С 1930-х годов потребительская кооперация утратила общегосударственное значение и была переориентирована на обслуживание сельских жителей. Монополия на городскую торговлю перешла к Наркомату внутренней торговли СССР [Теодорович, 1990].

2. Промысловая кооперация. После сворачивания НЭПа и перехода к планово-распределительной системе в СССР сформировался устойчивый дефицит товаров массового спроса. В качестве меры противодействия этому была легализована промысловая кооперация.

К концу 1950-х годов в ее состав входило свыше 115 тыс. мастерских (обувных, швейных, по металлоремонт) с численностью занятых более 2 млн человек. Доля отрасли в валовой промышленной продукции страны достигала 6%.

Промысловая кооперация доминировала в выпуске отдельных товаров: производство детских игрушек было практически полностью кооперативным, металлической посуды — около 70%, верхнего трикотажа — до 35%. В структуре системы также функционировали научно-исследовательские и опытно-конструкторские подразделения: 2 НИИ, 22 экспериментальные лаборатории и 100 КБ.

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О реорганизации промысловой кооперации» [*Постановление ЦК КПСС и Совета Министров* № 474, 1956] к середине 1960 года в СССР был завершен процесс полной ликвидации промысловой кооперации. Ее материально-техническая база и производственные мощности были переданы в ведение государственных предприятий. В соответствии с действовавшими уставными документами, бывшим членам кооперативов было предписано возратить паевые взносы. Подводя итог сказанному выше, отметим, что в советское время длительное время действовали следующие системы на условиях кооперации:

- 1) производственная;
- 2) потребительская;
- 3) жилищно-строительная;
- 4) артели народных промыслов;
- 5) добыча драгоценных металлов артельным способом организации производства [*Постановление Совмина СССР* № 393, 1984].

После 1991 г., и особенно в начале XXI века, в экономике России обозначился комплексный кризис, обусловленный множеством факторов. Властям требовалось выявить эндогенные причины кризисных явлений и разработать меры по их нейтрализации, однако эта задача не была решена в полной мере.

В выступлении Президента РФ перед Федеральным собранием 21 февраля 2023 г. прозвучала четкая установка для делового сообщества: «Запускайте новые проекты, зарабатывайте, вкладывайте в Россию, инвестируйте в предприятия и рабочие места, помогайте школам и университетам, науке и здравоохранению, культуре и спорту. Именно так вы и капиталы свои приумножите, и заслужите признание, благодарность людей на поколение вперед, а государство и общество вас, безусловно, поддержат». Данный тезис свидетельствует о поддержке государством всех форм хозяйственной активности, включая потребительскую и промысловую кооперацию.

В современных условиях особую актуальность приобретает изучение и адаптация успешных зарубежных практик кооперативного движения, особенно в контексте санкционных ограничений и переориентации внешне-экономических связей России на страны БРИКС и ШОС.

Государственное регулирование потребительской кооперации, как субъекта предпринимательской деятельности в СССР и РФ

Как отмечалось выше, нормативно-правовая база в СССР, разрешающая частную собственность на средства производства, противоречила устоям советского общества и поэтому отсутствовала. Закон СССР «О кооперации» от 26 мая 1988 г. вступил в силу 1 июля 1988 года. Впервые в истории Советского Союза был законодательно разрешено в частном секторе, в кооперативной деятельности использование наемного труда. В современной российской истории эта дата 26 мая отмечается, как праздник российского предпринимательства. Анализируя нормы закона, упомянутого выше, отметим, что существует два типа кооперативов: потребительские и производственные [Закон СССР № 8998-ХІ, 1988].

В сферу их деятельности входило «производство товаров, продукции, работ, а также предоставление платных услуг предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам». Закон предусматривал организацию кооператива «как на самостоятельных началах, так и при государственных, кооперативных и иных предприятиях, организациях и учреждениях». Закон СССР «О кооперации» ч. 3 ст. 11 [Закон СССР № 8998-ХІ, 1988] устанавливал разрешительный порядок регистрации кооперативов, то есть подается в органы власти заявление вместе с пакетом документов и в течение 10 дней происходит регистрация кооператива. Хотя при подготовке законопроекта экспертами предлагался уведомительный порядок, что было оценено депутатским сообществом страны, как излишнее и необоснованное проявление либерализма.

Рассмотрим основополагающие изменения, введенные законом:

Закон СССР «О кооперации» [Закон СССР № 8998-ХІ, 1988] предоставлял кооперативам значительную автономию в ключевых вопросах хозяйственной деятельности. В области ценообразования кооперативы самостоятельно устанавливали цены и тарифы на свою продукцию и услуги «по договоренности с потребителями или самостоятельно» (ч. 2 ст. 19).

В сфере трудовых отношений кооперативы самостоятельно определяли:

- 1) формы и системы оплаты труда;
- 2) размер фонда оплаты труда;
- 3) порядок выплаты заработной платы (денежными средствами или натурой).

Закон также допускал привлечение наемных работников на основе трудового договора (ч. 2 ст. 25) [Закон СССР № 8998-ХІ, 1988].

Особое значение имели нормы о работе с наличными средствами. В отличие от государственных предприятий, обязанных сдавать денежную выручку в банк (Инструкция Госбанка СССР № 6 от 06.12.1986), кооперативы могли:

- 1) самостоятельно устанавливать лимит остатка наличных денег в кассе;
- 2) использовать выручку на хозяйственные нужды без обязательного зачисления в банк;

3) свободно расходовать средства на оплату труда и закупки у населения (ч. 2 ст. 23) [Закон СССР № 8998-ХІ, 1988].

Эти положения создавали принципиально новые условия хозяйствования, предоставляя кооперативам беспрецедентную для советской экономики финансовую самостоятельность.

Принятие 7 марта 1988 г. Постановления Совета Министров СССР № 307 «О создании кооперативов по разработке программных средств вычислительной техники, а также по оказанию информационно-вычислительных и посреднических услуг в области информатики» [*Постановление Совета Министров СССР № 307, 1988*] ознаменовало новый этап развития кооперативного движения. Это позволило кооперативам выйти за рамки сферы услуг и начать деятельность в высокотехнологичных отраслях, включая импорт компьютеров и программного обеспечения, что способствовало формированию новых рынков в СССР.

Примечательно, что изначально законодатели предполагали, что кооперативы ограничатся созданием чайных, кафе, парикмахерских и мастерских бытового обслуживания, тем самым насытив потребительский рынок без выхода за пределы малого бизнеса.

Несмотря на легализацию частной торговли, в СССР сохранялась система особого снабжения Москвы продуктами и товарами народного потребления, что вызывало значительный поток покупателей из других регионов страны. Это стало одним из видимых результатов экономической перестройки конца 1980-х годов.

Дальнейшее реформирование кооперативного законодательства осуществлялось Законами СССР от 16 октября 1989 г. № 603-1 [*Закон СССР № 603-1, 1989*] и от 6 июня 1990 г. № 1540-1 [*Закон СССР № 1540-1, 1990*]. Первый вводил административное регулирование цен на продукцию кооперативов, что противоречило рыночным принципам. Второй ограничил виды деятельности кооперативов, ввел лицензирование и упорядочил их экспортную деятельность.

В 1991 г. вступление в силу законов «Об акционерных обществах» и «О товариществах с ограниченной ответственностью» создало новые организационно-правовые формы предпринимательства. Ключевым отличием кооперативов стало обязательное трудоустройство пайщиков в своей организации, в то время как учредители АО и ООО не должны были быть работниками создаваемых обществ.

Состояние потребительской кооперации в настоящее время и перспективы ее развития в России

В соответствии с Указом Президента России от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 года», активизация всех форм предпринимательства определена как ключевое условие достижения национального суверенитета.

Однако развитие потребительской кооперации (ПК) сдерживается рядом системных ограничений.

Сохранение архаичной структуры управления Центросоюза (ЦС) без существенных реформ с конца XX века выступает основным препятствием модернизации отрасли. Организации ЦС неспособны конкурировать с современными рыночными игроками, такими как:

- 1) маркетплейсы;
- 2) федеральные и региональные торговые сети;
- 3) оптово-логистические хабы;
- 4) стратегические продовольственные хранилища.

Дополнительным барьером является отсутствие доступных кредитных механизмов для пополнения оборотных средств и обновления основных фондов.

Таким образом, российская потребительская кооперация требует структурных преобразований и адаптации к современным экономическим реалиям для выполнения задач, обозначенных в указах главы государства.

Государство принимает меры по развитию аграрной кооперации через механизмы Минсельхоза и Россельхозбанка, поддерживая создание сельскохозяйственных потребительских кооперативов. В их деятельность включены производство товаров, сбор дикоросов и социальные услуги. Однако ключевой проблемой остается отсутствие собственных сбытовых цепочек, что не позволяет кооперативам реализовывать продукцию по рыночным ценам. Разрушение советской системы райпотребкооперации привело к несовершенству товаропроводящих сетей, снижению выручки и рентабельности из-за необходимости привлечения посредников как для кооперативов, так и для крестьянско-фермерских хозяйств.

Несмотря на эти вызовы, значение потребительской кооперации в экономике сохраняется. Международные организации (ООН с 1980-х гг.) признают кооперативную модель перспективной для достижения целей устойчивого развития. Как отмечается в экологической парадигме, «Природные ресурсы — это то, что мы взяли в долг у своих детей, а не унаследовали от родителей», что коррелирует с кооперативными принципами ответственного управления.

Концепция устойчивого развития (*Sustainable Development*) представляет собой динамический процесс скоординированных преобразований, при котором использование ресурсов, инвестиции, технологическое развитие и институциональные изменения согласуются с текущими и будущими потребностями общества. Ключевым условием является достижение баланса интересов между гражданами, бизнесом и государством.

Устойчивость системы обеспечивается тремя базовыми принципами:

1. Способность политической системы адаптироваться к изменениям;
2. Гибкость экономического уклада, отвечающего запросам общества;

3. Готовность населения к преобразованиям.

Эта триада исключает возникновение революционной ситуации по ленинской формуле («верхи не могут, низы не хотят»), создавая предпосылки для эволюционного развития.

Важным инструментом такой трансформации являются кооперативы, которые соответствуют международному определению как добровольные автономные объединения граждан, совместно владеющих демократически управляемым предприятием для удовлетворения общих экономических, социальных и культурных потребностей.

Проведенный анализ демонстрирует полную синхронность целей устойчивого развития ООН, принципов международного кооперативного движения и стратегических ориентиров Российской Федерации.

Как ООН, так и Международный кооперативный альянс акцентируют роль кооперативов в решении ключевых глобальных вызовов: искоренении нищеты, обеспечении продовольственной безопасности (до 2030 г. еда, как и другие ресурсы, будет в дефиците), создании устойчивых моделей потребления и защите окружающей среды. Эти задачи были имплементированы в российскую правовую систему еще Указом Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», закрепившим принципы сбалансированного развития и приоритет защиты жизни и здоровья людей [*Указ Президента РФ № 440, 1996*].

Новейший стратегический документ — Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 474 «О национальных целях развития» — конкретизирует эти ориентиры, ставя во главу угла повышение продолжительности жизни и преодоление бедности. Данный документ формирует основу для разработки государственных программ, в рамках которых кооперативная модель может стать эффективным инструментом достижения национальных целей через развитие предпринимательской инициативы, укрепление социальной сплоченности и создание инклюзивной экономики [*Указ Президента РФ № 474, 2024*].

Таким образом, кооперативы выступают практическим механизмом реализации как глобальных целей устойчивого развития, так и национальных приоритетов России, обеспечивая связь между международными программами и локальными решениями.

Борьба с бедностью населения

В Послании Федеральному Собранию в феврале 2024 г. Президент РФ обозначил борьбу с бедностью как ключевой приоритет социальной политики, отметив, что проблема затрагивает более 9% населения, а среди многодетных семей достигает 30%. Подчеркивался системный характер

этой задачи и необходимость применения эффективных инструментов для достижения реальных результатов³.

В рамках исследования важно дифференцировать понятия «бедность» и «нищета». В российской статистике бедность измеряется долей населения с доходами ниже прожиточного минимума, который в 2023 г. составил 17 733 руб. (производная от медианного дохода в 40 121 руб.). После снижения числа бедных с 42,3 млн человек в 2013 г. до 15,5 млн, с 2014 г. наблюдается обратная тенденция — к 2020 г. показатель вырос до 19,6 млн человек.

Особую тревогу вызывает ситуация в сельских территориях, где уровень бедности за последние пять лет увеличился с 14,8% до 18,2%. Это связано с последствиями пандемии, ограниченностью рынка труда и недостаточностью мер поддержки сельской молодежи. Для экономиста и социолога бедность сельских и городских жителей — равноценная проблема, требующая адресных решений, учитывающих специфику территорий.

По нашему мнению, ключевые факторы, обуславливающие низкий уровень доходов населения в России, включают следующие аспекты:

1. Установленный в 2024 г. МРОТ (19 242 руб.) не обеспечивает прожиточный минимум, что фактически легализует бедность. Основная причина — экстенсивная модель экономики с низкой производительностью труда и слабым внедрением технологий. Для сравнения: в скандинавских странах минимальная зарплата эквивалентна ≈1000 евро, тогда как в России с учетом ППС — около 250 евро.

2. Специфика измерения бедности в отличие от российской методики (доход ниже прожиточного минимума), в ЕС используется показатель относительной бедности (менее 60% медианного дохода). Это объясняет статистически более высокий уровень хронической бедности в Европе, хотя методологии несопоставимы.

3. Системные проблемы сельских территорий — рост сельской бедности (до 18,2%) усугубляется сокращением социальной инфраструктуры: закрываются больницы, школы и другие объекты из-за несоответствия нормам численности населения. Это подрывает базовые условия для развития человеческого капитала.

4. Критика упрощенных трактовок бедности. Связывать бедность исключительно с наличием детей или образовательной неуспеваемостью (20–30% учащихся) некорректно. Проблема имеет системный характер и требует решения через повышение производительности труда, инвестиции в инфраструктуру и пересмотр критериев социальной политики.

³ Послание Президента Федеральному Собранию // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>, дата обращения 09.09.2025

Особую тревогу вызывает ситуация в сельской местности, где наблюдается устойчивая тенденция депопуляции. Более половины (54%) сельских населенных пунктов имеют численность населения от 1 до 100 человек, что свидетельствует о процессе «вымирания деревень» [Арустамов, Пахомкин, 2019].

Массовая миграция сельского населения из деревень и малых поселений детерминирована комплексом факторов, включая неустойчивость в бытовой, экономической и социальной сферах, а также свертывание государственных инициатив, направленных на развитие сельских территорий. В результате этого наблюдается закрытие организаций потребительской кооперации Центросоюза, которые десятилетиями служили опорой и укрепляли сельский образ жизни, вдохновляя жителей. Инфраструктура потребительской кооперации во многих малых селах и хуторах играла ключевую роль в их развитии, связывая эти поселения с «большим миром» [Арустамов, Пахомкин, 2019].

Последнее десятилетие характеризуется падением основных показателей развития потребительской кооперации, таких как количество кооперативов, количество пайщиков, выручка от основного вида деятельности и удельный вес системы кооперации в ВВП страны. Все это проиллюстрировано в таблице 2.

Таблица 2

Доля совокупного оборота организаций Центросоюза ПК в ВВП страны⁴

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018 к 2017, %
Совокупная выручка от деятельности, млрд руб.	228	246,6	258,7	243,4	231,7	224,3	217,2	96,8
ВВП, трлн руб.	56,3	66,9	71	77,9	80,8	83,9	88,2	105,1
Вклад ЦС в ВВП страны, %	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,25	-0,05

Источник: Росстат (Федеральная служба государственной статистики)

Как видно из таблицы 2, вклад ЦС Потребсоюза в ВВП страны за последние 10 лет наблюдений сократился с 0,5 до 0,25% при снижении совокупной выручки на более чем 10 млрд руб.

⁴ Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // <https://rosstat.gov.ru/>, дата обращения 17.09.2024.

Таблица 3

**Доля участия по видам деятельности в конечном результате
потребительской кооперации России**

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. +, - к 2015 г.
Розничная торговля	69,4	69,4	67,2	65,6	63,9	-5,5
в том числе:						
Продовольственные товары	52,4	52,5	50,9	60,3	49,6	-2,8
Непродовольственные товары	17	16,9	16,3	5,3	14,3	-2,7
Закупка сельскохозяйственной продукции и сырья	9,3	9,4	9,4	9,9	10,1	0,8
Промышленная продукция	8,6	8,2	8,3	8,6	9,4	0,8
Общественное питание	6	6,2	6,2	6,3	6,2	0,2
Оптовая торговля	4,5	4,5	4,2	4,6	5,1	0,6
Платные услуги	2,1	2,1	1,9	2	2,1	—
Другие виды	0,1	0,2	2,8	3	3,2	3,1
Итого	100	100	100	100	100	x

Источник: Росстат (Федеральная служба государственной статистики)

Анализируя структуру доходов в таблице 3 потребительской кооперации за последние 10 лет наблюдений, также отметим положительную динамику ряда показателей, таких как:

- 1) промышленная продукция;
- 2) общественное питание.

Самый большой спад в объеме производства продемонстрировала розничная торговля.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить историческую и современную роль потребительской кооперации в экономике России. В советский период кооперативная модель служила важным инструментом насыщения рынка товарами повседневного спроса, выполнения социальных функций в сельской местности и формирования основ предпринимательской инициативы в условиях плановой экономики.

Современный этап характеризуется системными вызовами, среди которых:

- технологическое отставание от конкурентов;
- слабая интеграция в международные кооперативные сети БРИКС, ШОС и даже ЕАЭС;
- разрушение сбытовой инфраструктуры «на селе»;
- отсутствие действенных механизмов государственной поддержки.

Ключевыми принципами эффективной кооперативной модели определены:

- 1) демократическое управление с опорой на пайщиков;
- 2) отказ от командно-административных методов планирования;
- 3) развитие горизонтальных связей между кооперативами (вертикальная интеграция);
- 4) создание современных товаропроводящих сетей.

Перспективы развития связаны с синхронизацией национальной кооперативной системы с целями устойчивого развития ООН и стратегическими ориентирами России, обозначенными в указах Президента № 309 и 474. Критически важной представляется разработка целевых программ поддержки кооперации как инструмента обеспечения продовольственного суверенитета, создания рабочих мест в сельской местности и реализации национальных проектов.

Для интеграции в международное кооперативное движение необходима институционализация взаимодействия через создание рабочих групп в форматах БРИКС, ШОС и ЕАЭС, а также адаптация успешных зарубежных практик с учетом российской специфики. Реализация данного потенциала позволит кооперативной модели стать действенным инструментом достижения национальных целей развития.

Список литературы

Федеральный закон № 3085-1 от 19 июня 1992 года «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_608/, дата обращения 09.09.2025.

Закон СССР № 8998-XI от 26 мая 1988 года «О кооперации». Собрание законодательства СССР // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361/, дата обращения 27.09.2025.

Закон СССР от 16.10.1989 № 603-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР „О кооперации в СССР“» // «Ведомости СНД СССР и ВС СССР», 1989, № 19, ст. 350.

Закон СССР от 06.06.1990 № 1540-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР „О кооперации в СССР“» // «Ведомости СНД СССР и ВС СССР», 1990, № 26, ст. 489.

Указ Президента РФ № 474 «О национальных целях развития РФ в период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», 2024 // <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>, дата обращения 09.09.2025.

Официальный сайт Международного кооперативного альянса (МКА) // <https://ica.coop/>, дата обращения 17.09.2025.

Послание Президента Федеральному Собранию // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>, дата обращения 09.09.2025.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 474 от 14.04.1956 «О реорганизации промысловой кооперации» // <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355239-postanovlenie-tsk-kpss-i-soveta-ministrov-sssr-14-aprelya-1956-g-o-reorganizatsii-promyslovooy-kooperatsii>, дата обращения 09.09.2025.

Постановление Совмина СССР от 03.05.1984 № 393 «О мерах по улучшению деятельности артелей старателей» // https://meganorm.ru/mega_doc/dop_fire/postanovlenie_pravitelstva_rf_ot_03_02_2020_N_80_o_priznanii/2/postanovlenie_sovmina_sssr_ot_03_05_1984_N_393_red_ot_12_06.html, дата обращения 09.09.2025.

Постановление Совета Министров СССР № 307 от 7 марта 1988 г. «О создании кооперативов по разработке программных средств вычислительной техники, а также по оказанию информационно-вычислительных и посреднических услуг в области информатики» // <http://nla-service.minjust.ru:8080/rnla-links/ws/content/act/65372E93>, дата обращения 09.09.2025.

Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>, дата обращения 09.09.2025.

Обращение Президента РФ к Федеральному собранию 21.02.2023 // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565>, дата обращения 05.09.2025.

Арустамов Э. А., Пахомкин А. Н., 2019. Важнейшие этапы формирования системы потребительской кооперации // *Отходы и ресурсы*. Т. 6. № 3. DOI:10.15862/14ECOR319. // <https://resources.today/PDF/14ECOR319.pdf>, дата обращения 10.09.2024.

Теодорович Т. В., 1990. О государственной монополии внешней торговли // *Известия ЦК КПСС*. № 8. С. 164

Ткач А. В., Нечитайлова Н. С., 2023. Интеграционные процессы в потребительской кооперации России // *Международный сельскохозяйственный журнал*. № 1. С. 3–8.

Сила кооперации в единстве: Центросоюз России и Белкоопсоюз – две родственные системы // <https://rus.coop/ru/articles/sila-kooperatsii-v-edinstve-tsentrosoyuz-rossii-i-belkoopsoyuz-dve-rodstvennyye-sistemy/>, дата обращения 25.09.2025. Vietnam.vn. Saigon Coop.: образцовый кооператив в сфере современ-

ной розничной торговли // <https://www.vietnam.vn/ru/saigon-co-op-htx-kieu-mau-trong-ban-le-hien-dai/>, дата обращения 17.09.2025.

CECOP new report on Industry and Service cooperatives in Europe, 2024 // <https://www.cicopa.coop/news/cecop-new-report-on-industry-and-service-cooperatives-in-europe>, дата обращения 27.09.2025.

World Cooperative Monitor 2022: Exploring the Cooperative Economy, 2022 // <https://euricse.eu/en/publications/world-cooperative-monitor-2022/>, дата обращения 09.09.2025.

Oleg A. PYASTOLOV, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Faculty of Marketing, Institute of Management, RANEPA

Address: 82 Vernadsky Ave., building 4, Moscow, 119571, Russian Federation

E-mail: pyastolov-oa@ranepa.ru

SPIN-code: 6733-9690

ORCID: 0000-0002-6284-8731

David R. RASHIDYAN, master's degree student Faculty of Finance, Institute of Management, RANEPA

Address: 82 Vernadsky Ave., building 4, Moscow, 119571, Russian Federation

E-mail: david.rashidyan2003@mail.ru

ORCID: 0009-0003-4492-4053

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF APPLYING COOPERATION IN INTEGRATION PROJECTS

DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_104

Received: 30.09.2025.

For citation: *Pyastolov O. A., Rashidyan D. R., 2025. International Experience of Applying Cooperation in Integration Projects. – Geoeconomics of Energetics. № 3 (31). P. 104–123. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_104*

Keywords: consumer cooperation, sustainable development, economic integration, food security, cooperative model, resource potential, international economic partnership, government support for cooperation.

Abstract

The article presents a multifaceted study of the evolution of consumer cooperation as a significant socio-economic institution, which has evolved from the Soviet planned system to a modern market model. Particular attention is paid to the analysis of the legal foundations and economic mechanisms of the functioning of cooperatives in different historical periods, including a detailed examination of the transformation of their role in the context of a changing socio-economic paradigm.

Based on a comparative analysis of Soviet and post-Soviet experience, the authors outline the significant potential of consumer cooperation as an effective tool for developing international economic cooperation within integration associations such as the EAEU, SCO, and BRICS. The study demonstrates that cooperative principles adapted to modern realities can ensure effective interaction among member countries of these associations.

The paper proposes specific mechanisms and organizational-legal forms for integrating consumer cooperation into the system of international economic relations, including the development of joint development programs and the establishment of

coordinating bodies. Special emphasis is placed on the need to consider the historical experience of the USSR when forming prospective directions for cooperative collaboration, which allows for an optimal combination of time-tested approaches with the demands of the global economy.

The practical significance of this research lies in formulating comprehensive recommendations aimed at improving the regulatory framework and developing effective financial and economic mechanisms to support cooperative activities. The proposed measures are intended to reinforce the sector's position within the system of international economic cooperation and to promote the sustainable development of the cooperative sector over the long term.

References

Federal Law No. 3085-1 of June 19, 1992 “On Consumer Cooperatives (Consumer Societies, their Unions) in the Russian Federation” // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_608/, accessed 09.09.2025. (In Russ.)

USSR Law No. 8998-XI of May 26, 1988 “On Cooperation”. Collection of legislation of the USSR // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361/, accessed 27.09.2025. (In Russ.)

USSR Law of 10/16/1989 No. 603-1 “On Amendments and Additions to the USSR Law “On Cooperation in the USSR” // Vedomosti of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR, 1989, No. 19, art. 350 (In Russ.)

USSR Law No. 1540-1 dated 06.06.1990 “On Amendments and Additions to the USSR Law “On Cooperation in the USSR” // Vedomosti of the Council of People's Commissars of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR, 1990, No. 26, Article 489 (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation No. 474 “On the National Development Goals of the Russian Federation in the period up to 2030 and for the future up to 2036”, 2024 // <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>, accessed 09.09.2025. (In Russ.)

The official website of the International Cooperative Alliance (ICA) // <https://ica.coop/>, accessed 17.09.2025. (In Russ.)

The President's Message to the Federal Assembly // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>, accessed 09.09.2025. (In Russ.)

Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR No. 474 dated 04/14/1956 “On the reorganization of the fishing cooperative” // <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355239-postanovlenie-tsk-kpss-i-soveta-ministrov-sssr-14-aprelya-1956-g-o-reorganizatsii-promyslovoy-kooperatsii>, accessed 09.09.2025. (In Russ.)

Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 05/03/1984 № 393 “On measures to improve the activities of artels of prospectors” // https://meganorm.ru/mega_doc/dop_fire/postanovlenie_pra_vitelstva_rf_ot_03_02_2020_N_80_o_prizna

nii/2/postanovlenie_sovmina_ussr_ot_03_05_1984_N_393_red_ot_12_06.html, accessed 09.09.2025. (In Russ.)

Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 307 of March 7, 1988 “On the establishment of cooperatives for the development of computer software, as well as for the provision of information computing and intermediary services in the field of computer science” // <http://nla-service.minjust.ru:8080/rnla-links/ws/content/act/65372E93>, accessed 09.09.2025. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation dated 04/01/1996 No. 440 “On the Concept of Transition of the Russian Federation to Sustainable development” // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>, accessed 09.09.2025. (In Russ.)

Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on 02/21/2023 // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565>, accessed 05.09.2025. (In Russ.)

Arustamov E. A., Pakhomkin A. N., 2019. The most important stages of the formation of the consumer cooperation system // Waste and resources. Т 6. No. 3. DOI:10.15862/14ECOR319. // <https://resources.today/PDF/14ECOR319.pdf>, accessed 09.10.2024. (In Russ.)

Teodorovich T. V., 1990 On the state monopoly of foreign trade // Proceedings of the Central Committee of the CPSU. No. 8. p. 164. (In Russ.)

Tkach A. V., Nechitailova N. S., 2023. Integration processes in Russian consumer cooperation // International Agricultural Journal. No. 1. pp. 3-8. (In Russ.)

The strength of cooperation lies in unity: The Central Committee of Russia and the Belkoopsoyuz are two related systems // <https://rus.coop/ru/articles/sila-kooperatsii-v-edinstve-tsentrosoyuz-rossii-i-belkoopsoyuz-dve-rodstvennye-sistemy/>, accessed 25.09.2025. (In Russ.)

Vietnam.vn Saigon Co.op: an exemplary cooperative in the field of modern retail trade // <https://www.vietnam.vn/ru/saigon-co-op-hsx-kieu-mau-trong-ban-le-hien-dai/>, accessed 17.09.2025. (In Russ.)

CECOP new report on Industry and Service cooperatives in Europe, 2024 // <https://www.cicopa.coop/news/cecop-new-report-on-industry-and-service-cooperatives-in-europe>, accessed 27.09.2025. (In Eng.)

World Cooperative Monitor 2022: Exploring the Cooperative Economy, 2022 // <https://euricse.eu/en/publications/world-cooperative-monitor-2022/>, accessed 09.09.2025. (In Eng.)

Владимир НОВИКОВ

ПРОЕКТ ГЛУБОКОВОДНОГО ПОРТА АНАКЛИЯ: ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Дата поступления в редакцию: 14.08.2025.

Для цитирования: Новиков В. В., 2025. Проект глубоководного порта Анаклия: транспортно-логистическое и политическое значение. – Геозкономика энергетики. № 3 (31). С. 124–143. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_124

В статье рассматривается вопрос о строительстве глубоководного порта Анаклия в грузинском регионе Самегрело – Земо – Сванети. Указывается, что сама идея постройки такого глубоководного порта возникла еще в конце советской эпохи и рассматривалась в качестве перспективного экономического проекта после обретения Грузией независимости в 1990-е гг.

Старт проекту строительства порта в Анаклии был дан во второй половине правления Михаила Саакашвили, когда этот проект рассматривался как дополнение к строительству города Лазика, который должен был стать финансовым центром страны.

Подробно рассмотрены вопросы замораживания строительства порта Анаклия и реанимирования этого проекта в период правления партии «Грузинская мечта» (2012–2025 гг.). В частности, рассмотрены вопросы соотношения между строительством порта Анаклия и внутривнутриполитической конъюнктурой в Грузии. В частности, показана взаимосвязь между усилиями определенных грузинских финансовых кругов по строительству Анаклии и политической борьбой внутри «Грузинской мечты» между сторонниками и противниками премьер-министра Г. Квирикашвили.

НОВИКОВ Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора Кавказа Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117418, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: novikov79_79@list.ru. SPIN-код: 8578-7010

Ключевые слова: Грузия, Китай, Лазика, Анаклия, глубоководный порт, Корпорация развития Анаклии, China Communications Construction Company, Срединный путь

Особое внимание уделено геополитическому значению проекта строительства порта Анаклия, месту и роли этого проекта в борьбе Китая и США за политический и экономический контроль над Грузией.

Российская СВО на Украине привела к катализации многих геополитических и геоэкономических процессов не только в Восточной и Центральной Европе, но и в странах Центральной Азии и Закавказья. В частности, введенный в отношении Российской Федерации санкционный режим привел к переделу многих транспортно-логистических маршрутов.

В контексте обсуждения данных процессов, как правило, рассматриваются такие явления, как параллельный импорт и экспорт. Эти механизмы направлены на преодоление санкционных ограничений, введенных США и ЕС в отношении Российской Федерации. Однако необходимо также обратить внимание на другой важный аспект этой проблематики — разработку и оптимизацию транспортно-логистических маршрутов, альтернативных территории РФ.

В этом аспекте интересен проект строительства глубоководного порта Анаклия в Грузии.

Анаклия: начало проекта

Анаклия — это село и одновременно приморский климатический курорт без статуса города в Зугдидском муниципалитете региона Самегрело — Земо — Сванети в Грузии. Село соединено с соседним селом Ганмухури 540-метровым мостом. Рядом находится граница с Абхазией и устье реки Ингур.*

В советские годы в Анаклии находился пункт базирования Черноморского флота. В 1994—2006 гг. в селе базировались российские миротворческие силы по поддержанию мира в зоне абхазо-грузинского конфликта. В 2006 г. российские войска были выведены из Анаклии по требованию грузинских властей. По официальной версии, крепости грозило разрушение из-за нахождения миротворцев.

Еще в 1986 г. возник проект строительства глубоководного порта в районе Анаклии. Однако этому помешал распад СССР, политический и экономический хаос в Грузии и грузино-абхазская война 1992—1993 гг. Уже в конце 1990-х гг. появился новый проект, но его реализации помешала сохраняющаяся нестабильная (а, по сути, конфликтная) обстановка на грузино-абхазской границе [Кармазин, 2020].

* В XV-XVIII в. Анаклия был укрепленным портом Мингрельского княжества. Однако в 1723 г. стал факторией Османской империи, в 1770 г. порт был отвоеван войсками Российской империи и Мингрельского княжества. В XIX в. Анаклия была спорным регионом между Мингрельским и Абхазским княжествами.

Ситуация изменилась после «пятидневной войны» 2008 г. Потерпевший военное поражение режим «Единого национального движения» (ЕНД) и президента М. Саакашвили нуждался в масштабных проектах, которые бы перекрыли их неудачи.

В 2009–2010 гг. М. Саакашвили анонсировал масштабную программу строительства портов и городов на черноморском побережье Грузии. Свою цель грузинский лидер формулировал так: «Мы должны защищаться от России портами и городами». Кроме того, особое внимание Саакашвили было сосредоточено на близости Анаклии к Абхазии, по его мнению, «это привлечет сердца абхазов» [Кармазин, 2020].

Первоначально планировалось построить самый глубоководный порт в стране. Согласно планам, Анаклия должна была принимать корабли грузоподъемностью от 50 до 150 тыс. т. Предполагаемый грузооборот предполагался от 14 млн т грузов на первоначальном этапе и до 100 млн т после окончательного введения порта в эксплуатацию [Кармазин, 2020].

Отметим, что бухта Анаклии действительно обладает существенными преимуществами по сравнению с нынешними главными морскими воротами Грузии – Батуми и Поты. Так, глубина батумской бухты составляет 14 м, потыской – 8,5 м, а в Анаклии мы имеем дело с глубиной в 20 м. [Кармазин, 2024]

Однако планы тогдашнего грузинского руководства шли еще дальше. 4 декабря 2011 г. было объявлено о начале строительства рядом с будущим портом Анаклия города Лазики. Этот город был задуман в рамках реализации концепции ЕНД о максимальной децентрализации органов власти страны. В тот период парламент Грузии переехал в Кутаиси, Конституционный суд – в Батуми. Лазика, в свою очередь, должна была стать финансовым центром страны¹. Кроме того, планировалось, что порт станет частью мегапроекта «Один пояс – один путь» по словам М. Саакашвили самый короткий путь из Китая в Европу идет именно через этот регион.

Согласно проекту, Лазика должна была быть построена с нуля, население составило бы 500 тыс. человек. Ситуация в нем должна была регулироваться нормами порто-франко – то есть город с максимальным количеством свобод и минимальным налогообложением.²

Начало строительства должно было состояться весной 2012 г., первая очередь должна была быть сдана в 2015 г., а сам проект должен был завершиться в 2021 г. Проект должен был быть профинансирован за счет грузинского государства в размере 100–120 млн долл., остальные затраты должны были перекрыть иностранные инвесторы. Важно отметить, что оценки

¹ Город будущего Лазики: неосуществленная мечта Михаила Саакашвили // <https://novate.ru/blogs/020615/31518/?ysclid=m8ycwopwi5263055824>, дата обращения 01.04.2025.

² Там же.

стоимости проекта разнились, М. Саакашвили заявлял о сумме в 1 млрд долл., а его оппоненты — о 12–14 млрд.³

Проект постройки Лазики вызвал беспокойство у жителей крупнейшего грузинского города-порта Поти. У них появились опасения, что после постройки Лазики, Поти станет невостребованным. Были также большие сомнения в том, что для Анаклии найдется столько товаров. Имелись и экологические противопоказания для строительства Лазики.⁴

Кроме того, существовал и этнодемографический аспект этого проекта. Как мы писали выше, проект строительства Лазики был рассчитан на 500 тыс. населения. На 1 января 2012 г. населению Грузии составляло 4 497 600 человек, из них 53,2% — это городские жители, а 46,8% — жители сельской местности⁵.

Таким образом, чтобы заселить Лазику, нужно либо переселить значительную часть населения из других регионов Грузии, либо привлечь иммигрантов из-за рубежа. Можно отметить, что в 2011–2012 гг. представители «Грузинской мечты», критикуя проект Лазики, активно использовали аргумент о том, что строительство и дальнейшее заселение нового города приведет не просто к росту иностранной рабочей силы, но и к притоку именно граждан Китая в этот район.⁶

Грузинский эксперт Г. Хухашвили весьма скептически относился к проекту Лазики. Более того, полагалось, что привлечение к строительству нового города жителей сельской местности приведет к резкому падению численности населения сельской местности и фактически вымыванию населения оттуда.

Другой эксперт М. Арешидзе считал, что новый город может быть заселен армянами из Сирии, где к тому моменту уже шла гражданская война. При этом в качестве выгодоприобретателя называлась Россия, которая, с одной стороны, хочет переселить в Лазику армян, а с другой — подталкивает абхазские власти к возвращению потомков мухаджиров из Турции* и стран Ближнего Востока. Тем самым, считал Арешидзе, Москва пытается обеспечить себе контроль над этой частью черноморского побережья.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Более чем на 28 тысяч человек выросло население Грузии в 2011 году // <https://sputnik-georgia.ru/20120604/215028004.html?ysclid=m8yf430cxg979473994>, дата обращения 01.04.2025.

⁶ Город будущего Лазики: неосуществленная мечта Михаила Саакашвили // <https://novate.ru/blogs/020615/31518/?ysclid=m8ycwpowwi5263055824>, дата обращения 01.04.2025.

* Потомки мухаджиров из Турции — это многочисленные этнические диаспоры на территории современной Турции, состоящие из потомков переселенцев из разных регионов, в том числе с Кавказа. Крупнейшие группы — это потомки кавказских переселенцев (черкесов, адыгов, чеченцев, ингушей, осетин, дагестанцев и др.), а также переселенцы с Балкан. Они расселены по всей стране и сохраняют связи с исторической родиной. (Прим. Ред.)

При этом Саакашвили рассчитывал привлечь к строительству и расселению Лазики людей, ранее покинувших Грузию, и так называемых беженцев из Абхазии. [Тетрадзе, 2012]

Таким образом, с самого начала проект строительства порта Анаклия и города Лазика носил спорный и даже конфликтный характер.

Проект порта Анаклия между «Грузинской мечтой» и ее противниками

Вопрос о строительстве инфраструктурных объектов в Лазике и Анаклии рассматривался в период с 2011 по 2013 г. Данный временной отрезок совпал с проведением парламентских выборов в Грузии, в результате которых к власти пришла коалиция партии «Грузинская мечта». В системе управления также имело место временное сотрудничество («коабитация») между «Грузинской мечтой» и Национальным движением. Кроме того, в этот период произошел уход М. Саакашвили с поста президента.

В 2012 г. лидер партии «Грузинская мечта» Б. Иванишвили назвал проект строительства Анаклии и Лазики в интервью журналу *Forbes* «анекдотом». ⁷ В октябре 2012 г. кандидат на пост министра регионального развития и инфраструктуры К. Каладзе заявил, что «глупые задумки Саакашвили не будут исполнены», и объяснил это решение отсутствием у страны необходимых финансовых средств. ⁸

30 сентября 2013 г. премьер-министр Грузии Б. Иванишвили заявил, что строительство Лазики отменяется, вместо этого будет построен порт Анаклия. Заявленная пропускная способность составляла 110 млн т грузов в год [Мамулашвили, 2013]. Обратим внимание на то, что в своей речи Иванишвили намеренно объединил вопросы, касающиеся градостроительства в регионе Лазики, и вопросы, связанные с проектированием и строительством порта в Анаклии. М. Саакашвили заявил, что премьер-министр должен осознать идентичность проектов строительства порта Анаклия и города Лазики, реализуемых партией ЕНД.

Фактически «Грузинская мечта» отказалась от строительства города Лазики, но решило реализовать проект глубоководного порта Анаклия. Некоторые комментаторы утверждали, что на такое решение оказала влияние американская администрация. Причиной также называли не только возможный торговый потенциал порта, но и военный аспект его использования. Якобы гавань может использоваться подводными лодками США и других стран НАТО [Кармазин, 2020].

⁷ «Грузинская мечта» оставит Саакашвили без «города мечты» Лазики // <https://news.am/rus/news/124301.html>, дата обращения 01.04.2025.

⁸ Там же.

О заинтересованности американских политиков в строительстве анаклийского порта говорит и то, что в 2016 г. Д. Рамсфельд (министр обороны США в 2002–2007 гг.) публично высказался о важности этого порта. В ноябре 2020 г. в ходе визита в Грузию государственный секретарь США М. Помпео выразил надежду, что грузинское правительство сможет достроить порт Анаклия и это поможет не угодить в «лапы» России и Китая.⁹

Итак, до определенного этапа американские политики поддерживали строительство порта Анаклия. Более того, как видно из сказанного выше, рассматривали это не только как средство вытеснения российского влияния в стране, но и как средство ограничения влияния китайского.

Важно отметить, что в период 2014–2020 гг. российские и грузинские эксперты, позиционирующие себя как пророссийские, относились к проекту Анаклия по меньшей мере несерьезно, а в некоторых случаях как большой афере. Приводимые ими аргументы сводились примерно к следующему: два уже имеющихся порта – Батуми и Поты – по максимуму отрабатывают имеющийся грузопоток. Кроме того, грузинская экономика никогда не сможет произвести 100 млн т нужных грузов. Только в 2016 г. все грузинские порты перевалили 17,6 млн т грузов, а один российский Новороссийский порт в том же году перевалил 131,4 млн т грузов.

Исходя из вышеуказанного, эксперты делали вывод: «история с портом закончится весьма банально. В ходе проектных работ будут освоены достаточно большие деньги, после чего, возможно, даже построят несколько причалов. На этом проект умрет. Но это уже будет при другой власти, которая осудит нынешний проект, но вряд ли кого-то посадит». [Инашвили, Мейзер, 2018]

Несмотря на обстоятельства, в 2014 г. правительство Грузии объявило тендер для инвесторов в Анаклию. Первоначально заявки подали 12 компаний, потом их количество сократилось до 7, в итоге в конкурсе приняли участие 2 консорциума [Анхадзе, 2020].

В июне 2015 г. правительственная комиссия во главе с премьер-министром признала квалифицированными (т. е. вышедшими в финал конкурса) заявки консорциума *Anaklia IEP Holding* (участниками которого являлись британская компания *British Eco Power Ltd* и китайские *China Power* и *Citic Group*) и консорциума *JSC Anaklia Development Consortium*¹⁰.

⁹ Анаклия: порт будущего, погрязший в политической трясине настоящего // <https://anhor.uz/vzglyad-iznutri/anaklia/?ysclid=m8ynm6pypo488290985>, дата обращения 01.04.2025.

¹⁰ Два консорциума претендуют на строительство порта в Анаклии // <https://sputnik-georgia.ru/20150610/227810856.html>, дата обращения 01.04.2025.

Во главе консорциума *Anaklia IEP Holding* встал бизнесмен Теймураз Карчава, который ранее занимался бизнесом в России¹¹*. Карчава заявлял, что у него есть уточненный проект порта и источники финансирования всех фаз строительства, и это подтверждается банковскими документами. Кроме того, он заявлял, что потенциальными партнерами его консорциума являются *British Eco Power*, *Global Steel Holdings – Mittal*, «Европейский Инвестиционный Банк», *Tianjin Port*, *P&O Ports* и *Samsung Corporation*.¹²

Что касается консорциума *JSC Anaklia Development Consortium* (также фигурирует в источниках как «Консорциум развития Анаклии»), то он был образован грузинской корпорацией *TBC Holding* (учредитель крупнейшего на тот момент в Грузии *TBC Bank*) и американской компанией *Conti International*. Консультантами консорциума стали разработчик портовых проектов *Moffatt & Nichol* и голландский консультант в портовой сфере *Maritime & Transport Business Solutions* [Anxaudze, 2020]. Впоследствии в этот консорциум вошли *SSA Marine* (США), *British Wondernet Expres* (Центральная Азия) *G-Star Ltd* (Болгария).¹³

Руководителем этого консорциума стал глава *TBC Holding* и *TBC Bank* (старейший коммерческий банк в Грузии, основан в 1992 г.) – Мамука Хазарадзе.

В итоге конкурс выиграл консорциум *JSC Anaklia Development Consortium*. Отметим интересную деталь: консорциум *Anaklia IEP Holding* имел в партнерах китайский капитал, а *JSC Anaklia Development Consortium* – американский. Таким образом, можно сделать вывод, что к 2015–2016 гг. наметилось американо-китайское соперничество за контроль над проектом строительства порта Анаклия.

Наибольшего масштаба деятельность американо-грузинского *JSC Anaklia Development Consortium* пришлась на 2015–2019 гг. При этом укажем, что в 2015–2018 гг. премьер-министром и лидером правящей партии «Грузинская мечта» был Георгий Квирикашвили.

3 октября 2016 г. «Корпорация развития Анаклии» и правительство Грузии подписали инвестиционный договор о строительстве и оперировании глубоководного порта Анаклия. Более того, памятную капсулу

¹¹ Судимый в России грузинский бизнесмен решил построить порт в Анаклии <https://rossaprimavera.ru/news/7aafebdb?ysclid=m8zugm2vni611688369>, дата обращения 01.04.2025.

¹² Теймураз Карчава: «Уточнены все источники финансирования порта Анаклия» // <https://sputnik-georgia.ru/20150610/227816657.html?ysclid=m8zu3beauh327050324>, дата обращения 01.04.2025.

¹³ Ситуация вокруг порта Анаклия: строительство продолжается // <https://sputnik-georgia.ru/20190707/Situatsiya-vokrug-porta-Anakliya-stroitelstvo-prodolzhaetsya-245860018.html>, дата обращения 01.04.2025.

* В 2004 г. инкриминировали подделку паспортов и получение взяток в обмен на предоставление внутренней документации министерства финансов.

на место строительства закладывал сам премьер Квирикашвили, что можно назвать свидетельством тесного сотрудничества и возможного покровительства¹⁴.

В декабре 2017 г. начался первый этап строительства порта Анаклия в виде проведения работ по углублению дна. Однако 2018 г. принес проблемы для руководителей концерна по постройке порта, так как в грузинской политической системе произошла очередная смена власти*.

В январе 2019 г. Генеральная прокуратура Грузии изъяла документацию *TBC Bank*. Формально предмет интереса правоохранителей был далек от темы Анаклии. Прокуроров интересовал эпизод, относящийся к 2008 г., когда в апреле и мае того года две фирмы «Самгори трейд» и «Самгори М» взяли у *TBC Bank* без надлежащего обеспечения кредит в 17 млн долл. Сразу же после поступления денег на счет они были обналичены и переданы Мамуке Хазарадзе и его компаньону Бадри Джапаридзе. После этого кредит был обнулен, а деньги возвращены не были. По этому факту было возбуждено уголовное дело по обвинению в «легализации незаконных доходов (отмыванию денег)», а Национальный Банк Грузии лишил Хазарадзе и Джапаридзе права подписи¹⁵.

Далее начался конфликт между правительством Грузии и руководством консорциума по постройке Анаклии во главе с Хазарадзе. По условиям соглашения о строительстве порта, первый этап работ оценивался в 600 млн долл., из которых 120 млн должен был предоставить консорциум, еще 120 млн — правительство, оставшиеся 400 млн должно быть привлечено в качестве кредита у стороннего инвестора¹⁶.

Кредиторы были уже якобы найдены, но для получения доступа к этим деньгам, правительство Грузии и консорциум по строительству Анаклии должны были закрыть финансовую сделку. Самым главным требованием банков-кредиторов являлось покрытие риска грузооборота. Банки требовали от государства обеспечить эти кредиты и покрыть риски поступления грузов. Государство должно было создать специальный резервный счет, на котором должна была быть размещена сумма обеспечения кредита. В слу-

¹⁴ Квирикашвили принял участие в закладке порта Анаклия // <https://vestikavkaza.ru/news/Kvirikashvili-prinyal-uchastie-v-zakladke-porta-Anakliya.html?ysclid=m903g1m2c5530779420>, дата обращения 01.04.2025.

¹⁵ Глава *TBC Bank* рассказал о состоянии дел по порту Анаклия // <https://sputnik-georgia.ru/20190218/Glava-TBC-Bank-rasskazal-o-sostoyanii-del-po-portu-Anaklia-244411225.html>, дата обращения 01.04.2025.

¹⁶ Что происходит с портом Анаклия: министр рассказала о проблемах // <https://sputnik-georgia.ru/20190322/Chto-proiskhodit-s-portom-Anakliya-ministr-rasskazala-o-problemakh-244735885.html>, дата обращения 01.04.2025.

* В апреле 2018 года Бидзина Иванишвили вернулся на пост председателя партии «Грузинская мечта», сменив премьер-министра Квирикашвили. 30 июня того же года Квирикашвили был смещен, что привело к смене главы правительства.

чае если государство не заполнит этот счет, то банки имеют право разорвать соглашение, а убытки должно будет покрывать государство¹⁷.

Согласно первоначальным планам, закрытие финансовой сделки должно было произойти 15 августа 2017 г. Однако консорциум три раза переносил эту дату, и в окончательном варианте сделка должна была быть закрыта до 15 июня 2019 г. В марте 2019 г. вице-премьер, министр регионального развития и инфраструктуры Грузии Майя Цкетишвили в своем выступлении в парламенте заявила, что власти заинтересованы в строительстве глубоководного порта, но есть много проблем¹⁸. В июне 2019 г. сделка закрыта не была, а правительство Грузии продлило консорциуму сроки закрытия сделки еще на полгода.

На этом фоне у строителей Анаклии возникла проблема в виде конкурирующего проекта. В конце мая 2019 г. мэрия города Поти сообщила, что в городском порту планируется строительство новой глубоководной пристани. Согласно проекту, предполагалось построить защитный мол длиной 1,6 тыс. м и причал длиной и 700 м. При этом стоимость первого этапа составляла 250 млн долл., что почти в три раза меньше стоимости первого этапа строительства Анаклии¹⁹. После этого «Консорциум развития Анаклии» заявил, что может приостановить строительство порта по причине «новых обстоятельств»²⁰.

Одновременно министр экономики и устойчивого развития Натия Турнава заявила, что документ о строительстве глубоководной пристани в Поти не только не является разрешением на строительство, но и выдан в результате должностного подлога. Дело в том, что начальник Агентства технического и строительного надзора Георгий Какауридзе выдал инициаторам потийской стройки документ предварительных условий землепользования без санкции министра экономики и правительства, за что и был уволен²¹. При этом экс-министр экономики и устойчивого развития Георгий Кобулия заявил, что отказываться от строительства потийского порта нельзя, а проект Анаклии вызывает у него много вопросов²².

В июле 2019 г. глава анаклийского консорциума Мамука Хазарадзе и его партнер Бадри Джапаридзе были вызваны в Генеральную прокуратуру для

¹⁷ Финансовая сделка по порту Анаклиа не будет закрыта в срок // <https://sputnik-georgia.ru/20190613/Finansovaya-sdelka-po-portu-Anakliya-ne-budet-zakryta-v-srok-245572148.html>, дата обращения 01.04.2025.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Скандал вокруг строительства портов в Поти и Анаклии продолжается // <https://sputnik-georgia.ru/20190611/Skandal-vokrug-stroitelstva-portov-v-Poti-i-Anakliya-prodolzhaetsya-245551956.html>, дата обращения 01.04.2025.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

предъявления обвинений в незаконной легализации доходов в крупном размере²³. К тому моменту выяснился и политический аспект дела. В июле 2019 г. на фоне напряжения в стране после так называемой ночи Гаврилова (массовых протестов оппозиции) Мамука Хазарадзе объявил о проведении в сентябре учредительного съезда нового оппозиционного движения во главе с самим собой^{24*}.

Действительно, Бидзина Иванишвили публично обвинял *TBC Bank* и «Сакартелос банки» в том, что они «сожрали всю страну». При этом Иванишвили отдельно сосредоточился на критике Квирикашвили, который выступал лоббистом этих банков²⁵. Как утверждали оппозиционные наблюдатели, заинтересованность Вашингтона в проекте Анаклия политически усиливала связку Квирикашвили — Хазарадзе, что и стало причиной атаки на нее со стороны Иванишвили²⁶.

Порт Анаклия приобрел стратегическое значение, став существенным фактором как во внешнеполитических расчетах, так и во внутривнутриполитической динамике Грузии. Анализ ситуации позволяет выявить формирование альтернативного центра влияния в лице тогдашнего премьер-министра Георгия Квирикашвили и предпринимателя Мамуки Хазарадзе. В определенный момент интересы данной группы перестали совпадать с курсом олигарха Бидзины Иванишвили, что побудило премьер-министра к проведению более самостоятельной политики.

Ключевым ресурсом в этой ситуации являлся контроль над правящей партией, главой которой формально являлся Квирикашвили. Это создавало предпосылки для потенциального внутривнутрипартийного конфликта за ее руководство. Проект порта Анаклия был использован данной группой для укрепления связей с администрацией США, что, в свою очередь, могло

²³ Основатель TBC Bank вызван в прокуратуру для предъявления обвинения // <https://sputnik-georgia.ru/20190724/Osnovatel-TBC-Bank-Khazaradze-vyzvan-v-prokuraturu-dlya-predyavleniya-obvneniya-246039871.html>, дата обращения 01.04.2025.

²⁴ Новая сила? Мамука Хазарадзе объявил о создании движения // <https://sputnik-georgia.ru/20190709/Mamuka-Khazaradze-obyavil-o-sozdanii-obschestvennogo-dvizheniya-245881978.html>, дата обращения 01.04.2025.

²⁵ Главный политик против главного банкира Грузии: почему бывший премьер Иванишвили борется против крупнейшего TBC-банка // <https://www.meydan.tv/ru/article/glavnyj-politik-protiv-glavnogo-bankira-gruzii-pochemu-byvshij-premer-ivanishvili-boretsya-s-glavoj-kрупnejshego-tvs-banka/>, дата обращения 01.04.2025.

²⁶ Там же.

* Действительно движение под названием «Лело для Грузии» было создано, и сыграло определенную роль в событиях 2020 и 2024 годов. Сразу же после заявления Хазарадзе политических претензий некоторые наблюдатели стали приписывать ему политический союз с экс-премьером Квирикашвили, который к тому моменту уже покинул «Грузинскую мечту» из-за конфликта с Иванишвили. Более того, «по одной версии, разногласия были связаны именно с проектом порта Анаклия» [Шелия, 2019].

рассматриваться как стратегия по наращиванию внешнеполитического капитала для возможного противостояния с Иванишвили.

В итоге 9 января 2020 г. министр регионального развития и инфраструктуры Майя Цкитишвили заявила о расторжении контракта с «Консорциумом развития Анаклии». Кроме того, правительство Грузии должно будет подготовить новую тендерную документацию на строительство глубоководного порта²⁷.

Консорциум в том же году подал на грузинское правительство иск в Международный Арбитражный суд в Стокгольме. Согласно исковому заявлению, консорциум требовал от государства возмещения инвестиций в размере 80 млн долл. Разбирательство длилось четыре года, и в июле 2024 г. Арбитражный суд отклонил иск консорциума. Более того, суд потребовал от консорциума выплатить грузинскому правительству 650 тыс. долл²⁸.

В результате проект строительства порта Анаклиа был временно приостановлен.

Порт Анаклиа в треугольнике Грузия – Россия – Китай

Вопрос о строительстве порта Анаклиа был вновь поставлен в период 2023–2025 гг. К тому времени ситуация как в закавказском регионе, так и в мире значительно изменилась.

Во-первых, пандемия коронавируса в 2020–2022 гг. в целом ударила по деловой активности. В первую очередь, по тем проектам, которые предполагали долгосрочные инвестиции и отсутствие быстрых прибылей в ходе их реализации.

Во-вторых, военное поражение Армении и ликвидация Республики Арцах в ходе событий 2020–2023 гг. привели к новому раскладу сил в регионе. В первую очередь, к усилению позиций Азербайджана и Турции.

В-третьих, российская СВО также стала причиной изменения регионального расклада. Как известно, Грузия не поддержала введение санкционного режима против Российской Федерации. Более того, поддерживая «территориальную целостность» Украины, приняв значительную часть украинских беженцев и российских релокантов, Грузия отказалась не только оказывать военно-техническую помощь Украине, но и открывать «второй фронт» против России в Абхазии и Южной Осетии. Также был понижен уровень дипломатических отношений, а ГУР Минобороны Украины

²⁷ Обновление: Правительство расторгает договор с Консорциумом развития Анаклиа // <https://civil.ge/ru/archives/333764>, дата обращения 01.04.2025.

²⁸ Иск к властям Грузии из-за расторжения контракта по порту Анаклиа отклонен // <https://eadaaily.com/ru/news/2024/07/30/isk-k-vlastyam-gruzii-iz-za-rastorzheniya-kontrakta-po-portu-anakliya-otklonen>, дата обращения 01.04.2025.

обвинило Грузию в транзите через свою территорию военных технологий и технологий двойного назначения для России [Муханов, Новиков, 2023: 142].

Отметим, что начало СВО и отказ от присоединения к санкционному режиму привело к росту товарооборота между Россией и Грузией. В частности, можно отметить весьма непропорциональный рост импорта российской нефти в Грузию. Только в 2023 г. рост поставок российской нефти увеличился на 361% по сравнению с 2022 г. [Муханов, Новиков, 2023: 145]

В-четвертых, «фактор СВО» и позиционирование грузинского руководства привело к конфликту Тбилиси с Вашингтоном и Брюсселем. Особенно ярко этот конфликт проявился в 2023—2024 гг. и в период предвыборной кампании 2024 г. Маркерами этого конфликта являлись принятие законов против иностранного влияния на грузинские НПО и в защиту традиционных ценностей, озвученные планы правительства Грузии объявить православие государственной религией. Кроме того, в 2024 г. были отменены американо-грузинские военные учения, заморожены 30 млн евро для содействия евроинтеграции Грузии, заморозка ряда проектов по линии германо-грузинских отношений.

Кульминацией данного противостояния стали события 28 ноября 2024 г., когда Европейский парламент принял резолюцию, оспаривающую легитимность парламентских выборов в Грузии и содержащую призыв к организации нового избирательного процесса. В качестве ответной меры правительство Грузии в лице премьер-министра Ираклия Кобахидзе заявило о приостановлении процесса переговоров о вступлении в Европейский союз до 2028 г., а также об отказе от получения бюджетных грантов, предоставляемых ЕС.

В-пятых, конфликт Грузии с Западом (точнее, с его влиятельной частью) породил в российском экспертном и даже политическом сообществе избыточные надежды на возможность российско-грузинского примирения и даже безальтернативности поворота Тбилиси в сторону Москвы. Однако, как показывают события, этого не произошло.

Влияние внутри- и внешнеполитической конъюнктуры на реализацию проекта порта Анаклия

В октябре 2023 г. после визита в Грузию президента Азербайджана Ильхама Алиева было заявлено, что Баку проявляет интерес к постройке порта в Анаклии. Более того, некоторые российские эксперты высказывали мнение, что Азербайджан как основной инвестор Анаклии безальтернативен. Они настаивали на том, что Анаклия интересна в первую очередь Азербайджану, а не Турции. Более того, они указывали, что Азербайджан — это не просто младший партнер Турции, но и один из главных инвесторов в турецкую экономику.

Согласно их данным, порт Анаклия — это ключевое звено в транзите грузов из Китая и Средней Азии через азербайджанскую территорию в Европу. Кроме того, Анаклия может стать важным пунктом и для транзита собственно азербайджанских товаров.

Главным инструментом этого экспорта является железнодорожный проект Баку — Тбилиси — Карс (БТК). Есть две ветки этой дороги собственно грузинская и турецкая. Турецкая ветка упирается в порты этой страны, а для грузинской нужен порт на Черном море²⁹.

Те же эксперты высказывали мнение, что выгоды от данного проекта получит и Россия. Они предполагают, что в ближайшие годы Россия может столкнуться с проблемами в использовании своих черноморских портов. В такой ситуации ей потребуются дополнительные логистические маршруты, и порт Анаклия может стать одним из таких вариантов³⁰.

Однако Азербайджан не стал главным инвестором в Анаклию.

В сентябре 2023 г. министр экономики Грузии Леван Давиташвили заявил, что на роль главного инвестора в строительство порта претендуют два консорциума: швейцарско-люксембургский и китайско-сингапурский. При этом грузинское правительство будет основным акционером порта Анаклия с долей в 51% акций, 49% будет принадлежать инвестору³¹.

В мае 2024 г. было озвучено, что тендер на строительство порта выиграл китайско-сингапурский консорциум *China Communications Construction Company (CCCC)*^{32, 33} *.

Важно отметить, что *China Road and Bridge Corporation* вошла на грузинский рынок еще в 2018 г. Первым грузинским проектом данной компании являлось строительство участка высокоскоростной автомобильной дороги Убиса — Шорапни, которое финансировал Европейский инвестиционный

²⁹ Порт Анаклия — почему проект важен для Баку // <https://sputnik-georgia.ru/20231013/283230763.html?ysclid=mdg0nfu9jp249562743>, дата обращения 01.04.2025.

³⁰ Там же.

³¹ «Китайско-сингапурская и швейцарско-люксембургская компании хотят построить порт в Анаклии // <https://commerciant.ge/ru/news/business/kitaisko-singapurskaia-i-sveicarsko-liuksemburgskaia-kompanii-xotiat-postroit-port-anaklia>, дата обращения 01.04.2025.

³² Китайский консорциум построит в Грузии первый глубоководный порт // <https://www.rzd-partner.ru/wate-transport/news/kitayskiy-konsortsium-postroit-v-gruzii-pervyy-glubokovodnyy-port/?ysclid=mdhbxlnj9p345746709>, дата обращения 01.04.2025.

³³ ТГрузия: порт Анаклия построит китайская компания с сомнительной репутацией // <https://civil.ge/ru/archives/611787>, дата обращения 01.04.2025.

* *China Communications Construction Company* — это государственная китайская компания. Ее партнер по консорциуму — сингапурская компания *China Harbour Investment Pte Ltd* — является дочерней компанией *China Communications Construction Company (CCCC)*. Кроме того, в консорциуме участвуют *China Road and Bridge Corporation* (также «дочка» CCCC) и *Qingdao Port International Co.*

банк (ЕИБ). В 2021 г. эта же компания получила подряд на строительство объездной дороги Цнори, главным инвестором этого проекта является Азиатский банк развития (АБР)³⁴.

Отметим, что почти сразу же после выигрыша СССР тендера на постройку Анаклии этот проект подвергся атаке со стороны проамериканских НПО и оппозиции. Так, организация «Международная прозрачность – Грузия» опубликовала заявление, в котором обвинила СССР в причастности к международным коррупционным скандалам, и выразила озабоченность этим фактом в контексте внешнеполитического курса страны. Более того, в заявлении также говорится, что еще в 2020 г. посольство США в Грузии предупреждало грузинское правительство о том, что деятельность СССР характеризуется некачественным строительством и неустойчивым долгом³⁵.

Кроме того, активными критиками участия китайско-сингапурского консорциума в проекте Анаклиа выступили лидеры партии «Дело для Грузии» и бывшие инвесторы проекта Мамука Хазарадзе и Бадри Джапаридзе, а также глава движения «Гражданская идея» Тина Хидашели [Ахалцаки, 2024].

Ситуация приобрела значительную остроту, что вынудило дать официальные разъяснения Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в Грузии Чжоу Цзяня. В своем заявлении он возложил ответственность за кампанию против китайско-сингапурского участия в проекте порта Анаклиа на Соединенные Штаты и Тайвань, обвинив их в ее финансировании. [Ахалцаки, 2024].

Отметим, что привлечение китайского капитала в анаклийский проект совпало с усилением грузино-китайских контактов. Так, товарооборот между Грузией и Китаем в период с 2012 г. (года прихода к власти «Грузинской мечты») по 2014 г. вырос с 640 млн до 1,8 млрд долл. При этом Китай вошел в пятерку внешнеторговых партнеров Грузии, было зарегистрировано 2000 компаний с китайским капиталом. В 2017 г. страны подписали соглашение о создании зоны свободной торговли. Кроме того, в конце 2023 г. грузинские власти ввели для граждан КНР безвизовый режим. Более того, было налажено почти ежедневное авиасообщение между Китаем и Грузией [Кармазин, 2024b].

Помимо экономического сотрудничества, двусторонние отношения характеризуются активным политическим диалогом. Интенсификация контактов на высшем уровне была подкреплена визитом премьер-министра Грузии Ираклия Гарибашвили в Китай в 2023 г., в ходе которого было подписано соглашение о стратегическом партнерстве [Кармазин, 2024a].

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

Знаковым событием во взаимодействии двух стран стала внутривнутриполитическая ротация в январе 2024 г., в результате которой произошла смена руководства в правительстве и правящей партии «Грузинская мечта». Накануне этой институциональной перестановки делегация грузинских парламентариев во главе с Ираклием Кобахидзе совершила визит в КНР. В ходе визита были проведены встречи как в законодательном органе — Всекитайском собрании народных представителей, — так и в Центральном комитете Коммунистической партии Китая, что подчеркивает партийно-политическую составляющую диалога. Параллельно действующий на тот момент премьер-министр Ираклий Гарибашвили провел консультации с послом КНР в Грузии, в рамках которых была подтверждена поддержка официального Тбилиси позиции Пекина по тайваньскому вопросу [Кармазин, 2024a].

Таким образом, появление китайско-сингапурского консорциума в порту Анаклия — это не вопрос экономики, а большой политики. Он отражает поворот Грузии и грузинских элит в лице правящей партии к Китаю. И этот поворот явно не случайный, а отражает определенные глубинные процессы в китайской политике.

Анализ историко-политического контекста позволяет выявить устойчивые элементы в грузино-китайских отношениях. Личные деловые связи основателя и почетного председателя партии «Грузинская мечта» Бидзины Иванишвили с Китаем, уходящие корнями в позднесоветский период, являются одним из таких элементов. По имеющимся данным, одним из первых предпринимательских проектов Иванишвили стала покупка в Китае фабрики по производству электроники [Рождкова, 2005].

Историческая преемственность данного вектора взаимодействия прослеживается в более ранний период. Еще в начале XX века, в годы Первой Республики (1918–1921), политическими деятелями, в частности, одним из основателей государства, Нико Николадзе, выдвигались концепции транзитного потенциала Грузии. В рамках этой парадигмы Грузия рассматривалась как связующее звено между Китаем и Средней Азией с одной стороны и Европой — с другой [Авалов, 2022].

Отметим, что в феврале 2025 г. в интервью телеканалу *Euronews* премьер-министр Грузии Ираклий Кобахидзе заявил, что «Грузия исторически связывала Европу с Азией и Восток с Западом. Мы хотим максимально восстановить эту историческую функцию Грузии. Мы хотели бы еще больше укрепить партнерские отношения с Европой, США, со странами Южного Кавказа, Центральной Азии и Китаем»³⁶.

То есть грузинский премьер вновь повторил тезис о Грузии как о государстве-мосте.

³⁶ Главные тезисы интервью премьер-министра Грузии Ираклия Кобахидзе Euronews // <https://t.me/sputnikgeorgia/42836?ysclid=mdokf6uvfo813088025>, дата обращения 01.04.2025.

Интересы России в проекте глубоководного порта

Если рассматривать транспортно-логистическую политику Китая, стран Центральной Азии и Азербайджана, то приоритетным тут считается так называемый Срединный коридор (другое название — Транскаспийский международный транспортный маршрут — ТМТМ). Отметим, что особую заинтересованность помимо Китая в этом маршруте проявляет Организация тюркских государств (ОТГ), где на роль лидера претендует альянс Азербайджана и Турции. Напомним, что в ходе саммита этой организации в Шуши летом 2024 г. была принята Карабахская декларация, в которой отдельным пунктом было подчеркнуто значение этого маршрута. Декларировалась необходимость наращивания развития портовой инфраструктуры, железных дорог, автомобильных трасс и логистических путей [Новиков, 2024].

Создание «Срединного коридора» может быть предназначено только для одного — исключения Российской Федерации из числа стран-транзитеров и максимального переключения товаропотока, ранее шедшего через российскую территорию. Совершенно очевидно, что созданию подобного рода схем содействует санкционный режим, действующий в отношении России [Новиков, 2024].

Важно отметить, что «Срединный коридор» является также альтернативой как проходящему через Россию и Белоруссию «Северному коридору», так и различным маршрутам, проходящим через Малаккский пролив и Красное море. При этом ценность «Срединного коридора» повышается в результате роста военно-политической напряженности в секторе Газа, примыкающему к Красному морю и Суэцкому каналу [Григорьев, 2025].

Совершенно очевидно, что проект порта Анаклия и интерес к нему китайской стороны следует рассматривать в контексте «Срединного пути» и построения транспортно-логистических путей в обход России. В этой ситуации говорить о том, что Россия сможет использовать Анаклию как дополнительное транспортно-логистическое «плечо», о возможности которого говорили эксперты, на которых мы ссылались выше, невозможно.

Заключение

Проект строительства глубоководного порта в Анаклии является не только, и не столько, экономическим проектом. Если говорить о собственно экономической составляющей данного проекта, то совершенно очевидно, что постройка такого порта повышает роль Грузии как транзитной страны и региональной державы.

Очевидно, что такой порт не может быть построен силами одной только Грузии. Причина — отсутствие в стране крупного финансово-инвестиционного ресурса, способного «освоить» данный проект. Соответственно, любая

грузинская власть и та часть бизнеса, которая заинтересована в этом проекте, должна искать иностранного инвестора, который также будет заинтересован в данном проекте.

Важно отметить, что такой иностранный инвестор не может ограничиваться только экономической ролью. Ведь проект Анаклия – это долгосрочный проект, который не даст быстрой отдачи в виде прибыли. Соответственно, нужны не только экономические, но и политические гарантии защиты этих инвестиций. Иными словами, такой инвестор должен иметь долговременных союзников в политической элите Грузии, с помощью которых они могли бы гарантировать стабильность своих вложений.

Проект Анаклии трансформировался из сугубо экономической инициативы в элемент стратегического соперничества между США и Китаем за влияние в Грузии. Данное противоборство носит комплексный характер, сочетая геоэкономические и геополитические аспекты.

Сложившаяся конфигурация сил демонстрирует, что Китай и ряд стран – членов ЕС, в частности Венгрия, занимают позицию, условно совпадающую с курсом правящей партии «Грузинская мечта». В то же время администрация Дж. Байдена оказывала активную поддержку грузинской оппозиции, а при администрации Д. Трампа отношения между Грузией и США оставались не до конца урегулированными.

Следовательно, геополитическая и геоэкономическая конкуренция, эпицентром которой отчасти стал проект Анаклии, создает риски не столько для экономического роста, сколько для макроэкономической стабильности страны, выражающиеся в потенциальном снижении ее инвестиционной привлекательности.

Список литературы

Авалов З. Д., 1924. Независимость Грузии в международной политике 1918-1921. М. 2022 // <https://rev-lib.com/avalov-z-d-nezavisimost-gruzii-v-mezhdunarodnoj-politike-1918-1921-g/>, дата обращения 1.04.2025.

Муханов В. М., Новиков В. В., 2023. Республика Абхазия и СВО на Украине // Россия и новые государства Евразии, № 3 (60), С. 141–156. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-141-156.

Анхайдзе Ш., 2020. Грузинский порт Анаклия скоро станет базой ВМС США // <https://zvezdaweekly.ru/news/20201281256-7lgrQ.html>, дата обращения 1.04.2025.

Ахалцаки И., 2024. Кампания против вхождения китайского капитала в проект порта Анаклия заказан Тайванем и США // <https://spress.ge/59434/>, дата обращения 1.04.2025.

Григорьев А., 2025. Порт Анаклия и инфраструктурная стратегия Пекина // <https://kavkazgeoclub.ru/content/port-anakliya-i-infrastrukturnaya-strategiya-pekina?ysclid=mdogdob9f5941323171>, дата обращения 08.07.2025.

Инашвили И., Мейзер А., 2018. Порт Анаклия. Грузия. XXI век. Грузинские Нью-Васюки рядом с Абхазией. // <https://regnum.ru/article/2364315?ysclid=m8yно873е624569267>, дата обращения 1.04.2025.

Кармазин И., 2020а. Морской отбой: почему Грузия не смогла построить царь-порт? // <https://iz.ru/968099/igor-karmazin/morskoj-otboi-pochemu-gruziia-ne-smogla-postroit-tcar-port>, дата обращения 1.04.2025.

Кармазин И., 2024а. Дракон в папaxe: Грузия укрепляет отношения с Китаем. // <https://iz.ru/1636815/igor-karmazin/dragon-v-papakhe-gruziia-ukrepliaet-otnosheniia-s-kitaem>, дата обращения 1.04.2025.

Кармазин И., 2024б. Море волнуется: китайцы построят в Грузии гигантский морской порт // <https://iz.ru/1705151/igor-karmazin/more-volnuetsia-kitaitcy-postroiati-v-gruzii-gigantskii-morskoj-port>, дата обращения 1.04.2025.

Мамулашвили Ц., 2013. Власти Грузии построят порт Анаклия, а не Лазику — Иванишвили // <https://sputnik-georgia.ru/20130930/215918470.html>, дата обращения 01.04.2025.

Новиков В., 2024. Срединный коридор обойдет Россию // https://www.ng.ru/vision/2024-07-28/5_9058_leadership.html?ysclid=mdogky4yni721340513, дата обращения 1.04.2025.

Рожкова М., 2005. Интервью. Бидзина Иванишвили, основатель и владелец банка «Российский кредит» // <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2005/04/07/intervyu-boris-ivanishvili-osnovatel-i-vladelec-banka-rossijskij-kredit?ysclid=mdhknzk6y5432110640>, дата обращения 1.04.2025.

Тетрадзе Г., 2012. Лазику: грузинская фантазия одного человека // <http://www.kavkazoved.info/news/2012/02/22/lazika-gruzinskaya-fantazija-odnogo-cheloveka.html?ysclid=m8yimm5qjw439285310>, дата обращения 1.04.2025.

Шелия Л., 2019. Хазарадзе идет по стопам Иванишвили? Грузинские страсти за год до выборов // <https://sputnik-georgia.ru/20190711/Khazaradze-idet-po-stopam-Ivanishvili-Gruzinskie-strasti-za-god-do-vyborov-245905096.html>, дата обращения 01.04.2025.

NOVIKOV Vladimir V., PhD in History, Senior Researcher at the Caucasus Sector of the Center for Post-Soviet Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Caucasus Department at the Institute of CIS

Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117418, Russian Federation

E-mail: novikov79_79@list.ru

SPIN code: 8578-7010

THE ANAKLIA DEEP-SEA PORT PROJECT: TRANSPORT, LOGISTICS, AND POLITICAL SIGNIFICANCE

DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_124

Received: 14.08.2025.

For citation: *Novikov V. V.*, 2025. The Anaklia Deep-Sea Port Project: Transport, Logistics, and Political Significance. – *Geeconomics of Energetics*. № 3 (31). P. 124–143. DOI: 10.48137/26870703_2025_31_3_124

Keywords: Georgia, China, Lazika, Anaklia, deepwater port, Anaklia Development Corporation, China Communications Construction Company, Middle Way.

Abstract

The article discusses the construction of the Anaklia deepwater port in the Samegrelo-Zemo-Svaneti region of Georgia. It is indicated that the very idea of building such a deep-water port arose at the end of the Soviet era, and was considered as a promising economic project after Georgia gained independence in the 1990s.

The construction project officially began during the second half of Mikheil Saakashvili's presidency, when it was conceived as a complement to the development of the city of Lazika, envisioned as the country's future financial hub. The paper provides a detailed analysis of the suspension of the Anaklia port project and its revival under the rule of the Georgian Dream party (2012–2025).

It focuses, in particular, on the link between the port's construction and Georgia's domestic political landscape, highlighting the connection between the efforts of specific Georgian financial groups to advance the Anaklia project and the internal political struggle within Georgian Dream, especially between supporters and opponents of Prime Minister G. Kvirikashvili.

Special attention is given to the geopolitical importance of the Anaklia port project, emphasizing its role in the competition between China and the United States for political and economic influence over Georgia.

References

Avalov Z. D., 1924. Independence of Georgia in international politics 1918–1921. М. 2022 // <https://rev-lib.com/avalov-z-d-nezavisimost-gruzii-v-mezhdunarodnoj-politike-1918-1921-g/>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Mukhanov V. M., Novikov V. V., 2023. The Republic of Abkhazia and its Territory in Ukraine // Russia and the New States of Eurasia, No. 3 (60), pp. 141–156. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-141-156. (In Russ.)

Aphaidze Sh., 2020. The Georgian port of Anaklia will soon become a base of the US Navy // <https://zvezdaweekly.ru/news/20201281256-7lgrQ.html>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Akhalsaki I., 2024. The campaign against the entry of Chinese capital into the Anaklia Port project was ordered by Taiwan and the USA // <https://spress.ge/59434/>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Grigoriev A., 2025. Anaklia Port and Beijing's Infrastructure Strategy // <https://kavkazgeoclub.ru/content/port-anakliya-i-infrastruktturnaya-strategiya-pekina?ysclid=mdogdob9f5941323171>, accessed 07/08/2025. (In Russ.)

Inashvili I., Meizer A., 2018. The port of Anaklia. Georgia. The 21st century. Georgian New Vasyuki near Abkhazia. // <https://regnum.ru/article/2364315?ysclid=m8yno873e624569267>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Karmazin I., 2020a. Sea lights out: Why couldn't Georgia build the Tsar port? // <https://iz.ru/968099/igor-karmazin/morskoi-otboi-pochemu-gruziia-ne-smogla-postroit-tcar-port>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Karmazin I., 2024a. Dragon in a hat: Georgia strengthens relations with China. // <https://iz.ru/1636815/igor-karmazin/drakon-v-papakhe-gruziia-ukrepliaet-otnosheniia-s-kitaem>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Karmazin I., 2024b. The sea is worried: the Chinese will build a giant seaport in Georgia // <https://iz.ru/1705151/igor-karmazin/more-volnuetsia-kitaitcy-postroiati-v-gruzii-gigantskii-morskoi-port>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Mamulashvili Ts., 2013. Georgian authorities will build the port of Anaklia, not Lazika – Ivanishvili // <https://sputnik-georgia.ru/20130930/215918470.html>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Novikov V., 2024. The middle corridor will bypass Russia // https://www.ng.ru/vision/2024-07-28/5_9058_leadership.html?ysclid=mdogky4yni721340513, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Rozhkova M., 2005. Interview. Bidzina Ivanishvili, founder and owner of the bank "Russian Credit" // <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2005/04/07/intervyu-boris-ivanishvili-osnovatel-i-vladelec-banka-rossijskij-kredit?ysclid=mdhknzk6y5432110640>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Tetradze G., 2012. Lazika: One man's Georgian Fantasy // <http://www.kavkazoved.info/news/2012/02/22/lazika-gruzinskaya-fantazija-odnogo-cheloveka.html?ysclid=m8yimm5qjw439285310>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

Shelia L., 2019. Is Khazaradze following in Ivanishvili's footsteps? Georgian passions a year before the elections // <https://sputnik-georgia.ru/20190711/Khazaradze-idet-postopam-Ivanishvili-Gruzinskije-strasti-za-god-do-vyborov-245905096.html>, accessed 1.04.2025. (In Russ.)

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ТЕКСТЕ

АЭС — атомная электростанция

ВИЭ — возобновляемые источники энергии

ВЭС — ветроэлектростанция

ГЭС — гидроэлектростанция

ДНЯО — Договор о нераспространении ядерного оружия

МФО — международные финансовые организации

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ССАГПЗ — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (GCC - Gulf Cooperation Council)

СЭВ — Совет Экономической Взаимопомощи

СЭС — солнечная электростанция

CfD (Contract for Difference) — контракт на разницу цен

COP — Конференция сторон (Conference of the Parties) Рамочной конвенции ООН об изменении климата

ESG — Environmental, Social, and Governance (Экологическое, социальное управление и управление)

FID (Final Investment Decision) — окончательное инвестиционное решение

GCC Rail — Железнодорожный проект стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива

LCOE (Levelized Cost of Energy) — приведенная стоимость электроэнергии

PPA (Power Purchase Agreement) — договор купли-продажи электроэнергии

SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication) — международная система межбанковских расчетов

CONTENTS

EDITORIAL	4
GEOPOLITICS AND ENERGY SECURITY	
MARKAROV A., DAVTYAN V. <i>The Strategic Importance of The Nuclear Power Plant in Armenia's Energy Sector: Domestic Priorities and External Pressure</i>	6
LITVINOV A. <i>Strategies of the USSR, Iran, Venezuela and North Korea for Overcoming Sanctions Regimes</i>	21
ENERGY POLICY	
GUZAEROV R. <i>Türkiye's Renewable Energy Strategy</i>	39
KULIKOV A., NIKITIN E. <i>International Activities of CNPC: Institutional Features and Implications for Partner Countries</i> . . .	51
ECOLOGY AND NEW TECHNOLOGIES	
LIUBOMIROVA P. <i>Assessment of The Offshore Wind Energy Development Potential in The Caspian Sea: The Case of Azerbaijan</i>	64
ZHILTSOV S., KHEZZEKOVA K. <i>Energy Transition of The Gulf Countries</i> . .	85
INSTITUTIONS AND LEGAL REGULATION	
PYASTOLOV O., RASHIDYAN D. <i>International Experience of Applying Cooperation in Integration Projects</i>	104
GLOBAL TRANSPORT CORRIDORS	
NOVIKOV V. <i>The Anaklia Deep-Sea Port Project: Transport, Logistics, and Political Significance</i>	124
ABBREVIATIONS USED IN THE TEXT.	144

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, и данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Геоэкономика энергетики» обязательна.

Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75848
выдано 13 июня 2019 года

Возрастная категория: 16+

Подписной индекс 33321 на полугодие
в интернет-каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

ISSN 2687-0703

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ»
№ 3 (31) 2025

Издательство Института стран СНГ
Адрес издательства и редакции: г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3
Телефоны: (499) 799-81-49, (499) 799-81-62
E-mail: info@geoenergy-journal.ru
Сайт: <http://geoenergy-journal.ru>

Подписано в печать 30.09.2025
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
Тираж по заказу. Заказ № 21/Е.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.

